

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№ 6 (64) 1992 г.

**И СНОВА
ГАЙДАР
ВПЕРЕДИ...**

иллюстрированный еженедельник

«РОССИЙСКИЙ ДОМ» — первая акционерная компания России, официальный исполнитель правительственных программ.

С нами Вы решите все проблемы социально-экономического и производственного развития Вашего предприятия. Исключительный шанс: — превратить сырье, неликвиды, отходы в товары, технологии, продукты питания — лучшие от лучших фирм!

«Российский Дом» признан в мире цивилизованного бизнеса.

Сотрудничество с нами — кратчайший путь к экономическому чуду!

Контактные телефоны в Москве: 246-07-11, 244-48-26

Телефакс: 928-17-62

Александр МИНКИН

СКАЗКА

Сейчас вы познакомитесь с двумя документами. Официальным списком вопросов и дружеской запиской. Список вопросов придуман в КГБ. Агенты КГБ выучивали эти вопросы наизусть, а также делали шпаргалки. Подготовившись, агенты шли на митинг или собрание, где Борис Ельцин встречался с народом.

Агенты (под видом рабочих и крестьян) задавали Ельцину вопросы, которые должны были его дискредитировать, лишить поддержки народа, лишить голосов.

1. Вопросы составлены так, что уже в

ИЗ ЛУБЯНКИ С ЛЮБОВЬЮ

Ельцин — общий друг Крючкова и Болдина

ПРИСКАЗКА

В некотором царстве, в некотором великом государстве, давным-давно, когда дедушка Ельцин еще не был президентом России, глупые чекисты считали его своим врагом. Они думали, что, придя к власти, дедушка Ельцин уничтожит КГБ. Какие наивные! не так ли, дружок?

Романтичные чекисты — а у них, дружок, всегда горячая голова, ледяные руки (старики говорили еще про какое-то сердце, но я забыл), — чекисты эти по наивности считали Ельцина и демократом, и диссидентом, и Бог знает кем. Они не знали, что он, став президентом, начнет тут же создавать всякие КГБ, АФБ, МВДГБ, МФБР...

Дело в том, дружок, что дедушка Ельцин — каким бы невероятным тебе это ни казалось, — тогда еще не был президентом. Вот как давно это было! В те ужасные времена, чтобы добиться популярности (так, дружок, называется любовь народа; всяк ее ищет, да не всяк находит) — для популярности тогда непременно надо было ругать КГБ и коммунистов. Это бедные люди, которые всю жизнь вносили в Кремль платили, дань то есть генсеку. А это, дружок, дряхлый злой волшебник, который 1000 лет в мавзолее лежал, людей поедая. Каждый день целую очередь заглатывал, а дважды в год вылезал на мавзолей — загорать, и тогда люди от радости парад устраивали, потому что в такой день генсек очередь не ел... Эх, ни черта ты, дружок, не знаешь и — как я ни старайся — ничего не поймешь.

самом вопросе содержится клевета и инсинуация.

Пример: «Вы часто говорите, что не любите интриг, и тут же активно участвуете в интриге, разыгрываемой Гдланом и Ивановым. Как бы Вы объяснили это интригующее противоречие?»

Смысл: На деле это не вопрос о «противоречиях», а утверждение: «Ельцин активно участвует в интригах Гдлана».

2. Вопросы составлены так, что любой ответ порочит отвечающего.

Пример: «Продолжаете ли вы настаивать на утверждении, сделанном Вами в Японии, что наша 280-миллионная Отчизна — страна с недостаточным интеллектом?»

Смысл: а) Ельцин в Японии назвал дураками 280-миллионный народ (а значит, и присутствующих на встрече);

б) ответ «продолжаю» — плох, так как оскорбитель для присутствующих и всего народа;

в) ответ «не продолжаю» — плох, так как, во-первых, означает признание, что оскорбление народного ума действительно имело место и, во-вторых, что Ельцин лицемерит и пытается заглянуть грубую ошибку, выкручивается.

3. Вопросы, как вы увидите, составлены одним языком, аппаратно-комсомольским. Это язык партсобраний, товарищеских судов, протоколов бюро райкома. Люди так не говорят. Человек, задавая такой вопрос, выдает себя фальшью сочиненного текста, фальшью заученной интонации.

Вот эти вопросы. Оцените их сами.

ПОЧЕМУ У ТЕБЯ ТАКИЕ БОЛЬШИЕ ЗУБЫ?

Партийно-политические вопросы

— Во время своих зарубежных поездок Вы постоянно с пренебрежением высказывались о нашем общественном строе, неоднократно подчеркивали, что авторитет М.Горбачева в стране падает и на его месте Вы перекроили бы государственное и общественное устройство СССР по образцу западных стран. Встречали ли Вы в США, Японии, других странах политических деятелей, занимающих подобную позицию в отношении своей родины, своего президента?

— Чем, по-Вашему, вызвана восторженность правой прессы в США по поводу Ваших выступлений в этой стране и достаточно сдержанная реакция на них крупных официозов?

— Патриотические чувства граждан России вы называете имперским мышлением. Может ли человек, отрицающий патриотизм как нравственную основу общества, претендовать на высший государственный пост в этом обществе?

— Не могли бы Вы, как член ЦК КПСС, более ясно сказать, что вызывает у Вас больше симпатий — капитализм или коммунизм?

— 29 апреля следователь Н.Иванов объявил Вас своим ближайшим союзником. Как Вы лично относитесь к этому союзу и место в каком учреждении Вы отвели бы Гдлану и Иванову в правовом государстве?

— Что двигало Вами, когда перед Пленумом Московского горкома КПСС, где Вы были переизбраны, Вы в своем кабинете попытались сделать себе ножницами ха-ракири, о чем стало известно только сейчас?

— В Испании Вы очень уверенно заявляли о своем неизбежном избрании на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Среди тех, кто оскорбил бранью Красную площадь в первомайские торжества, — много Ваших поклонников. Неужели Вы считаете их своей опорой?

— Как Вы относитесь к утверждению, высказываемому по Вашему адресу, что народным избранным можно простить многое, что не прощается в миру?

— В интервью журналу «Квик» десять месяцев назад Вы утверждали, что всем сердцем — за перестройку. В январе этого года в Японии Вы уже заявили, что даже само слово перестройка Вам надоело. Что еще из Вашего политического багажа стоит на очереди, от чего Вы собираетесь отречься?

— Прежде чем начнется голосование, хотелось бы, чтобы Вы внесли ясность в вопрос: зачем Вам понадобилось сперва выжимать политические дивиденды из намокшего платья, после купания в Москве-реке, чтобы потом объявить все это шуткой?

— В интервью греческой газете «Катимерини» в конце 89-го года Вы сказали, что перестройка началась по инициативе М.Горбачева. Через два месяца в Японии

Окончание на с.3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

А.Минкин:

Агенты КГБ выучивали вопросы наизусть, а также делали шпаргалки.

Подготовившись, агенты шли на митинг или собрание, где Борис Ельцин встречался с народом...

1

В.Королев:

Аналитический ум, энергия и беспощадность Стерлигова к мыслящим иначе, чем он, не оставляют у знающих его сомнений: если осуществляются его теперь уже откровенные планы — в стране может воцариться атмосфера сродни той, что была при Стерлигове во 2-й службе Московского УКГБ.

6

2 ЭКОНОМИКА

Л.Гольдин:

Похоже, Лигачев, Алкснис и Петрушенко глубже судили об обществе, в котором живут, чем академики-трибуны перестроечной формации.

18

Л.Шпигель:

...Демократы у власти особых свобод в экономике не допускают. Мы считаем, в парламент России должны прийти люди от бизнеса.

20

Эльмар Гусейнов:

Британский фунт — одна из самых необычных валют. Мало какое государство может похвастаться денежной единицей с такой богатой историей.

22

3 ЖИЗНЬ

Р.Фирстова:

В сентябре 1985 г. родители Саши Кислицы получили извещение о его гибели и гроб, в котором оказался чужой человек.

28

В.Басков:

Департамент воздушного транспорта России — очередной псевдоним Министерства гражданской авиации СССР. Дело МГА живет и побеждает...

38

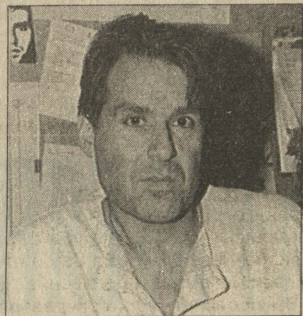
Н.Малинин:

...пока стоит Китайская стена — стоит Россия. Сегодня стена порушена — и Россия лежит в руинах. Восстановим стену — может, и Россия поднимется?

40

4 КУЛЬТУРА

Д.Савицкий:

Советский Союз — структура, в которой немногим разрешалось взрослеть, то есть — реагировать, действовать. Теперь, когда системы нет, человек не может действовать по другой причине: на него давит свобода выбора.

52

В.Пьецух:

— По ком поминки-то?
— По императору Александру II Освободителю... Садись и пей!
— Не буду! — отрезал я.
— Я, конечно, против терроризма, но пить в такую рань, да еще и водку, ты меня не заставишь...

59

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Заместитель главного редактора по коммерции: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов
Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел социально-бытовых проблем: Вячеслав Басков
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская
Отдел оформления: Виктор Резников

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 378
Geneve 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 07.02.1992 г.
Тираж 150 000

Над номером работали:
В.Старчевский, А.Тамиров, Э.Петрова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 258

Окончание. Начало на с.1

Вы выступили с категорическим отрицанием этого тезиса. Не слишком ли легко Вы меняете свои убеждения в зависимости от обстановки?

— Насколько принципиальна Ваша позиция, когда, с одной стороны, Вы считаете себя социал-демократом (в интервью иностранным корреспондентам), с другой — продолжаете крепко держаться за членство не просто в КПСС, а в ЦК партии?

— В интервью финскому еженедельнику в январе этого года Вы заявили, что в Тбилиси армейские танки давили мирных демонстрантов. Расследование дало совсем иные выводы. Не намерены ли Вы извиниться перед Советской Армией за незаслуженно нанесенное ей оскорбление?

— На пресс-конференции в Токио 23 января с.г. Вы заявили, что «пока еще не отыгались» за то, что руководство страны якобы навешивает на Вас ярлыки. Такая позиция вызывает опасение. Не могли бы Вы прояснить, как собираетесь отыгрываться?

— Находясь в Норвегии по поводу публикации там Вашей книги «Исповедь», Вы заявили, что преследовали цель — «раскрыть тайны мадридского двора». История не раз уже подтверждала банальную истину, что эти «тайны» были обычными сплетнями. Есть в Ваших выступлениях по этому поводу сцены, как бы подсмотренные через замочную скважину: кто кому чулки надевает и т.д. Не считаете ли Вы зазорным для политика копаться в чужом белье?

Вопросы экономики и государственного устройства

— Сколько еще времени и средств понадобится, по Вашим оценкам, для ликвидации ущерба, который Вы нанесли Москве усердным выполнением программы борьбы с алкоголизмом?

— Не могли бы Вы назвать цифру, во что обойдется стране Ваша идея переселить в РСФСР все 25 млн. русских, проживающих в других союзных республиках?

— Выступая за частную собственность на средства производства, чем Вы намерены успокоить миллионы безработных, которые неизбежно появятся в случае реализации Вашей позиции?

БЫЛЬ

И названия разделов, по которым сгруппированы вопросы, и сами эти вопросы (при всей своей каверзости) представляют образец тупости и шаблона.

Не зная, где дело происходит, не поймешь: то ли рабочие задают вопросы кандидату в президенты, то ли следователи КГБ допрашивают диссидента.

Органы унифицировали всю нашу жизнь по своим рубрикам. Допрос, сдача экзамена по научному коммунизму, инструктаж выезжающих за рубеж, ЗАГСовское поздравление с законным браком — одни и те же мертвые рожи, стеклянные глаза,

фальшивые улыбки. И бесконечная, наглая, уверенная в безнаказанности ложь.

Не баба, не мужик; без возраста, без пола, без души... Это не люди, это ходячие мумии — дети мумии Ленина. 18.000.000 мумий (или сколько у нас аппаратчиков?).

Конечно, каждый «вопрос» можно издевательски откомментировать. Но оставлю это читателям. Лишь выпишу то, что мне бросилось в глаза: «Во время своих зарубежных поездок, восторженность правой прессы в США, утверждении, сделанном Вами в Японии, в Испании Вы очень, в интервью журналу «Квик» десять месяцев назад, в январе этого года в Японии, в интервью греческой газете «Катимерини», через два месяца в Японии, в интервью финскому еженедельнику, на пресс-конференции в Токио, находясь в Норвегии...»

Представьте себе, скажем, комбинат по производству комбикорма. Приходишь туда выразить чаяния свинаяр, свинаярок, простых любителей свинины, а тебе из зала:

— А 10 месяцев назад, в журнале «Квик»...

— А год назад в газете «Квак»...

— А в интервью агентству «Бре-ке-кекс»...

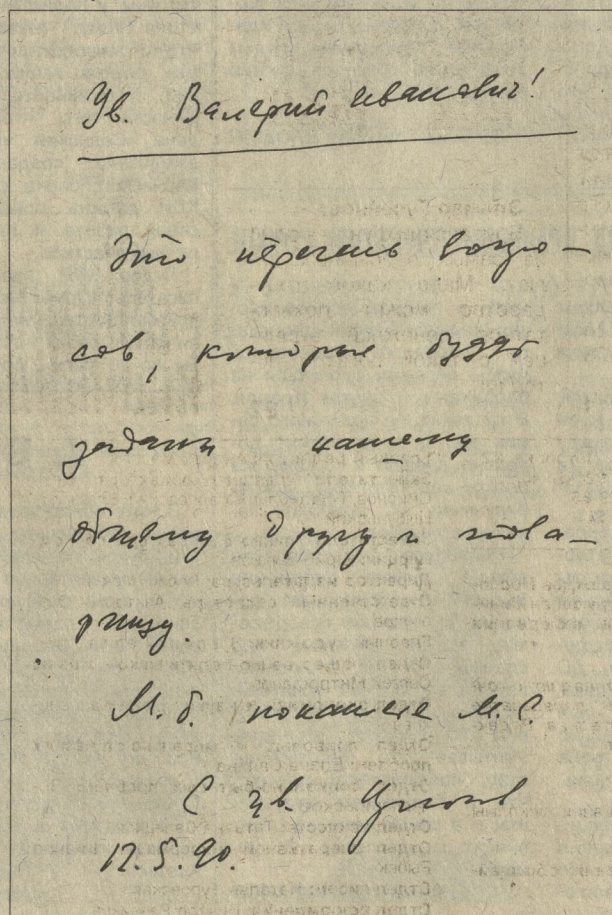
Подумай: вот дошли народ, мать их! и финское радио слушают, и греческие газеты читают; понятно, почему комбикорма нету — руки не доходят.

А потом выходишь на чистый воздух и вдруг видишь, как в черную «Волгу» усталые, но довольные усаживаются и читатель греческих газет слесарь Иванов, и слушательница мозамбикского радио сверловщица Сидорова.

— Здорово, друзья! Ну, как вам сверлится, слесарится, клепаются? Мы же старые приятели! Помню ваши письма в «Правду». Вы, товарищ Иванов, тогда «Доктора Живаго» в итальянском издании прочли и разгневались на предателя Пастернака. Вы, Клавдия Никитишна, блестяще литературного власовца Солженицира заклеямили! Весь мир повторяет ваши бессмертные слова: «Не читала, но должна как советская женщина-мать...» А сколько ваших однокашников, женщина-мать, по инязу, МГИМО, Высшей школе КГБ сидит в Грециях и Япониях — собирает материал для вопросов?

Ну, довольно.

Вот второй обещанный документ:

«Ув(ажаемый) Валерий Иванович!

Это перечень вопросов, которые будут заданы нашему общему другу и товарищу.

М(ожет) б(ыть), покажете М.С.

С ув.(ажением)

Крючков

12.5.90.

Тут комментировать вовсе нечего.

«Ув. Валерий Иванович» — это Болдин. «С ув. Крючков» — это Крючков. Их «общий друг и товарищ» — это Ельцин. «М.б. покажете М.С.» написано без вопросительного знака, вероятно, потому, что Крючков не спрашивает, а рекомендует.

А когда тебе рекомендует шеф КГБ — как не уважить?

КОРИДОР ВЛАСТИ

Сергей Юшенков:

«России» и «Отчизне» нечем себя занять

Народный депутат России, один из лидеров фракции «Радикальные демократы» Сергей ЮШЕНКОВ — о решении российского парламента обсудить конституционность присоединения в 1954 году Крыма к Украине:

— Конечно, в постановке этого вопроса есть и объективная подоплека: чрезвычайно быстрый распад бывшего Советского Союза без четкого определения его правопреемников, ухудшающаяся экономическая ситуация, нерешенная проблема автономии крымских татар и так далее. Но я считаю, что этих объективных причин сегодня явно недостаточно, чтобы поднимать «крымский» вопрос. Главное, что вызвало его к жизни сейчас у нас в парламенте, думаю, — это то, что депутатским группам «Россия» и «Отчизна» просто... нечем себя занять. И вот нашли: решили поэксплуатировать в который уж раз националистическую идею. Как и ранее, Бабурин и его единомышленники быют на то, что члены ВС испугаются, как бы их не заподозрили в антипат-

риотизме, проголосуют «за». Так и случилось. И, кстати, многие голосовавшие «за» подходили потом ко мне и признавались, что смалодушничали, а теперь жалеют об этом... Так было и раньше: помните, как тем же группам «Россия» и «Отчизна» на одном из наших съездов удалось «протасовать» одобрение политики... Саддама Хусейна?! Тогда тоже многие депутаты боялись, что их назовут непатриотами. В общем, глупейшее решение принял ВС. Тем более учитывая сегодняшнюю ситуацию: представляете, что может подняться против русских на Украине?! И без какого-либо вмешательства Кравчука, оно просто не потребуется. И это при том, что в договоре об СНГ Россия вместе со всеми торжественно провозгласила основополагающий принцип: **нерушимость границ**! А теперь сами же его перерываем. Словом, мы, «Радикальные демократы», будем решительно бороться против принятого ВС решения.

Записал Григорий КРОШИН

Прошел 6-й съезд демократического союза

27 делегатов, съехавшихся на уик-энд в Петербург, констатировали, что вопреки слухам ДС еще жив.

Смысл его жизни становится, однако, все менее ясен из-за рокового противоречия между философско-правозащитным и организационно-политическим течениями внутри союза.

Как сообщил наш корреспондент из Санкт-Петербурга, господа делегаты провели три дня в красном уголке питерского союза «Дети блокады», в атмосфере традиционного для ДС легкого семейного бардака. Политический момент был охарактеризован предельно ясно: «Обстановка в стране мерзкая — все та же ложь, обман и пакость».

Съезд принял революционную платформу, вывесил над президиумом лозунг «Не надо бояться новой револю-

ции!» и призвал членов партии караулить день грядущего народного восстания, чтобы первыми броситься на баррикады и штурм Кремля. Этот тезис, по признанию самих же авторов, звучит довольно смешно и к тому же плохо соответствует декларируемому ДС принципу ненасильственности.

Последнее противоречие весьма изящно разрешила Валерия Новодворская, пояснив, что насилие совершается только сильным над слабым и с этой, философской, точки зрения грядущее насилие ДС над государством таковым не является. Учитывая это обстоятельство, наблюдатели считают, что в ближайшем будущем нам и в самом деле не стоит опасаться дээсовца с ружьем.

Александр БАРАНОВ

ЧЕРНИЧЕНКО — ЛИЦО КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ

Прошедший в Москве 1—2 февраля внеочередной съезд Крестьянской партии России (КПР), несмотря на острые дискуссии, вряд ли продвинул вперед фермерское движение.

Выступавшие говорили с трибуны, у подножия которой стоял хомут (наверное, он что-то символизировал), о самых разных вещах: повышении урожайности, необходимости того, чтобы передача «Сельский час» была ежедневно, создании коммерческого банка, о том, что КПР должна привлекать к своей работе и владельцев дачных участков.

Лидер КПР, крестьянский писатель Юрий Черниченко, призвал партию увеличить количество своих членов хотя бы до 10 тысяч, бороться за

влияние в Верховном Совете. Ельцин не знает сути крестьянской жизни, сказал Черниченко, и подписывает документы, которые разрушают крестьянское хозяйство, а интересы крестьян в верхних эшелонах власти представлять и защищать некому. Этим, по его мнению, и должна заниматься КПР. «Хватит просить, надо требовать», — сказал он, добавив, что пока только его физиономия является пропуском в «Белый дом», других достижений у партии нет. Однако в кулуарах съезда говорили о том, что Черниченко, будучи председателем КПР и имея доступ к средствам массовой информации, мало делал для ее популяризации.

Евдоким БУЛЫКИН

А В ЭТО ВРЕМЯ...

В Чите обнаружены 118 коробок испорченных французских булок, полученных в качестве гуманитарной помощи.

Об этом сообщил пресс-секретарь главы администрации Читы Владимир Погосов. По его словам, французский хлеб был скрыт от городской администрации по вине отдела общества Красного Креста Ингодинского района Читы.

Как сообщил Погосов, хлеб доставил в Читу французский космонавт Жан Лу Кретьен.

«Постфактум»

Министерство безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области(?) на 90% будет заниматься проблемами коррупции.

27 января начальник управления Министерства безопасности РФ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области Сергей Степашин заявил на пресс-конференции, что управление на 90% будет заниматься проблемами коррупции в высших эшелонах власти.

«Постфактум»

КТО ЕСТЬ WHO?

ПАТРИОТЫ

К демпатриотам сейчас можно отнести две небольшие партии: Российское христианско-демократическое движение (РХДД) и Конституционно-демократическую партию (КДП), имеющие в парламенте лишь несколько депутатов. В конце года эти партии выступили с идеей провести Конгресс патриотических сил, на котором учредить широкое российское патриотическое объединение, стоящее на демократической платформе. Предполагалось, что входящие в него партии станут основой для формирования нового российского правительства национального доверия. В качестве возможных вождей демпатриотов назывался Александр Руцкой, а в самое последнее время и Руслан Хасбулатов.

Патриоты-государственники чувствуют себя настолько сильными, что уже не хотят вступать с демпатриотами в какие-либо равноправные союзы. Во всяком случае, именно такое решение было принято недавно на Координационном совете народно-патриотических сил России, который в конце января возобновил свои заседания.

Новый председатель совета — бывший секретарь ЦК КП РСФСР Геннадий Зюганов — сейчас развивает активную деятельность по налаживанию связей с российскими предпринимателями, рассчитывая обеспечить движение необходимой материальной поддержкой, а предприниматели рискуют повторить путь Саввы Морозова и Шмидтов. При этом, хотя в народно-патриотической коалиции представлены почти все коммунистические партии, ей, скорее, ближе лозунг «белого движения» «За единую великую Россию», чем лозунг большевиков «За коммунизм».

Третьей составляющей патриотического движения являются партии и союзы, стоящие на национальной изоляционистской позиции. Их главная цель не восстановление страны, а возрождение достоинства русского (или славянского) народа. Под этим они понимают жес-

тую и бескомпромиссную борьбу с еврейством («с сионистами», «с жидами» — терминология зависит от степени прямодушия национал-патриота).

На съезде «Славянского Собора» — коалиции национал-патриотов — принято решение провести в феврале в Нижнем Новгороде учредительный съезд «Русского Собора», на котором предполагается сформировать альтернативное, чисто русское правительство. Председателем оргкомитета стал генерал КГБ Александр Стерлигов, а его заместителем — слесарь Александр Баркашов, руководитель «Русского Национального Единства» — полувоеенизированного формирования, члены которого обычно обеспечивают охрану на патриотических мероприятиях.

Многие российские предприниматели не скрывают своих симпатий к нарождающемуся русскому националистическому движению. Так, съезд «Русского Собора» будет финансировать Нижегородская товарная биржа.

Евгений ЯНАЕВ

Уважаемые читатели!

Вы, конечно, заметили, что розничная цена «Столицы» от номера к номеру растет. Первый номер за этот год продавался в киосках за 2 рубля, второй и третий — за 2 руб. 50 коп., четвертый — за 3 руб. Номер, который вы держите в руках, — 3 руб. 50 коп. Это, как вы понимаете, не предел (в «Столице» № 5 мы сообщали читателям о намерении «Союзпечати» повысить розничную цену еженедельника до 5 руб. 10 коп.). Даже если темпы роста тарифов и цен останутся прежними, к середине года каждый номер «Столицы» обойдется читателям в 25 рублей.

Каков же выход? Подписаться на журнал!

Читатели, оформившие подписку в прошлом году, будут весь 1992 год получать «Столицу», затратив на каждый номер лишь 1 рубль. Они оказались умнее тех, кто надеялся покупать журнал в киосках. В настоящее время в каталог внесены изменения, и подписка вновь открыта. Для новых подписчиков до конца года, независимо от темпов инфляции, журнал обойдется по 4 руб. за номер.

Итак, новые подписные цены:

на квартал — 52 рубля

на 6 месяцев — 104 рубля

на 9 месяцев — 156 рублей.

Если вы еще не подписались на «Столицу», советуем это сделать сейчас — вы не ощутите роста розничных цен и сэкономите кучу денег!

Напоминаем наш индекс: 73746.

Принимай, Аргентина, посланцев СССР!

По сообщению РИА, стало известно, что Аргентина объявила о готовности принять 100 тысяч иммигрантов из бывшего СССР.

Эта информация, переданная по каналам телевидения, произвела переполох, по крайней мере в Москве. Как сообщили корреспонденту «Столицы» в аргентинском

посольстве, туда в течение нескольких дней после этого сообщения звонили люди, желающие выехать немедленно и интересующиеся условиями. Таких звонков бывало до 400 в день.

Для заинтересованных лиц: во-первых, это касается преимущественно русских из Прибалтики, а во-вторых, это состоится только в том случае, если далекая и гостеприимная, но далеко не простая Аргентина получит положительное решение вопроса (ориентировочно в мае этого года) о выделении Европейским сообществом 2 миллиардов долларов для обустройства иммигрантов.

Иван ДРОЗДОВ

Валентин КОРОЛЕВ

ЧТО ВОЗРОЖДАЕТ В РОССИИ ГЕНЕРАЛ СТЕРЛИГОВ?

В одном из интервью («Столица» № 9, 1991г.) я рассказал о том, как, будучи младшим опером Московского управления КГБ, отказался стать стукачом своего непосредственного руководителя, заместителя начальника отделения 1-го отдела 2-й службы (контрразведка), но не назвал читателям его фамилию. Не хотелось, чтобы критика в адрес КГБ производила впечатление сведения личных счетов. Тем более, что незадолго до того интервью этот человек подал в отставку с поста управляющего делами Верховного Совета РСФСР в связи с тем, что некоторым депутатам стала известна его принадлежность к действующему корпусу офицеров — агентуристов КГБ. И в тексте интервью он прошел как «некий С.»...

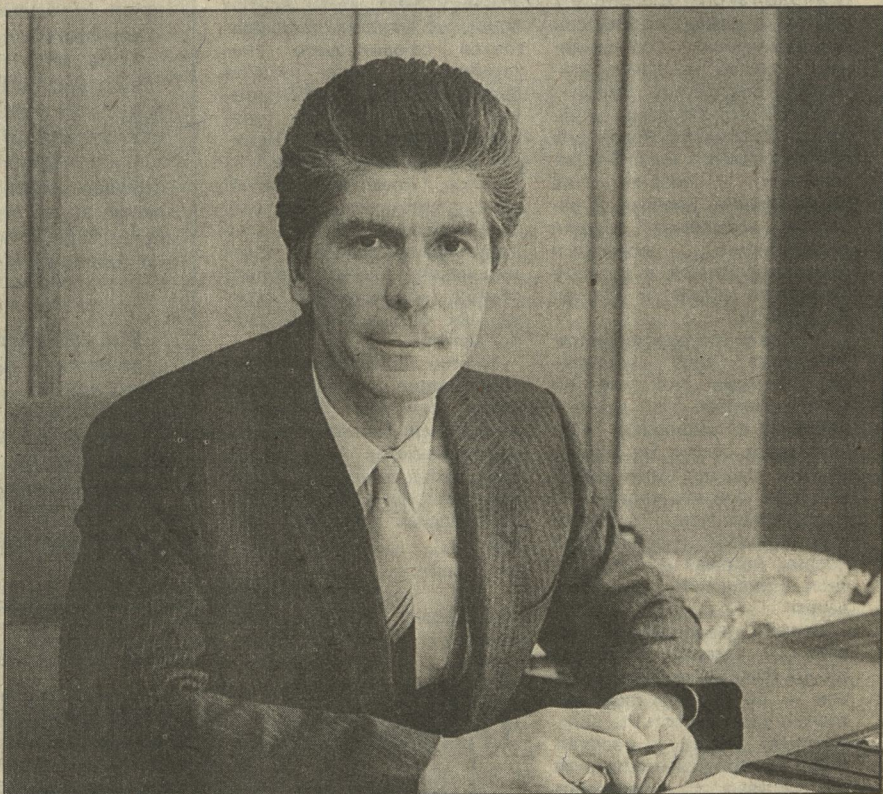

Фото А.Назаренко

ГЕРОИ

Только не знающие этого человека люди могли полагать, что после той отставки он будет выращивать на даче цветы. Александр Николаевич Стерлигов остался в КГБ, несмотря на «рашифровку» его как крючkovского лазутчика в высшем законодательном органе России и на, мягко говоря, сомнительный способ приобретения государственного имущества в личное пользование — помните скандал с «приватизацией» дач высшей номенклатурой. Не за просто так его спортивная фигура украшала нестройные ряды

располневших партгосаппаратчиков во главе с его бывшим патроном и покровителем Н.Рыжковым, скупавших практически за бесценок госдачи, мебель, холодильники и посуду. Помнится, юристы и члены комиссии ВС СССР по привилегиям изумились искусству творцов этой аферы, прокрученной в бытность Стерлигова на посту руководителя ХОЗУ Совмина СССР. С этого поста, к слову, он и пришел в Управление делами ВС России — всего за месяц до упомянутой отставки.

«Дачное дело» вскоре забылось, и о Стерлигове я вспоминал не чаще, чем Рыжков о Чернобыле. Но вдруг в августе прошлого года знакомое лицо

мелькнуло на экране телевизора рядом с вице-президентом России А.Руцким, летавшим в Форос вызволять из «дачного плена» М.Горбачева. Через несколько дней генерал Стерлигов щедро раздавал интервью в качестве «героя демократии», лично участвовавшего в задержании В.Крючкова.

В те эйфорические августовские дни очень хотелось верить, что даже слуги дьявола, к каковым в свое время принадлежал и я, способны встать на все еще малознакомый мне путь добродетели. Но что-то — то ли интуиция, то ли логика бывшего политсыскаря — заставило меня диагностировать выступление «героя» андроповского КГБ в

тандеме с «героем войны в Афганистане» как симптом «детской болезни» правизны российской демократии. И все же была в нем какая-то таинственность, сверлившая душу до тех пор, пока в политическом калейдоскопе не замелькали события, все более настоящие. Они настораживали заданностью маршрута и знакомыми оперативными очертаниями...

ПАТРИОТЫ

17 января этого года, в те минуты, когда трезвая идея деполитизации вооруженных сил тонула в звуках полковых горнов и корабельных склянок Всеармейского офицерского собрания, «приватизатор» народного достоинства генерал Стерлигов с трибуны 3-го съезда Славянского Собора клеймил позором первого вице-премьера Бурбулиса и госсоветника Шахрая за попытки противодействовать начинаниям его шефа Руцкого, «который понял наконец, в какую компанию он попал». («Понял», надо полагать, не без помощи чекистского генерала.) И неудивительно, что Александр Николаевич не возражал ни против антисемитских высказываний целого ряда делегатов съезда, ни против предложения провести в феврале в Нижнем Новгороде всероссийский патриотический сбор для учреждения Русского (или Руцкого?) государства и формирования русского (или Стерлигова?) правительства.

Вопросы в скобках — отнюдь не риторические. 21 января Александр Николаевич Стерлигов выступил на учредительном собрании движения «Офицеры за возрождение России», объединившем, в том числе, национал-патриотов в погонах, недовольных мягкотелостью решений Всеармейского офицерского собрания. Возглавив движение, чекист сразу же придал ему политическую окраску, с особым напором подчеркнув в тронной речи, что без вторжения в политику добиться улучшения условий службы и быта офицеров нельзя... Напомню еще раз — это говорил не какой-то генерал-отставник, охваченный ностальгией по былой власти, а человек, ставший правой рукой вице-президента России и потому имеющий власть реальную. Власть, которую любит страстно, безоглядно и, смею утверждать по собственному опыту, — беспринципно.

Аналитический ум, энергия и беспощадность Стерлигова к мыслящим иначе, чем он, не оставляют у знающих его сомнений: если осуществляются его теперь уже откровенные планы — в стране может воцариться атмосфера сродни той, что была при Стерлигове во 2-й

службе Московского УКГБ. (Хотя сам генерал вряд ли будет претендовать на первую роль. Он станет вторым, но надолго. И, возможно, — скоро.)

За ограниченностью журнальной площади предлагаю читателю отведать всего лишь несколько глотков горького бульона атмосферы московской контрразведки периода бурной карьеры Александра Николаевича Стерлигова.

ПОХОРОНЫ

Юра Егоров умирал долго и мучительно, как умирают все раковые больные. Из последних сил он нацарапал на клочке бумаги несколько слов и попросил не отходящую от него ни на минуту жену передать эту записку начальнику отдела Гриневичу* через Ухова*, которому он доверял больше других. Жена выполнила это его последнее желание. Ухов тоже.

Юру хоронила вся служба и много других людей. Не было только Стерлигова, хотя все знали, что именно ему Гриневиц поручил произнести прощальную речь...

Как и всякий другой старый опер, Егоров исписал в своей жизни не одну тонну бумаги. В последней своей строчке он просил об одном — чтобы на похоронах не было Стерлигова.

Вся наша служба, включая самого Егорова, знала, что у Юры рак, и не люблю молодого, но прыткого замначотделения Сашку по прозвищу адмирал Нельсон, постоянно третировавшего капитана за посещения поликлиники и больничные листы, мешавшие выполнению личных рабочих планов Егорова и портивших отчетность всего отделения. Егоров молчал и только курил папиросы. Одну за другой.

После его смерти прошло более пяти лет, и за это время Стерлигов ни разу не участвовал в похоронах своих сотрудников, которые случались все чаще: началась афганская война. Но вот он появился у гроба Володи Кузьмина. Да еще выступил с траурной речью, а на Кунцевском кладбище ни на секунду не отходил от Володиной жены, словно был ближайшим другом покойного. А ведь меньше всего можно было считать его таковым.

Кузьмин был самым старшим в отделении по возрасту, званию и стажу работы, одним из тех, кто «пашет» больше других, а уходит на пенсию лишь старшим опером. После того, как он однажды месяц пролежал из-за язвы желудка в госпитале и потом по той же причине вновь получил больничный лист, уже руководивший отделом Стерлигов

настроил на имя начальника управления Алидина рапорт с предложением перевести Кузьмина «на работу, не связанную с агентурно-оперативной деятельностью», что означало — в архивный отдел. Хотя и у нас, и в других отделах многие болели чаще и продолжительнее. Не дожидаясь решения Алидина, Стерлигов отстранил майора от работы на линии и посадил выписывать проверки по оперучетам, чем обычно занимались младшие опера первого месяца службы. Едва старому приятелю Кузьмину Бразаускасу* удалось добиться его перевода к себе в транспортный отдел, Володя был тут же направлен в диверсионно-террористическую школу, откуда попал в Афганистан, не успев даже попрощаться с женой, отдыхавшей где-то на юге. Перед вылетом из Москвы он забежал ненадолго в управление и все пятнадцать минут в разговоре со мной проклинал язву, Стерлигова и войну.

Он погиб в первой же операции вместе со всей спецгруппой из-за тупости ее командира. Уже мертвому душманы отрезали ему нос и уши. И вот «лучший друг» Стерлигов произносит «теплые прощальные слова» в «восьмиграннике»¹ на Пехотной улице...

ЛЖЕШПИОНЫ

Разбухшим в результате реорганизаций отделам, в том числе и нашему, по борьбе со шпионажем, нужно было доказывать целесообразность своего существования. И Стерлигов вошел в кабинет Алидина с предложением взять в оперативную проверку советских ученых, побывавших за рубежом, где они хотя бы на какое-то время вышли из поля зрения наших резидентур и агентов, а по возвращении домой встречались или переписывались с иностранцами. Перед нами открывалось бескрайнее поле деятельности, заплутать в котором не боялись только Стерлигов и Алидин.

В рамках этой грандиозной контрразведывательной операции мне, в частности, было поручено завести дело оперативной проверки (ДОП) по шпионажу на известного психолога, академика, проходившего у нас под кличкой Педагог, который в курилке международного симпозиума имел неосторожность поговорить со своим американским коллегой.

Увидев у меня на столе новенькие корочки этого «дела», тихо саботировавший стерлиговскую операцию Гриневиц, поморщившись, процедил:

*Звездочкой помечены фамилии, измененные автором.

¹Здание morga на территории Центрального госпиталя КГБ.

— Завел бы лучше ДОП на Стерлигова. Он недавно ездил с тургруппой в Англию...

С ПАРТИЙНЫХ ПОЗИЦИЙ

Притчей во языцех в УКГБ был ДОП на «Историка», которого Стерлигов проверял по шпионажу все годы своей работы в нашем отделе, перекрыв несколько раз установленные для этого сроки, и в конце концов сжег «дело» с той же легкостью, с какой были уничтожены многие «дела» в рамках его контрразведывательных операций. По ДОПу на другой его объект работал весь отдел во главе с Гриневичем, в результате чего «шпион» был посажен за... развращение малолетних. Других «собственных» «дел» у Стерлигова не было.

Создавалось впечатление, что всю мощь своего ума Александр Николаевич вкладывал в создание системы головного стукачества, склоняя к доносительству всех, включая практикантов Высшей школы. Жизненную необходимость доноительства Стерлигов, как правило, обосновывал соображениями партийной принципиальности.

Из всех, кого я знал, он был единственным, кто сам предлагал свою кандидатуру на партийную должность, и, будучи руководителем оперативных подразделений, одновременно возглавлял партийные организации отдела и службы. При прочих равных условиях это гарантировало уверенное продвижение по службе. С таких же по-

зиций «партийной принципиальности» он боролся с теми, кто стоял у него на пути. Первым был один из самых грамотных специалистов, всеми уважаемый Николай Антонович Бобков, которого Стерлигов (тогда еще его заместитель) почти на каждом партсобрании клеймил как «скрытого алкоголика, выпустившего из рук вверенное ему отделение». И хотя все, включая Стерлигова, знали, что это не так, в конце концов Бобкова перевели в архивный отдел, а оттуда — сразу на пенсию.

Зато стерлиговская агентура продвигалась по службе весело и непринужденно. Один из них вырос до заместителя начальника управления, другой стал начальником службы. Прочие тоже в накладе не остались...

ПУТЬ НАВЕРХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Заканчивался 1986 год. В качестве офицера действующего резерва КГБ Стерлигов возглавлял 6-й сектор Экономического отдела Совмина СССР. Как сказал мне один из его тогдашних подчиненных, этот сектор, по сути, был личной контрразведкой премьера Рыжкова.

Появление Стерлигова в Совмине казалось невероятным после скандала, разразившегося в 1983 году. Не буду сейчас вдаваться в подробности, мне известно не все в той темной истории, но факт остается фактом. Стерлигов был освобожден от должности заместителя начальника 2-й службы УКГБ и пере-

веден в распоряжение кадрового аппарата. Примерно месяц он прогуливался взад-вперед по тротуару улицы Дзержинского и даже стал здороваться с бывшими подчиненными, чего раньше никогда себе не позволял. Но вдруг его перевели в действующий резерв КГБ (одна из категорий оперработников-агентуристов) и назначили начальником управления БХСС ГУВД Москгорисполкома, где он вскоре получил звание полковника.

Впрочем, в УБХСС Стерлигов долго не задержался. Он познакомился с заместителем председателя Н.И.Рыжкова Гутиным, работавшим в отделе БХСС одного из московских РУВД. Вскоре Гутин был назначен на должность помощника начальника отдела управления «В» Третьего главного управления КГБ СССР, а Стерлигов тут же возглавил 6-й сектор в Совмине, где, помимо прочих чекистско-государственных дел, руководил созданием новых экономических структур с привлечением людских и финансовых ресурсов КГБ. Одна из них — государственно-кооперативный концерн АНТ — была принесена в жертву политическим амбициям части верхушки партгосаппарата, из рук которой вместе с «социалистическими ценностями» ускользала реальная власть.

Перед самым «разгромом» АНТА Стерлигов был вновь удивительно возвышен: встал во главе ХОЗУ СМ СССР, затем был переведен управделами ВС РСФСР.

Что было потом — читатель уже знает. Что будет завтра? Какую Россию спасает генерал Стерлигов? Что мечтает в ней возродить?

информ-реклама

Компьютер определит идеальные параметры вашей фигуры, и мы исправим недостатки!

Вы похудеете без соблюдения диеты!

Эффект гарантируем через 2 месяца.

Наш адрес: Москва, Новодевичий проезд, дом. 4.
Проезд: метро «Спортивная»,
выход к ил. 10-летия Октября.
Тел. 212-09-74 с 18.00 до 22.00 ежедневно.

Центр «Гармония»

В центре «Гармония» к вашим услугам комфортабельный тренажерный зал, душевые, массажные комнаты. Занятия — в удобное для вас время: с девяти утра до девяти вечера, в любой день недели.

В группах — только женщины. С каждой тренер занимается индивидуально. В центре открыты специальные курсы по ускоренному снижению веса.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИРЖА

ВЕРНЫЙ ШАГ К ИНТЕГРАЦИИ
ВОСТОКА И ЗАПАДА

Запад готов сделать этот шаг
вместе с нами

Международная биржа сегодня – это более 200 миллионов
рублей оплаченного уставного капитала, более 700 учредителей,
в том числе сырьевые и машиностроительные предприятия,
банки, совместные предприятия и зарубежные фирмы

Они сделали свой выбор
ДЕЛО ЗА ВАМИ, ГОСПОДА!

Производители конкурентоспособной продукции,
сырья, инофирмы пользуются привилегиями
в приобретении паев биржи и участии в торгах
Принимаются заявки на участие в торгах

Контактные телефоны:
(095) 166-25-93 (факсимильная связь)
(095) 166-25-94 (информационный канал)
Адрес по сети: Relcominex msc. su

МЫ С ВАМИ
И СО ВСЕМ МИРОМ!

INTERNATIONAL
EXCHANGE

Вместе с империей и «реальным социализмом» из нашей жизни уходит стабильность ее материальных устоев, рушится отсталая и нищая, но в целом работавшая социальная инфраструктура (всеобщее бесплатное образование, бесплатная медицина, собес). На грани коллапса армия и ВПК со своими социальными, производственными и научными структурами. Вот-вот должна рухнуть и академическая сфера, а с ней и вся наука, еще недавно островок свободы, позволявший интеллигенции выживать в самое трудное время. Все чаще приходится задумываться, что для реальной и традиционной советско-российской интеллигенции (той самой, которую Солженицын припечатал «образованчиной») рынок не будет землей обетованной. Включившись в гонку за миражами богатства и власти, потеряв привычные и гарантированные экономические ниши, интеллигенция перестает быть собой. Хорошо ли, плохо ли, но скорее всего рынок станет для нее просто могилкой. Самое время бросить взгляд на то, что с ней, с нами уже произошло и продолжает происходить...

Андрей Фадин, политолог, в прошлом — диссидент и политзаключенный, ныне — заместитель главного редактора журнала «Век XX и мир».

Все 70-е и 80-е годы мои друзья раз в неделю-две обязательно встречались в бане. Это был своеобразный мужской клуб, со своими ритуалами, смыслом, культурой общения. Там обсуждались новости, строились планы, решались мировые проблемы — словом, это был вариант московской интеллигентской кухни, в которой можно было достаточно интересно и психологически уютно прожить, казалось, целую жизнь. Кухня и баня — сладостные воспоминания времен застоя, вариант внутренней духовной эмиграции. То был своего рода эскапизм по-московски, социально тупиковый, но, по моему, в высшей степени культурно продуктивный. В конце концов именно этот эскапизм, уход в частную жизнь, в общение, секс, в абстрактное умствование и художественное творчество, но самое главное — в чтение, сохранил (а может быть, и сформировал) сознание нескольких поколений российско-советской интеллигенции. Условно — от Булгакова до Трифонова и Окуджавы, от Вертинского до Высоцкого и Галича.

Все было просто и ясно в том мире: здесь — «мы», люди, интеллигенты, там «они» — власть, «мы» — не соучаствуем в их игре, «они» в общем-то не вмешиваются в дела нашего внутреннего гетто...

Правила этого сосуществования исключали, конечно, любую активность: любые попытки выйти в сферу социального действия, добиться продвижения в карьере, как-то соорганизоваться — все это жестко пресекалось, причем на

Андрей ФАДИН

РЫНОК И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРИЕХАЛИ?

любом самом безобидном уровне. Сегодня трудно это уже представить, но даже движение самодетельной песни, театры-студии, неформальные группы молодежи и религиозные кружки открыто рассматривались «формой враждебной деятельности, которую поощряют империалистические разведки».

Не стоит, правда, забывать, что другим руслом интеллигентской социальности стал карьеризм — научный, управленческий, партийный. Будем справедливы к людям, которые, повинаясь тысячелетнему социальному инстинкту, зажав нос и теряя друзей, лезли наверх по лестнице советского истеблишмента. Для большинства из них моральной проблемы просто не существовало: они выросли вместе с обществом, не обгоняя его в понимании природы власти КПСС, будучи действительно «детьми XX съезда». Именно благодаря их советскости, их наивной, но доброкачественной вере в возможности гуманизировать и реформировать коммунизм смогли оказаться наверху в «час X» люди типа Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе.

Сегодня мало кем осознается, что брежневское двадцатилетие было временем глубокой культурной рефлексии, накопления того интеллектуального капитала и социальной энергии. И как бы ни была резка нынешняя критика «шестидесятничества», без той колоссальной работы по преодолению идеологического пресса не было бы сегодня слышно и многих нынешних сердитых радикалов.

Происшедшее в России за время перестройки можно было бы определить как «раскрытие» замкнутого правящего класса, мощное расширение и обновление властвующих элит прежде всего за счет интеллигенции и «служилого среднего класса».

Вполне социально благополучные при старом режиме статусные интеллектуалы совершенно естественно оказались наиболее подготовленными к использованию демократических процедур в политической борьбе. На фоне общей немоты в стране, где за последние полвека были полностью уничтожены навыки публичной устной речи, их профессиональные навыки риторики и артикулирования общих мест массового сознания, приобретенные в тесных аудиториях, оказались политическим чудо-оружием. «Профессорская волна» в политике вынесла наверх таких персонажей, как Собчак, Попов, Бурбулис, Афанасьев, Старовойтова, Шейнис, и тысячи подобных им на локальном и региональном уровнях.

Еще более поразительной оказалась политическая карьера молодых инженеров, врачей, научных сотрудников, избранных в Советы и парламенты, получивших высокие административные посты прямо «со старта», вошедших в новую «демократическую номенклатуру», — таких, как Станкевич, Мурашев, Румянцев, Болдырев и пр. Часть из них прошла начальную политическую школу в среде политических «неформалов». Именно из этой среды и начали прорастать первые ростки все еще недоразвитой многопартийности. И хотя социальной, ни даже кадровой революции не произошло, преемственность власти в целом была сохранена, интеллигенция вместе с модернизированной, рыночно ориентированной номенклатурой стала одной из равноправных составляющих нового, перестроенного истеблишмента.

90-е годы ознаменовались вторжением новых ценностей: в отличие от «шестидесятников», составивших ядро перестроенного истеблишмента, молодежь смотрит на власть со скепсисом и цинизмом. Двадцатитридцатилетние ориентированы прежде всего на собственный бизнес, а не на место в пирамиде административной власти, вне зависимости от того, демократическая она или коммунистическая.

Общественное мнение, всегда достаточно негативное по отношению к реалиям «предприимчивости», сегодня поразительно благосклонно к элите посткоммунистического бизнеса. Нынешние масс-медиа представляют Германа Стерлигова, Константина Борового, Артема Тарасова в качестве символических фигур новых возможностей «образованного сословия».

Справедливости ради заметим, что пропаганда этих «героев и гениев капитала» во многом является результатом финансируемой ими самими рекламной кампании, но корни популярности, несомненно, гораздо глубже: советский средний класс жаждет персональных воплощений рыночного мифа, подтверждения во плоти своих высоких ожиданий в отношении рынка.

Трудно переоценить значение этой тенденции для судеб российской культуры, система ценностей которой всегда основывалась на моральном осуждении богатства как такового, а богачи (и в фольклоре, и в классической литературе) представляли нечистоплотными авантюристами. (Вспомним хотя бы, что первым предпринимателем в русской литературе был гоголевский Чичиков...)

Последствия этих феноменов для традиционной российской социальной топографии кажутся необратимыми. Интеллигенция, с ее специфической рефлексивностью, обостренной способностью видеть и чувствовать оборотную сторону любого процесса, сознательно оказываясь на стороне в нем проигравших, униженных и оскорбленных, практически исчезла с карты общества.

Утверждение тезиса о «равных рыночных возможностях для всех» звучит как издевательство для десятков миллионов, оказавшихся на старте новой гонки без необходимых для этой гонки образования, квалификации, молодости и здоровья. Особенно когда тезис о равных возможностях звучит из уст тех, кто уже на старте имел громадную фору благодаря семейным связям или положению в системе коммунистической власти.

Освободившуюся социальную нишу все чаще занимают теперь более или менее вестернизированные интеллектуалы, соучастующие во власти, ориентированные на рыночные ценности богатства и силы. Быть может, это вариант российских «yuppi», хотя и без западного профессионализма. Это новая среда, конечно, никогда уже не породит ни Толстого, ни Булгакова, ни даже Трифонова или Окуджаву.

Ну и что! Зато она сможет эффективно влиять на принятие решений — в своих собственных интересах!

Воздержимся от ностальгии. Возможно, все это неизбежный и даже желательный ход вещей для слабоструктурированного и депрофессионализированного посттоталитарного общества. Возможно также, что новый средний класс со временем вернется к отдельным ценностям старой интеллигенции.

Когда-нибудь — если вам от этого легче...

Люди, приехавшие в Москву после перерыва в несколько месяцев, замечают, что в московской жизни кое-что изменилось. Лица стали более напряженными, безрадостными, прохожие стали быстрее ходить по улицам, изменился стиль и темп телефонных разговоров. Люди стали меньше и прагматичнее читать — меньше книг, больше газет. Изменились не только социология, но и психология чтения: больших и сложных текстов «для медленного чтения» уже практически не читают — некогда, не хватает сил, нервной энергии, трудно сосредоточить внимание. Как-то плавно и совершенно незаметно сошел со сцены и русский «толстый» журнал, с прошлого века бывший традиционной формой выражения интеллигентского самосознания.

Но самое ошутимое — исчез тот специфический московский стиль общения — вполне бесплодные, но абсолютно бескорыстные — полночные разговоры на кухне...

Пресс-мышеловка

ВАМ, «СОЛДАТЫ УДАЧИ»!

«Издательство «Инесс» готовит к выпуску следующие издания: «Личное оружие. Соревнование систем». Рассматриваются лучшие мировые образцы револьверов и пистолетов, особенности систем, история. Иллюстрации материальной части, техника скоростной стрельбы... «Энциклопедия стрелкового оружия второй мировой войны». Книга 1. «Оружие вермахта». Более 150 иллюстраций, схем, раскладов деталей. Полная информация по германским и трофейным образцам...»

Прочитав это рекламное объявление в свежем выпуске журнала «Крокодил», корреспондент «Столицы» был просто ошарашен: по существу, любой читатель, перечислив не слишком большую сумму на счет «Инесса», может заполучить популярное пособие по изготовлению «стволов» в домашних условиях. Хотя, возможно, так оно и лучше: а то вместо того, чтоб сверлить да выпиливать в подпольных мастерских, «джентельмены удачи» предпочитают в последнее время громить арсеналы воинских частей, отчего число жертв лишь возрастает.

Не сомневаемся: исключительно этими гуманными соображениями руководствовались издательство «Инесс», выпускающее необычные книжки, и редактор смешного журнала, согласившийся рекламировать специфический товар.

К.Р.

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

**Зачем независимость
Узбекистану, Таджикистану,
Туркменистану?**

Спрашивать так нельзя,
конечно, ибо ответ сам
собой разумеется: за тем
же, зачем она Украине,
России, Белоруссии, всем
прочим членам вымученного
СНГ. Если коротко — для
свободы и процветания.

Поэтому спросим иначе:
зачем независимость
Каримову, Набиеву, Ниязову
— президентам
среднеазиатской тройки?

Их потребность в
независимом государстве,
смею думать, иная. И эта
потребность никогда, ни при
каких обстоятельствах ими
прежде публично не
выражалась. Ее попросту не
было и быть не могло,
покуда центр, скрепляющий
Союз, оставался оплотом
коммунистической веры,
надеждой и опорой
тоталитарных режимов во
всех республиках, городах
и весях. Этот центр с
павловыми, янаевыми,
язовыми, крючковыми до
последних своих судорог
еще обещал ренессанс
сталинизма. В ночь с 18 на 19
августа он покончил жизнь
самоубийством, навсегда
лишив присоединенный к
нему среднеазиатский
эшелон своей могучей тяги.
Пробил час отцеплять
вагоны...

По какому пути и куда двинется
дальше среднеазиатские ре-
спублики при нынешнем руко-
водстве, можно, наверное, предуга-
дать. Скорее всего, по пути осторожной,
но неотступной консервации феодаль-
но-коммунистического режима, хотя
сохранить в полной неприкосновенно-
сти старую, одиозную систему власти ни-
кому из них не удастся. Однако к поли-
тическим контрастам, которыми и без
того избыточно богато пространство
бывшего Союза, добавился еще один —
слишком резкий и очевидный, чтобы

тенциалом. В этом случае не исключена
попытка создания единого Туркестан-
ского государства на конфедератив-
ной основе, которое, прикрываясь не-
зависимостью, постарается сохранить
коммунистическую диктатуру в Сред-
ней Азии. В том, как ведут себя местные
власти, угадывается стремление соз-
дать в среднеазиатском регионе еди-
ное антидемократическое простран-
ство, способное распространять влия-
ние на Киргизию и Казахстан, ставшие на
путь демократии, но сделавшие на этом
пути лишь первые шаги.

ПРЕЗИДЕНТ КЛЯНЕТСЯ НА КОРАНЕ

Душанбе. Октябрь 1991 г. Митинг на площади Озоди

остаться незамеченным. В Содружест-
ве Независимых Государств наряду с
относительно демократическими го-
сударствами Россией, Украиной, Бе-
лоруссией будет существовать об-
ширная среднеазиатская территория с
уверенным преобладанием в ней фе-
дально-коммунистических норм и тра-
диций.

Успех национал-коммунистов в Уз-
бекистане и Таджикистане, оказавшись он
относительно устойчивым, способен
вдохновить и Туркменистан, распола-
гающий достаточным тоталитарным по-

То, что происходит сегодня в Средней
Азии, с трудом поддается однознач-
ному пониманию и еще меньше — прогно-
зам. В отличие от государств Прибал-
тики, где вектор политического разви-
тия окончательно и бесповоротно оп-
ределился, Узбекистан, Таджикистан
и Туркменистан остаются загадкой для
политологов. Загадкой, не только пока
не разгаданной, но и все более труд-
ной.

Вроде бы покончено с монополией на
власть одной партии. Какой, однако?
Мне уже приходилось писать, обраща-

ясы к политической ситуации в Таджикистане, что в республиках Средней Азии давно существует клановая «многопартийность». Памирцы, пенджикентцы, кулябцы, кургантюбинцы... Их борьба за власть есть, по сути, борьба «партий».

Объединившаяся оппозиция, выступая против недавно избранного президента Набиева, вольно или невольно целит в ленинабадские кланы, хотя и не только в них. Под прицелом прежде всего коммунистический режим, свержения которого добиваются... сказать кто и только кто, затрудняюсь. То есть, конечно, демократы, они — не в последнюю очередь. Но демократическое движение в Таджикистане, как и во всей Средней Азии, еще не настолько влиятельно, чтобы определять исход борьбы за власть. Оно апеллирует главным образом к интеллигенции, причем к наиболее просвещенной ее части. Тогда как реальная политика делается в аулах и кишлаках, где влиянием пользуются исламские фундаменталисты.

Исход же борьбы за демократию, скажем, в Узбекистане вполне предсказуем — кровавый разгон студенческих демонстраций в Ташкенте не оставляет в том никаких сомнений. Возлагать серьезные надежды на оппозиционную партию «Бирлик», насчитывающую около полумиллиона человек, отважится разве что закоренелые оптимисты. «Бирлик», как сказано в его программе, «объединяет людей, независимо от национальной принадлежности и происхождения, в борьбе за превращение Узбекистана в демократическую республику». Программа «Бирлика» касается экономики, общественной жизни, политики, культуры и экологии. В экономике — сокращение хлопководства почти в два раза, развитие обрабатывающей промышленности, равенство всех форм собственности. В политике и государственном устройстве — построение общества, основанного на демократических принципах, многопартийности, разделении исполнительной и законодательной властей, департизации всех государственных органов.

Эта программа представляется мне несколько идеалистической. Скажем, что значит многопартийность? Говорить о монополии одной партии, т.е. бывшей КПСС, переименованной в Народно-демократическую партию, никак нельзя. С момента рождения советский строй в Узбекистане представлял собой уродливое переплетение коммунистических идей и способов правления с обычаями и традициями байства, родовых отношений, религиозных норм. Кланов, скрепленные круговой порукой, родственными связями, служебным протекционизмом и пред-

ставляющие Самарканд, Ташкент, Ферганскую долину, есть, по сути, три партии. Эта реальная «многопартийность» определяет политическую борьбу в Узбекистане куда серьезней и основательней, нежели противостояние национал-коммунистов и демократов.

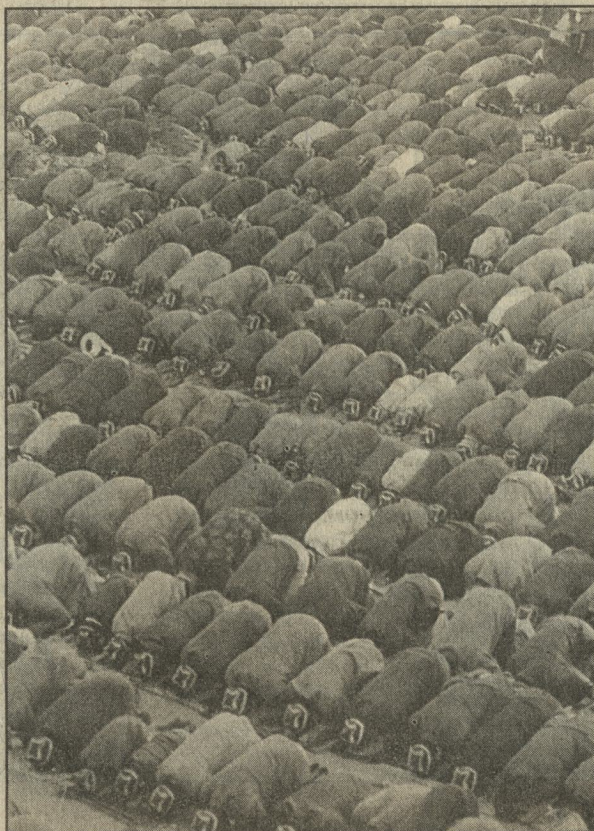
Следует учитывать и крайнюю нищету, которая стала мощным политическим фактором тормозящего свойства. Вовлечь бедных в борьбу за политическое и экономическое возрождение невероятно трудно. Их парализует страх перед переменами. Этот страх закликает: пусть остается все как есть, лишь бы не было хуже. И президент Каримов, и назначенный жизнью дехканин с одинаковой страстью жаждут стабильности. Первый — стабильности своей необъятной власти, второй — стабильности 8 килограммов мяса, приходящихся в год на его душу. И потому оба они нужны друг другу.

Бедность не только социальный детонатор, но и великая тормозящая сила. В этой силе ищет сейчас политическую опору ислам.

Не грядет ли в республиках Средней Азии исламская революция? Этот вопрос сегодня кого до ужаса тревожит, а кого, напротив, согревает предчувствием долгожданного. Оппозиция в Узбекистане уже добилась от всенарод-

но избранного президента Каримова клятвы на Коране. В Таджикистане осенью жители ряда районов выдвигали главу Духовного управления мусульман кази-калона Ходжи Акбара Тураджонзода на пост президента республики. Это беспрецедентно. Впервые за советский период к власти может прийти мусульманское духовенство. Правда, на вопрос: «Не станет ли Таджикистан исламской республикой?» — Тураджонзода ответил: «Даже если это захотят сделать все муллы, сейчас это невозможно. Республика далеко ушла по светскому пути, люди так просто не откажутся от своих привычек и уклада жизни... Я — за парламентское светское государство со свободной экономикой. Религия должна быть отделена от государства, чтобы грехи общества не могли быть приписаны исламу, как это случилось с компартией».

Тураджонзода вновь заявил, что не претендует на президентский пост. Официальная пропаганда пытается внушить, и прежде всего русскоязычному населению: лучше коммунисты, чем муллы. Но что бы ни говорилось об исламской угрозе, устранить мусульманское духовенство с политической сцены вряд ли удастся. Фундаментализм — вечный спутник любого

Ташкент
Ноябрь 1991 г.
Намаз на
территории мечети
«Жилля шейх»

общества, переживающего кризис. Обращение к прошлому, слепая подозрительность к новым путям развития — символы переломной эпохи. В этом смысле, как подметил в «Независимой газете» сотрудник Института востоковедения АН СССР А.Малашенко, исламский фундаментализм — родной брат российского. С.Куляев и В.Белов тоже видят единственный путь спасения в реанимации общины, в восстановлении патриархальных идеалов и ценностей. «Мусульманский фатализм» в чем-то сродни «загадочному русскому духу». Та же покорность судьбе и святая вера в ничем не одолимую предопределенность бытия.

Обращение ислама к активной политике есть его запоздалая реакция на долгое пребывание под запретом. Сведенный к бытовым обрядам, он до последнего времени не бросал вызов власти. Теперь же становится политической силой, с чем не умеет и не хочет примириться в республиках Средней Азии их национал-коммунистическое руководство. Говорят: участие ислама в политике грозит неисчислимыми бедами. Исламская революция в Иране, мол, тоже проходила под демократическими лозунгами, а дело кончилось резней. Говорят: сегодня духовенство выступает в союзе с демократами, но, как только нынешний режим, плох он или хорош, будет свергнут силами этой оппозиции, на вершине новой власти

может водрузиться зеленое знамя ислама. Это, предсказывают, опасно отзовется не только в Средней Азии, где так и не прорастут семена европейской демократии, но и в России, куда в случае священной войны с иноверцами хлынут потоки беженцев.

Что ж, кое-какие основания для таких предостережений имеются. Однако будем иметь в виду, что с Кораном в руках выражает себя не столько религиозный фанатизм, сколько стихийный протест против опостылевших коммунистических порядков. Это борьба не религиозная, а политическая. Завершится ли она победой демократии или же установлением новой — исламской — диктатуры, сейчас не ответит никто. Удовлетворится ли мечеть ролью партнера власти или будет претендовать на монопольное властвование? От ответа на этот вопрос зависит, как долго Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан останутся светскими государствами.

Прогноз на этот счет дал житель Узбекистана, бывший народный депутат бывшего СССР Владимир Золотухин:

«Нас пугают исламом».

— И что вы-то, русский человек, ратуете за демократию в Узбекистане? — услышал я недавно. — Ведь на волне демократии вместо коммунистов придут исламские фундаменталисты, тогда вам, русским, иноверцам, здесь не поздоровится.

Пугая исламской диктатурой, нам,

живущим в Узбекистане славянам, предназначают защищать прежние порядки.

Чем же страшит ислам сегодняшних руководителей в Узбекистане? Как наука и культура ислам за свои 1400 лет существования дал необычайно много для развития мировой цивилизации. Как религия, которой придерживаются миллионы людей, ислам проповедует те же общечеловеческие ценности, что и другие мировые религии. Видимо, причина страха кроется в том, что ислам становится идеологией политических партий, активно действующих сегодня в Средней Азии при поддержке значительной части населения и не скрывающих своей главной цели — ликвидации коммунистических режимов. Но возможна ли ситуация, когда ислам станет государственной политикой в Средней Азии, подавив при этом право людей придерживаться иных взглядов и исповедовать иные религии? Такой вариант не исключен, если в обществе будут отсутствовать демократические традиции, и тогда на смену одной диктатуре может прийти другая».

Как бы то ни было, мечеть стала выше поверженного обкома. Но она выше и неокрепшей демократической постройки. И мы пока не знаем, что предпочтительнее.

Ташкент
Январь 1992 г.
Студенческие
волнения

МОЖЕТ БЫТЬ, ПОЛИТБЮРО МЕЧТАЛО О МАРСЕ?

Сейчас, когда жизненный уровень наших граждан дошел до крайней точки, многие хотят вернуться к застойным временам. Конечно, ностальгия номенклатурщиков вполне объяснима, ибо они в те годы жили весьма вольготно. Однако многие простые люди тоже, оказывается, хотят вернуться к прошлому.

Действительно, мы жили в 1980 году лучше, чем в 1991-м. Пили, ели, одевались, покупали автомобили, воровали кто сколько мог...

Словом, мы, граждане СССР, жили в застойные годы не по доходам. Спрашивается, как же тогда страна процветала в пьяном застое? Можно говорить без всякого стеснения, что страна процветала тоже за счет воровства — она воровала не у кого-нибудь, а у своих внуков и правнуков, то есть у будущих поколений.

Все эти годы нашим вырубателям служили якобы неисчерпаемые природные богатства страны: шли на продажу сотни тонн золота, алмазы, нефть текла, как вода... И все эти богатства добывали варварскими методами.

В каждом следующем застойном году наша экономика балансировалась таким же путем и государство жило вполне благополучно, продолжая строить коммунизм не только у себя, но и в других странах.

Теперь давайте подумаем, сколько еще мог бы просуществовать СССР в режиме нерентабельности, воровства и обмана? Возможно, до 2000 года. У нас не осталось бы к тому времени ни золота, ни алмазов, ни нефти, ни тайги и даже кончилась бы питьевая вода, а может быть, и пригодный для дыхания воздух.

Но тут возникает вопрос: разве в застойные времена управляли страной камикадзе? Ведь политбюро ЦК КПСС наверняка знало о природных ресурсах СССР?

Как знать, может быть, коммунисты, привыкшие жить в рамках героических пятилетних планов, не исключали возможности космического «Ноева ковчега» на случай Апокалипсиса? Может, они мечтали улечься на Луну, на Марс или даже в другие галактики и там в состоянии анабиоза переждать, пока Земля снова станет пригодной для жизни? А уж вернувшись на обновленную Землю,

можно было бы снова начинать строительство «светлого будущего».

Поэтому обвинять Горбачева в развале страны явно несправедливо, ибо, живя при таком расточительном режиме, она развалилась бы и без горбачевской перестройки. А наша ностальгия по застойным временам — это просто естественная тоска по прошлому, ведь в 80-м году мы были еще и моложе на целых одиннадцать лет.

Казань

Л.ЗАКИРОВ

ТАЙНА ИСЧЕЗНУВШЕГО НАРОДА

Существует причина, по которой наши прежние правители не могли и новые вряд ли смогут отдать японцам «северные территории».

На один из островов Малой Курильской гряды японские власти переселили всех айнов, коренное население Курил. Согласно второму изданию Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), после освобождения островов Советской Армией в 1945 г. айны зажили счастливой жизнью в братской семье советских народов. Однако вышедшее через 20 лет третье издание БСЭ утверждает, что айнов на Курильских островах нет: они уже в конце прошлого века стали сливаться с нивхами, которые живут в устье Амура, и с ительменами, которые живут на Камчатке. Автора этой статьи в БСЭ не смутили ни огромные расстояния между сливающимися через бурное море народами, ни граница между Японией и Россией. Ученый А.Б.Снегавковский («Духи, оборотни, демоны и божества айнов», М., Наука, 1988 г.) выдвинул третью версию судьбы айнов: они почти все умерли от голода и болезней на бесплодном острове Шикотан (Сикотан). Но с точки зрения айнов, этот остров не был бесплодным — еще недавно на нем было немало лежбище морских котиков. (Кроме того, хотя этнограф Снегавковский возмущается трагедией айнов на Курилах, но он ни словом не обмолвился об именно такой поголовной гибели айнов — и наверняка не сотен, а тысяч — на Сахалине под властью сначала царей, а потом Советов). Наконец, корреспондент «Московских новостей» изложил услышанное им на Курилах четвертое объяснение отсутствия айнов на этих островах: айны, Мол, уехали после войны вместе с японцами. Само обилие этих противоречащих друг другу историй только подтверждает, что айны были поголовно истреблены «освободителями».

Вот и выходит, что Шикотан нельзя отдавать японцам, а то они спросят, куда девались айны? И всем будет неловко.

Москва

А.МОТОВИЛОВ

НАЗОВЕМ СЕБЯ «СОЮЗОМ РЕСПУБЛИК»

В названии нашего бывшего государства — СССР — было два определения качества: «советских» и «социалистических». Оба они мало соответствовали сущности того государства, которое определяли. У тогдашних властей вообще была тенденция всему давать определения качества. Однако и сегодняшние власти, мучительно формируя новый союз, в его название опять закладывают определенные качества — «независимых».

Само по себе стремление к независимости достойная цель. Ее достижение радостно, празднично, но... конечно. Все! Финита, борьба закончена. После этого независимость становится будничным состоянием, нормой.

В названии нового союза еще одно слово кажется не столько естественным, сколько нарочитым — «государств» вместо «республик». Желание наших бывших родных республик отныне величать себя государствами объяснимо: это все то же стремление к независимости. Но смена вывески по сути ничего не меняет. Государство — это организация общества, а республика — это форма организации. У всех республик появились выборные органы правления и даже выборные правители, так что они могут без стеснения зваться республиками, сегодня с большим правом, чем вчера.

То, что республики поначалу разбежались, нормально. Мы все находились в наглухо замкнутом пространстве под чудовищным давлением глупости, деваться было некуда, только превращаться в лепешку. Когда пространство вдруг распахнулось, давление еще оставалось — естественно, все кинулось в разные стороны. Сегодня, слава Богу, от давления мы избавились, то есть главной причины для разбегания нет. Зато осталось множество причин для... союза.

Предлагаю еще раз взглянуть на сочетание: СОЮЗ РЕСПУБЛИК. Мне кажется, что от него теперь веет чистотой, достоинством, надежностью. Может, это действительно так, а может, мне этого очень хочется.

Москва

Н.БРОД

ЛЮДИ И ЦЕНЫ

Вода по-прежнему доступна

С 1 февраля вздорожала вода и свет в наших квартирах, еще больше будут стоить услуги слесаря. Общая плата за квартиру, похоже, начнет увеличиваться из месяца в месяц, хотя и не так стремительно, как цены на колбасу. О новых тарифах рассказывает председатель Комитета жилищно-коммунального хозяйства, первый заместитель министра архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации А.Ф.ПОРЯДИН:

— Тарифы на отдельные виды коммунального обслуживания увеличились в три раза, на другие — в пять. Мера эта вынужденная, ибо не может сфера коммунального хозяйства оставаться на старом уровне оплаты за услуги, когда все вокруг дорожает. Более того, по себестоимости

расчетные тарифы должны были возрасти в 10—12 раз.

— Что же помешало? Государство выделило дотации?

— Без дотаций эта сфера не выдержит, но не обязательно полагаться только на республиканский бюджет. В значительной мере расходы будут покрываться из местного бюджета.

Что касается питьевой воды — она у нас неизмеримо дешевле в мире: кубометр стоил 4—5 копеек. Поэтому, согласитесь, когда мы говорим, что плата за водоснабжение увеличится в 5 раз — будет 25 копеек за кубометр, — это все равно мало.

— Но это за один кубометр, а в месяц — сколько воды учтет?..

— Кубометров 10, примерно на 2 рубля.

— Но платить-то мы станем больше не только за одну воду — за свет, отопление, газ...

Складывается уже ощутимая сумма. А хозяин приватизированной квартиры, по слухам, будет платить еще больше, чем государственной.

— Зря так говорят: плата за коммунальные услуги в приватизированной квартире такая же, что в государственной или ведомственной.

— Значит, дотация положена и собственнику?

— Совершенно верно. Доля дотации в равной степени распространяется на всех.

— А если приватизирован целый дом?

— Тарифы за коммунальные услуги останутся те же, а вот расходы по ремонту жильцам придется взять уже на себя.

— Почему бы не приватизировать не только жилье, но и службы, которые обеспечивают его содержание?

— Системы инженерного обеспечения — я имею в виду не отдельные объекты, а именно систему теплоснабжения, водоснабжения и другие — приватизации не подлежат.

Когда в жилом доме будет приватизирована большая часть квартир, тогда и появятся новые службы.

— Однако вернемся, Алексей Филиппович, к воде. Останется ли наша вода самой дешевой в мире?

— Тарифы складываются не сами по себе. Если дорожают не только ресурсы, но и системы их доведения до потребителя, цены не могут оставаться на прежнем уровне и себестоимость услуг будет возрастать.

— Звучит малоутешительно...

Л.МАКСИМОВА

ДОМ В АМЕРИКЕ ЗА 153 МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ

Стоимость была определена в результате торгов на аукционе БАНСО.

Частная фирма БАНСО образована в январе 1990 года и первой в стране стала торговать

недвижимостью — квартирами, домами, земельными участками. Главный принцип фирмы: «Быть всегда впереди событий», похоже, соответствует действительности. Впервые в Москве состо-

ялся аукцион, на котором можно было за рубли приобрести дома в США, Испании и Австралии. Из десяти лотов купили только три: земельный участок в Калифорнии почти за 53 миллиона рублей, дом в той же Калифорнии за 153 миллиона и дом в Квинсленде (Австралия) за 68 миллионов 310 тысяч.

За дополнительную плату, которая кажется смехотворной по сравнению со стоимостью покупки, владелец дома получит от БАНСО целый комплекс услуг. Например, фирма может сдать купленный дом в аренду, готова организовать уборку помещений, постричь траву на газонах... Пустяки вроде бы, а все меньше хлопот хозяину.

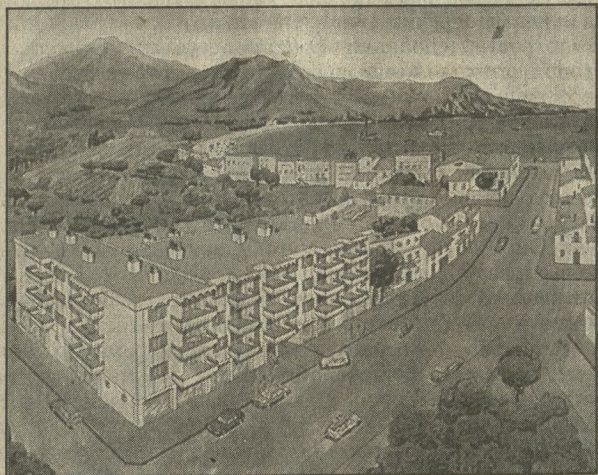
Стартовые цены были обозначены в рублях и долларах. БАНСО и тут осталась верна принципу — быть впереди. Курс рубля по отношению к доллару впервые составил шестьсот к одному. Увы, журналисты не были допущены на аукцион. Говорят, этого не пожелали клиенты. Остается предположить, что и организаторы, и участники торгов

опасаются выяснений газет и журналов — а кто конкретно покупает за миллионы дома за границей и откуда такие деньги?

Заместитель генерального директора БАНСО Игорь Иванов сказал, что фирма, согласно оговоренным заранее условиям, не вправе разглашать имена участников. И добавил: «Среди покупателей не было физических лиц — только юридические. В основном это малые предприятия. А их названия практически неизвестны. Честно говоря, сам впервые услышал».

По мнению господина Иванова, важно было не количество лотов и участников, а сам факт аукциона. Возможно, он так и останется единственным. Новый закон об иностранных инвестициях содержит подобные мероприятия невозможными. Запрещать, видимо, все-таки привычнее.

На снимке изображен дом в испанском городе Порт-дела-Сильва. Двух- и трехкомнатные квартиры покупателя не нашли.

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Три московских колхозных рынка, в том числе и Центральный, принадлежали, оказывается, одному человеку.

Выражаясь точнее, они были «приватизированы» гражданином Г.Лугуевым. Об этом факте сообщил народный депутат ВС Владимир Ребриков:

— Произошла дикая приватизация — элементарный захват государственности управленческими структурами, сговор их между собой. Согласно закону выкуп государственности должен происходить на конкурсных условиях, а тут ничего подобного не было.

РЫНКОВ ТРИ, А ХОЗЯИН ОДИН

Директор бывшего цветочного объединения «Россия», преобразованного в акционерное общество «Реал», некто Г.Лугуев включил в А/О и эти рынки, перечислив Центросоюзу миллион с небольшим. И стал собственником. Затем перестроил Центральный рынок, уменьшив при этом число торговых мест: возникла «черная» очередь из желающих торговать, а значит, появилась возможность получать с них «дивиденды» за место на рынке. Но это не все! На рынке торговали мясом, хотя выяснилось, что никакой закупкой у совхо-

зов-колхозов рынок не занимался, мясо привозили с Останкинского, Черкизовского и других государственных мясокомбинатов по госцене, а продавалось оно по коммерческим расценкам, раз в двадцать дороже. Вот к чему приводят бесконтрольные административные игры...

Московское правительство вернуло Центральный рынок государству. Он готов для очередной приватизации. Есть желающие?

Гр.Кр.

Барахолка!

ВАЛЮТНЫЙ... ПАРТБИЛЕТ

Спрос на совковую символику не падает — в Москве на арбатской толкучке партбилеты продаются за 10 долларов. Комсомольский билет идет за 5 долларов. Появились и новинки — депутатские значки по 15 долларов. Демократия нам дороже.

БИРЖА ТОРУЕТ: ЗА СИГАРЕТЫ — ВОДКУ

Не слишком успешно завершились первые торги на Туапсинской товарно-сырьевой бирже. За весь день торгов была зафиксирована всего одна сделка — единственный блок сигарет «Мальборо» продан за триста рублей. Покупатель получил бесплатное приглашение на следующие торги и приз — поллитровую бутылку водки.

ЗА СЕМЬ ВЕРСТ ПИВА ХЛЕБАТЬ

Производители Камчатки начинают игнорировать торговлю, которая, по их мнению, непомерно вздувает цены. Например, в магазинах бутылка пива стоит десятку, а завод готов продавать ее за восемь рублей. Директор завода безалкогольных напитков в Петропавловске-Камчатском попросил главу администрации края выделить предприятию торговые площади. Вслед за пивоварами пошли в обход магазинов и работники молокозавода — они намерены продавать сметану по 87 рублей за килограмм. Недешево, но в магазине она стоит 150 рублей. Сравнишь цены и подумаешь, что семь верст до завода — не такой уж большой крюк.

ПОЧЕМ ДРУЖБА НАРОДОВ?

Российский Госкомстат дал 28 января такую справку: «...Республиками, ранее входившими в Союз, недопоставлено в Российскую Федерацию 1,4 млн. тонн сахара (Украина задолжала 1,2 млн. тонн, Молдова — 158 тыс. тонн) ...259 тыс. тонн картофеля (Беларусь — 208 тыс.) ...407 тыс. тонн овощей (Азербайджан... Узбекистан... Кыргызстан... Украина...) ...1,2 млрд. условных банок плодоовощных консервов».

Некоторые республики не поставили в Россию в этом году еще НИ ОДНОГО изделия или продукта!

Ну ладно, с банками консервов ясно. Что с них взять, они ж условные... А остальное? Где же обещанный картофель, сахар, овощи? Или и они условные, и вся наша нынешняя дружба народов? Копеечная? Рублевая? Или, извините за выражение, — купонная?..

Нет, оказывается, дружба наша теперь, как и любовь, — исключительно за валюту. Пред-

седатель Комитета по хлебопродуктам Леонид Чешинский на прошлой неделе в «Белом доме» привел любопытный факт: за вывоз поступившего импортного зерна из своих портов Украина требует с России... доллары. А Россия-то ведь купила это зерно в сем бывших республиках.

Мало того, что теперешние сильно суверенные государства СНГ, наши бывшие социалистические братья по Союзу, получают дармовой капиталистический хлебушек, так еще и НИ ОДИН из этих бывших НЕ ПЛАТИТ за фрахт, а хлеб мы им все равно продолжаем давать...

И такая еще деталь: по данным Центрального банка России, ни одна из бывших республик до сего дня не перевела ни цента, ни пфеннига в счет уплаты общих союзных долгов. Расплачивается Россия...

Так где же она, ваша братская дружба, братцы? И не даете ли вы отличный козырь ура-патриотам, которые только и ждут пово-

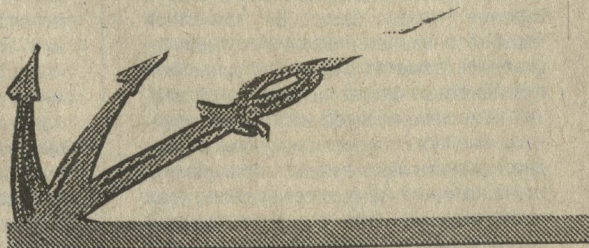
да, чтобы прокричать истошно на очередной тусовке на Манежной площади или у «Белого дома», что украинцы, мол, нам, русским, не отдадут долгов и что узбеки... и что молдаване... и что киргизы, белорусы... Конечно, нормальным-то людям ясно, что никакие это не узбеки и не украинцы, не молдаване и не киргизы плюют на долги и обязательства, а вполне суверенное государство Узбекистан, государство Украина и так далее не поставляют продуктов питания другому, не менее суверенному государству — России, чем вынуждает население последнего периодически нервничать и эпизодически недоедать. И, кстати, не только русских, но заодно и тех же узбеков, украинцев, молдаван, киргизов и так далее. Которые живут в России на одном, общем, пространстве, хотя пока и весьма копейечно. Но — не будем забывать — на общем, братцы...

Григорий КРОШИН

Не пора ли бросить якорь?

Недвижимость — надежный якорь в житейском море

Телефоны: 491-18-22 и 491-22-92 с 9 до 18 часов

АО «Совком»

поможет Вам купить, продать, сдать, взять в аренду: дом, квартиру, помещение под офис
Тайну сделки гарантируем

Архив-библиотека

ЕЛЬЦИН ЦЕНТР

Леонид ГОЛЬДИН,
профессор

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ. В ЧУЖОМ — ТОЖЕ

Хотя многие сетуют, что наши власти не работают дружной командой, мне думается, у каждого из нынешних лидеров есть своя функция, своя, скажем так, ниша. Нужны люди для разговоров с Европарламентом и Дойчебанком, бывшей интеллигенцией и митингующей толпой, с ВПК и «третьим сословием». Симпатизируя высокоэрудированному Гайдари, трезвомыслящему Бурбулису, я не могу, даже когда коробит от иного суждения или поступка, не отдавать должное личным качествам Ельцина, Руцкого, Хасбулатова, проявившимся во время труднейших испытаний.

Нельзя не видеть, в каких сложнейших, трагических условиях все они действуют. Не завидую их гладиаторской роли и вполне верю в искренность порыва маршала Евгения Шапошникова, с немедленной готовностью принявшего предложение об отставке, исходящее от подчиненного. Считать их проколы, сидя у телевизора или охватывая общую ситуацию взглядом в пустой холодильник, думаю, недопустимо.

Я верю, что если Гайдар и его команда берут налоги с предпринимателей, не различая, кто выпускает детские колготки, а кто делает миллионы из воздуха, то причины тут более глубокие, чем незнание экономической истории или зависимость от людей, субсидировавших «Белый дом» во время путча. Я даже думаю, что законы о приватизации не доведут всю экономику до тотального банкротства — тогда будут основания отправить побольше народу на пособие по безработице, а начальству выкупить собственность за гроши. Понимаю, что нет популярных решений, что выбирать приходится меньшее из зол, и нет времени разобраться, какое из них страшнее.

Гайдар говорит, что стихия бушует по расписанию, составленному в «Белом доме». А если что не так, как обещано, то нельзя же было пугать людей заранее: «Представляете, что творилось бы, объяви правительство, что цены вырастут в 20 раз!». Что ж, для профессионала ошибка — больше, чем преступление, и утешительно, что все идет по плану. Возможно даже, бесконечная смена моделей приватизации жилья — это опять же глубоко продуманная акция, смысл которой сокрыт от непосвященных.

У высших менеджеров экономической жизни помимо обширных знаний есть и высокое чувство долга. Вот известная борьбой с экономической системой социализма дама из рядов докторальной публицистики сетует по «Немецкой волне»: нынешние хозяева жизни, как оказалось, еще хуже прежних, и вообще — поздно, изменить ничего нельзя, есть цивилизации, которые изучают по черепкам, и нас ждет такая же участь. Однако смятение и концептуальная безысходность не мешают нашей даме участвовать в уп-

равлении экономикой столицы.

Сегодня же самое трудное — понимание, что и образованные, порядочные люди не в состоянии контролировать ситуацию, разрушительные тенденции идут девятым валом, а времени и сил на осуществление разумных намерений уже нет.

Мне часто вспоминаются слова Геннадия Янаева: «Горбачев уподобился хирургу, который думал, что оперирует больного аппендицитом, а оказалось — внутри метастазы». Увы, как ни обидно, но жизнелюбивый экс-вице-президент, кандидат исторических наук, — объект высокомерной иронии интеллектуалов, был ближе к теоретическому осмыслению сущности наших проблем, чем совестливые, высоколобые идеологи перестройки. Так же, как Иван Кузьмич Полозков, образ мыслей которого демократы особенно охотно использовали для самоутверждения, куда лучше понимал, какие блага мы получим от новой жизни, чем обернется переход к политическому и экономическому плюрализму.

Ныне вполне сравнялись в ответственности перед народом и истиной и те, кто врал (в искреннем ослеплении или корысти ради — теперь не так уж важно) о преимуществах социализма, и другие, сулившие радости посткоммунистической перспективы. Теоретики и практики — прорабы перестройки сетуют на сопротивление консервативных сил, на люмпенизированных сограждан, не способных оценить и поддержать их рыночные идеи... Но разве изначально все это не было очевидным? Похоже, Лигачев, Алкснис и Петрушенко глубже судили об обществе, в котором живут, чем академики-трибуны перестроечной формации.

Маркса упрекают — на сто лет вперед не видел. Идеологам российского коммунизма ставят в вину в первую очередь нежизненность, утопичность краеугольных идей, ошибочность исторических и экономических прогнозов. (Уточню, однако, что Маркс с недоверием, неприятием относился к русским революционерам, считал, что Россия совершенно неподходящее место для реализации его идей.)

Были ли точнее, доказательнее большевистских обещаний прогнозы и посулы перестроенчиков? Кто из них предвидел хотя бы ближайшее будущее, предупредил, чем обернется — и так скоро и надолго! — крушение тоталитарного монстра? Кто сказал заранее, что попрание элементарных человеческих прав, коррупция, преступность, развал экономики, обнищание миллионов, нравственная деградация возрастут до немыслимых пределов? Что национализм, одичание, озверение целых народов обернутся гражданскими войнами, массовыми погромами? Что свобода слова будет удушена экономически куда эффективнее, чем цензурой? Что вольнолюбивые пуб-

лицисты, осуждавшие партпривилегии, станут лоббистами, пойдут на прокорм к банкирам и биржевикам, к рекламодателям, что спонсоры купят их задешево талонами на бесплатный обед в редакционной столовой, распродажей дефицита? Где, у кого можно было прочитать об этой перспективе пять лет назад, когда чуть не каждый газетный номер пестрел перестроечными концепциями? А.Яковлев, Г.Попов, Н.Шмелев, В.Селюнин, Ю.Афанасьев, теоретики-первопроходцы, трибуны, интеллектуальный цвет перестройки, ближе ли к жизненным реалиям их сценарии, научные предвидения недавнего прошлого в сравнении с литературой развитого социализма?

И уж совсем тошно слушать, читать глупокомысленные поучения озабоченных судьбой страны бывших соотечественников. Хотя конечный вывод из общения с ними очевиден: ни один на горячо любимую родину не вернулся, у каждого — тысяча для того резонансов. И еще показательно: за рубежом напрягаются, пишут умно, на наших страницах, по ТВ — лепят что ни попадя — сойдет для уровня аудитории. С другой же стороны, и напрягаться нет никакого смысла, доверие, интерес к пишущим и говорящим упали до уровня, на котором и партидеологи не пребывали. Что ни говори, при «застое» диссидентствующий правдолюбец, как ни измывались над ним, чувствовал себя духовной элитой, теперь беспомощней, бесполезней и придумать ничего нельзя. «Если ты такой умный, почему не богатый?» — теперь это наши, не «их», нравы. И надолго.

Можно утешиться лишь тем, что наши первоначальники, выучив детей в Гарварде и Оксфорде, подготовят себе на смену цивилизованных управителей с нездешним образом мышления и выражением лица, умеющих распорядиться своим богатством, не доведя дело до новых социальных катастроф. Понимающих, что демонстрация по дружественному российскому ТВ вечеринки стоимостью в миллион в одной программе с многотысячной очередью за хлебом, озверевшей толпой у железной решетки, через которую продают водку в свою посуду, — такой провокации ни «День», ни Жириновский не придумали бы. Компрадорская буржуазия, первоначальники капитала вели себя куда более достойно.

Сегодня какую газету, журнал ни возьми, бригада скоропишущих политических и экономических знатоков воспроизводит сюжеты кабаковского «Невозвращенца»: хаос, голод, одичавшие люмпены, Ельцин (или кто-то другой) круто берет вправо, устанавливается диктатура. В заключение советы: этого делать нельзя. А что делать в этой неизбежной ситуации? Кажется, только у Адамовича хватило мужества сказать, что бывают обстоятельства, когда дик-

татура — не самое худшее. И чтобы лидеры государства и народ не пошли по этому пути, нужно показать реальную в наших условиях альтернативу, не умозрительно, просчитав хотя бы по Москве, сколько людей весной не смогут купить хлеба и уплатить за жилье. И хватит ли у Баранникова сил и готовности заставить их умереть тихо.

Удивительным образом десятки людей, доказавших в последние годы, когда ни культ, ни застой уже не мешали, тотальную несостоятельность в исследовании общественных, экономических проблем, сохраняют репутацию добропорядочных ученых. И хотя еще в большей степени, чем собственный народ, они дезориентировали Запад, по-прежнему — желанные гости Спассо-хауса, зарубежных парламентариев, заморских научных симпозиумов.

Но не только наши евангелисты, прибывавшие в идиотической эйфории от грядущих перемен, повинны в том, что и Запад нынче в панике. Вольно же было иноземным политикам и ученым, имевшим колониальный опыт, испытанным на своих боках проблемы Балкан, Ближнего Востока, Африки, Индии, Ирана, Латинской Америки, выбирать, кого слушать, и верить, что реформы в России пойдут по сценариям, определенным в школах бизнеса в Гарварде и Оксфорде, приводить нам в пример японское чудо, а не историю распада империй. Взамен омерзительного, но не столь уж опасного брежневского режима Запад получит «балканизацию» Европы, исламский фронт, подкрепленный бывшими среднеазиатскими российскими колониями, неуправляемую, втянутую в междоусобицы с соседями Россию. И по мелочам: самое дешевое оружие, преступность, проституцию на экспорт, крупнейший перевалочный центр наркобизнеса, источник дикой иммиграции...

Западные экономисты, политологи — ультрапрофессионалы в джунглях рынка и демократии — потеряли бездну времени и денег, пока самые умные из них, наконец, поняли давно известное: «Умом Россию не понять». Ошибались и там, где, казалось бы, куда более, чем в иррациональной России, присутствуют расчет и трезвомыслие. В Эстонии первопроходцы экономической независимости довели довольствие свободных сограждан до блокадной пайки — 800 граммов черного хлеба по талонам в неделю. «Скорая» спасает от голодных обмороков. А когда начиналось, эстонцы в союзном парламенте умнее Шмелева с Поповым выглядели.

Джордж Сорос, американский миллионер, финансист и философ, одним из первых поспешил на помощь Горбачеву. Предлагал модели и схемы управления, писал книги про перестройку, возил на свои деньги сотни людей в Америку, водил дружбу с партийными лидерами и дисси-

дентами, создал в Москве престижную, богатую контуру с намерением помогать свободному творчеству — и пару лет назад пришел к выводу: «Тело матери слишком больно, чтобы родить здорового ребенка». Большинство коллег Сороса, не будучи романтиками, никаких других целей, кроме как успеть урвать, пока все не рассыпалось дотла, не имеют. Но и их нехитрые расчеты сплошь и рядом опровергаются нашей действительностью. Даже если они опираются на хорошо оплаченные конфиденциальные консультации, которые в нашей стране им охотно дают люди из высших правительственных сфер. И дело не в злокозненности этих людей — и сами они не многое способны понять в происходящем. Из того, что мне известно, только Норман Подгорец три года назад говорил, что посткоммунизм будет куда ближе к фашизму, чем к демократии, что последствия наших экспериментов будут губительны для всего мира. Отмахнулись, не слушая, — реакционер, чужд современному мышлению.

Гайдар предостерегает против паники, отчаяния. Апокалипсические картины мира, пессимистическое мировоззрение философ Бурбулис объясняет тем, что многие не нашли своего места в новых обстоятельствах. Но если девяносто процентов сограждан, не способных обеспечить себя «потребительской корзиной» в две тысячи рублей, оказываются помехой прогрессу, какова же жизнеспособность такого общества? На кого, кроме личной охраны, будут опираться те, кто обрел свое место под солнцем?

Менее всего я хотел бы искать новых козлов отпущения, возлагать на чьи бы то ни было плечи ответственность за открывшийся ящик Пандоры, за то, что было и будет. И нет у меня в помыслах ни надежды на новую диктатуру, ни на возвращение к прошлому: тоталитарный режим самоуничтожился, произошло то, что неминуемо должно было произойти. Но я не вижу сил, которые смогут воспрепятствовать ходу событий, для определения которых есть одна формула: сегодня хуже, чем вчера, завтра хуже, чем сегодня.

Но самое главное, очередной раз доказанное: жизнь идет по своим сценариям, самое существенное происходит независимо от того, что думаем и говорим.

ФАНЫЧИ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Леонид Шпигель.
Январь 1991 г.

Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод создано в марте 1990 года. Сегодня в нем около двухсот человек. 145 уголовных дел, посвященных хозяйственным нарушениям, взяты на контроль. Конечная цель — добиться освобождения тех, кто отбывает срок за коммерческую деятельность. Леонид ШПИГЕЛЬ — ответственный секретарь общества, пять лет назад осужденный по статье — хищение госсобственности в особо крупных размерах (93-1). Несколько месяцев назад вышел из заключения. Ему 35 лет, не женат. Таких, как он, на лагерном сленге называют «фанычами» — хозяйственниками. Теперь он решил посвятить себя борьбе под лозунгом: «Фанычи, объединяйтесь».

— Леонид Теодорович, поговорка «Был бы человек, статья найдется» — отечественного происхождения. И все же редкость — попасть под девятую статью. Как угораздило?

— Был «шабашником». А до этого окончил институт, трудился инженером-технологом, решил подзаработать. Навыки в строительстве имелись — два года я строил БАМ. Сперва «шабашил» рабочим, потом сколотил бригаду из 40 человек. Нанимались на строительство индивидуальных садовых домиков, прокладывали автодорогу к садовым товариществам. За три с половиной года объем работ по сметной стоимости превысил четыре миллиона рублей. Фонд заработной платы перевалил за миллион. Договора у нас были юридически оформлены, подоходный налог государству мы платили щедрый — 13 процентов.

Но быть богатым в то время было не только аморально — вредно для нервной системы окружающих. Государственные снабженцы — монополисты вечно срывали сроки поставки материалов. Автоматически мы не выполняли обязательства по документам. ОБХСС был частым гостем бригады — приезжал вымогать взятки. В конце концов из-за пяти не построенных в срок домиков угодили мошенничество — дескать, присвоили деньги садоводов-любителей. 100 уже построенных бригадой домов и километры проло-

женной дороги в деле не фигурировали. Кто же кому в результате нанес ущерб? Если бы меня не посадили, все объекты были бы завершены. Однако люди остались и без домов, и без денег — зато, наверное, с чувством «глубокого удовлетворения торжеством социальной справедливости».

— За что же вас все-таки покарали? За нарушение монополии госчиновников на хорошую жизнь?

— Мода такая у нас пошла, условное название — «ату мафиози!». Ее потом подхватили Гдлян с Ивановым. В начале 80-х партия уже знала о надвигающемся экономическом кризисе и традиционно искала крайнего. Народу надо было кинуть кость. Нашли и кинули: во всем виноваты «теневики». Спад экономики сотворили хозяйственники, продукты из магазинов растащили торговые работники. И в обиход широко вошли термины: «мафия», «теневая экономика», «коррупцированные структуры», «цеховики». Когда в 1986 году я сидел под следствием в Бутырке, тюрьма процентов на восемьдесят была забита «врагами народа» — от экономики.

— Неужели все сплошь сидели невинные, все поголовно — «жертвы застоя»?

— Как стряпались типичные дела по строительству? Скажем, увеличивает бригадир заработную плату (за аккордную работу или строительство в

трудных погодных условиях) — это уже отклонение от финансовой дисциплины. И, хотя деньги получают рабочие, хищение денежных средств (ст.93-1) «получает» начальник. Или полные абсурда обвинения во взяточничестве, когда официантам интуристовских гостиниц вменялись такие взятки, как переплаты в 10 рублей за быстрое обслуживание или принятые в подарок авторучки и зажигалки.

В 1987 году была частичная амнистия, но она почти не коснулась хозяйственников — слишком большие им давались сроки. Зато все, кто находился к тому времени под следствием, вышли оправданными из зала суда — первый случай беспримерного гуманизма советских судей за 70 лет.

— Значит, все-таки положен конец порочной практике сажать невиновных? И дел-то у вашего Общества — помочь освобождению оставшихся в заключении хозяйственников?

— Предпринимателей у нас сажают и сегодня. Недавно в наше Общество обратилась жена подсудимого Гринштейна. Руководитель фирмы НПКО-4С из Твери, за год и три месяца он открыл свой ресторан, коммерческий центр по продаже компьютеров, кооператив по выпечке хлеба, кукольный театр, ателье по пошиву детской одежды, дом быта. Сперва на быстрорастущую фирму вышли партийные органы с предложением проинвестировать ее. Фирма скромно отказалась, продолжая хорошо и самостоятельно богатеть. Но вдруг Гринштейна арестовали, а обвинение можно считать новым словом в отечественной и даже мировой судебной практике: неправильное расходование полученного банковского кредита еще до истечения срока его возврата. Дело не закрыто, Гринштейн в тюрьме, счета фирмы арестованы. Мы отправили ходатайство к Степанкову. И случай этот отнюдь не единичный.

Наше Общество борется не только за освобождение осужденных хозяйственников, а их десятки тысяч, но и за реальные экономические свободы. По действующему законодательству любого предпринимателя у нас при желании можно отправить за высокий забор ударно трудиться на пользу государства.

— А там, за забором, уголовники, наверное, не просто ненавидят торговцев-кооператоров как чуждый социальный элемент, но и практически пытаются «извести на корню»?

— Ни в Бутырке, где я просидел два года, ни в зоне никакой поножовщины между уголовниками и хозяйственниками не видел. Среди осужденных нет вообще ни социальных, ни национальных распрей. Когда на воле армяне с азербайджанцами пускали друг другу кровь, в бараках они делили пайку по-

полам. Мне, например, никто в зоне не тыкал пальцем, что я еврей. Хотя лагерная администрация насаждала взаимную антипатию. Уголовникам нас «подставляли»: вы, мол, плохо жили на воле по вине таких дельцов. И нас наускивали на уголовников. Но — малопродуктивно.

— А как к вашему Обществу относится администрация российского «Белого дома»?

— Председатель Общества, экономист и экономический диссидент с двумя судимостями Виктор Сокирко, недавно объявил голодовку перед зданием ВС России. Мы отправили кучу бумаг в кабинеты «Белого дома». Безответно. Обращались и к Ельцину, и к депутатам. Писали о необходимости амнистии — рынок должен в первую очередь стать реабилитацией первых деловых людей страны. Писали о том, что пора пересмотреть Уголовный кодекс, по которому сегодня можно весь частный сектор экономики квалифицировать как преступление.

— Поддерживают ли Общество наши бизнесмены? По идее, оно им нужно в первую очередь?

— Честно говоря, поддерживают слабо. 20 тысяч выделила для оплаты юристов Московская товарная биржа. Среди спонсоров — генеральный директор корпуса «Альфа» Измайловского комплекса, бывший узник Бутырки Зафар-Заде, инвестиционная корпорация «Вико». Это пока все. Невнимание к нам — большая ошибка предпринимателей. Нельзя заниматься бизнесом и думать, будто он далек от политики.

— Ну, главные-то бизнесмены делают вполне успешную политику благодаря бизнесу. Брокерские места, например, дарят политикам с «экранной внешностью», да и сами дарители

уже одной ногой, другой рукой — в «большой политике»...

— Мы защищаем не тех, кто пришел в бизнес сверху, у кого «все схвачено», и если его и «заметут» случайно, он наверняка отмоется. Мы работаем для людей, которые поднимаются в экономике снизу. Именно с таких будут снимать три шкуры, когда понадобится стрелочник.

— Полагаете, нужда в стрелочниках еще возникнет?

— Демократы тоже боятся от провала. Причем хорошо опробованным способом. Правительство Ельцина, я уверен, из кризиса не выкарабкается, а козлы отпущения всегда наготове — ведь и теперь народ озлоблен на предпринимателей.

— А как не злиться? Народ видит: биржевики гоняют меж собой товары, делают деньги, а на прилавках ничего не оседает. Никто в стране, похоже, ничего не производит, все только перепродают...

— Всякий предприниматель, чувствуя нестабильность экономической политики, ловит момент, спешит «наварить». Все прекрасно знают: большие деньги в производстве, а не в посредничестве, но гарантий на перспективу — ноль целых, ноль десятых. Демократы у власти особых свобод в экономике не допускают. А зверское обложение биржевиков налогами — натуральный госрэкет. Наше Общество образовало оргкомитет партии экономических свобод. Мы считаем, в парламент России должны прийти люди от бизнеса. Иначе как бы не пришлось выплачивать страховку обанкротившимся демократам. Лично я отнюдь не считаю погромы брокеров и кооператоров футуристическим бредом — козлы отпущения у нас давно намечены...

Элиита ЕФИМОВА

ДЕЛОВЫЕ НОВОСТИ

ОТ НАУКИ ДО БИЗНЕСА — ОДИН ШАГ

Новосибирская ассоциация предпринимателей «Академгородок» начала формировать базу данных, которая будет содержать сведения об ученых, желающих сменить работу. Первые объявления от граждан и организаций эта электронная биржа труда будет принимать бесплатно — предприниматели искренне хотят помочь исследователям, которые уже остались или завтра останутся без работы из-за постоянного сокращения бюджетных ассигнований на науку. Между прочим, в новосибирском Академгородке, где сосредоточена половина институтов Сибирского отделения РАН, уже сейчас действуют более тысячи различных негосударственных предприятий. Их оборот — около 300 миллионов рублей в год, а бюджет отделения — 400 миллионов рублей. Цифры вполне сопоставимы, разница невелика и в будущем скорее всего увеличится, к сожалению, не в пользу науки. Конечно, хорошо, если безработный ученый устроится в кооперативе или на малом предприятии. Плохо, что о науке мы забыли напрочь.

Эльмар ГУСЕЙНОВ

ФУНТ СТЕРЛИНГОВ

Среди валют развитых стран Запада, да, пожалуй, и среди всех валют вообще, британский фунт стерлингов — одна из самых необычных. Мало какое государство может похвастаться денежной единицей с такой богатой историей.

Основу для ставшего позже столь знаменитым фунта стерлингов заложил в IX веке нашей эры Карл Великий. Среди многочисленных государственных трудов этого короля франков было и создание унифицированной для всей его разноплеменной империи системы меры и веса, а также денежной, точнее — монетной, системы. Так, Карл Великий установил, что один фунт серебра весом 490 граммов

нашего века. Впрочем, и тогда она претерпела не очень значительные изменения. И только в 1971 году Британия решилась привести содержание фунта стерлингов в соответствие с принятой во всем мире десятичной системой исчисления. С тех пор в фунте ровно 100 пенсов.

История фунта более драматична, нежели история доллара. Фунт поднимался вместе с экономической и военной мощью Великобритании, вместе с падением этой мощи таяли его сила и влияние. Именно фунт стерлингов на

делится на 20 сольдо, а каждый сольдо — на 12 динаров. Сольдо и динар стали вскоре названиями монет.

А с X века эта система меры начала распространяться и в Англии. Здесь один фунт стерлингов состоял из 20 шиллингов, а каждый шиллинг — из 12 пенсов, мелких серебряных монет, которые иначе называли «стерлингами».

Хотя термин «фунт стерлингов» применялся в Англии с X века, но самой денежной единицы, то есть монеты или банкноты с названием «фунт», не существовало вплоть до 1694 года, когда Банк Англии выпустил первые бумажные купюры, выраженные в фунтах. И только в 1816 году появились монеты, номинал которых также выражался в фунтах. Это были золотые монеты достоинством в 1 фунт.

Многие из читателей помнят названия монет — «соверен», «гинея», которые часто встречаются в книгах английских писателей XIX — начала XX веков. Так вот, совереном называлась золотая монета достоинством в 1 фунт стерлингов. А гинеями — золотые монеты, которые чеканились в Англии до 1817 года (первые из них были изготовлены из золота, привезенного из Гвинеи). В гинею драгоценного металла было не на 20 шиллингов, как в соверене, а почему-то на 21 шиллинг.

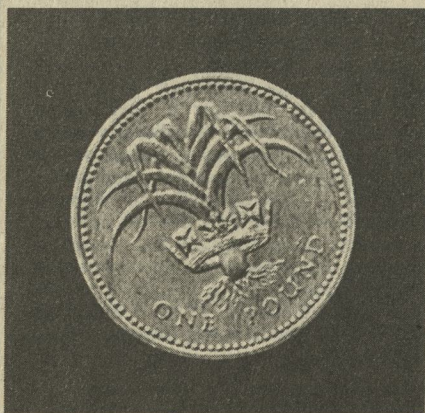
Такую вот непростую денежную единицу, точнее, систему денежных единиц, густо опутанную традициями средневековыми и даже античными, придумали и долго сохраняли для себя консервативные британцы. Сохраняли вплоть до середины двадцатых годов

протяжении почти всего XIX и начала XX века выполнял функции всемирных универсальных денег, аналогичные тем, которые сегодня выполняет доллар. Накануне первой мировой войны 80 процентов расчетов по мировой торговле осуществлялось в фунтах стерлингов, а в 20-е годы нашего века — уже только 60 процентов. Сегодня же на долю британской валюты приходится всего пять процентов.

До 1972 года фунт стерлингов был «золотой» валютой, причем самой дорогой в мире — 7,3 грамма чистого золота было в фунте до 1914 года. При этом англичане создали и самую жесткую систему поддержания золотого паритета своих денег: в соответствии с законом 1844 года все находящиеся в обороте бумажные деньги должны были иметь стопроцентное золотое покрытие и обмениваться на золото по первому требованию. На выпуск денег сверх этого соотношения требовалось принятие специального закона.

Полный золотой стандарт продержался в Англии фактически до первой мировой войны, а во время экономического кризиса 1929—33 годов (точнее, с 1931 года) золотой стандарт для фунта перестал существовать окончательно.

Вторая мировая война принесла не только новое испытание самой сильной валюте мира (в 1940 году за 1 фунт давали 4 доллара), каким становится любая война для любой финансовой системы. В начале сороковых годов была предпринята самая опасная за всю историю этой денежной единицы

попытка дискредитировать ее путем изготовления фальшивых банкнот. Попытку эту предприняла гитлеровская Германия. История эта настолько интересна и позволяет так много узнать о самом фунте стерлингов, что требует подробного рассказа.

Приступая к операции по изготовлению фальшивых английских банкнот, спецслужбы третьего рейха преследовали две цели. Во-первых, подорвать денежную систему одного из главных своих противников, так как, несмотря на боевые действия в Европе, для всех банков мира фунт оставался одной из самых твердых и желанных валют. Во-вторых, предусматривалось использовать фальшивые фунты для закупки стратегического сырья в нейтральных странах и финансирования разведывательной и террористической деятельности германской агентуры.

Эти достаточно противоречивые задачи вынудили немецких специалистов изготавливать поддельные фунты максимально похожими на настоящие. настолько похожими, что иногда кажется, будто немцы занимались изготовлением не фальшивых, а подлинных денег.

Для экспериментальных работ была выделена специальная фабрика недалеко от Берлина. Здесь собрали лучших специалистов — химиков, граверов, даже фальшивомонетчиков и заключенных из концлагерей.

Для начала пришлось разгадывать секрет неповторимо прочной и шелковистой бумаги, на которой печатались настоящие фунты. После многомесячных кропотливых исследований выяс-

нилось, что бумага эта изготавливается из льняного волокна без малейшей примеси целлюлозы. Наладить механический выпуск такой бумаги немцы не смогли, но они организовали ее ручное производство.

Далее педантичные германцы начали биться над водяными знаками на английских банкнотах. Несмотря на все усилия, ничего не выходило. Новая серия экспериментов установила: для изготовления денег используется не всякий, а только турецкий лен. И гитлеровцы начали применять льняное волокно из Турции.

Месяцы ушли на изучение состава красок, номеров серий, изготовление точнейшего клише, изобретение способов искусственного старения банкнот. В конце концов изготовили деньги, которые в ходе «испытаний» выдержали проверку даже у швейцарских таможенников и банкиров. Для этого был организован вояж в Швейцарию гитлеровского разведчика, который специально требовал в банках проверить поддельные фунты... — не фальшивые ли они! И ни разу ни у кого эти банкноты не вызвали подозрения.

Германские спецслужбы успели изготовить десятки миллионов фальшивых фунтов стерлингов и широко использовали их. Даже услуги одного из самых дерзких агентов абвера — знаменитого «Цицерона», камердинера британского посла в Стамбуле, раздобывшего для немцев материалы тегеранской конференции, были оплачены именно этими гениально подделанными фальшивыми фунтами.

После второй мировой войны британский фунт стал непрерывно слабеть, стоимость его год от года снижалась. Причин тому было много, главные — отсталая структура британской экономики и социалистические эксперименты многочисленных лейбористских правительств. Курс фунта был бы, возможно, еще ниже, если бы не открытие нефтяных месторождений в британском секторе Северного моря. Доходы от нефти, а также решительная монетаристская политика консервативных правительств Тэтчер и Мейджора несколько стабилизировали курс британской валюты.

Сегодня на мировых валютных биржах фунт стерлингов по-прежнему является самой дорогой из валют развитых стран Запада. Его курс колеблется в районе 1,6 доллара за фунт. Это полновесная, полностью конвертируемая денежная единица.

В настоящее время в обращении находятся банкноты достоинством 50, 20, 10, 5 и 1 фунт. Правда, последние постепенно изымаются из обращения. На всех купюрах — изображение королевы. Забавно, но в Великобритании до сих пор законным платежным средством считаются золотые монеты в 5, 2 и 1 фунт стерлингов, датированные временем с 1838 года. Разумеется, в реальном обороте этих монет давно уже нет, так как они представляют нумизматическую ценность. Но если вы в магазине желаете оплатить счет золотом — его у вас обязаны будут принять...

*Наш стиль -
разная и многообразная деятельность!*

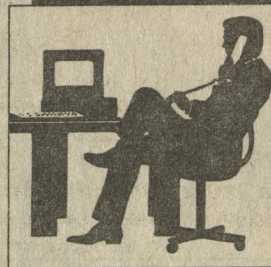

Только брокеры "МММ"

всего за 2% с оплаты по
результату обеспечат Вам
максимальную прибыль в
коммерческих сделках на 11
крупнейших биржах
страны.

Объединение "МММ" приглашает
на работу в Биржевой отдел
агентов — брокеров.

Объединение "МММ" купит
крупные партии металла и леса.

/095/ 171 0252

Товары от "МММ" - лучшее приобретение за рубли!

Одежда и обувь,
электробытовая техника,
теле- и радиоаппаратура —
производства ведущих
фирм мира

Условия покупки —
оптимальные.

/095/
171 06 90
171 03 97
171 13 81
173 44 15

Адрес торгового центра "МММ": 109518, Москва, ул. Газгольдерная 10

Объединение "МММ"
открывает школу
фотомоделей и
манекенщиц
"МММ" - models agency

Присл на конкурсной основе!

(095) - 245 04 76 (с 10 до 17)

Врожденная грамотность: “БЫСТРО, КАК ТОЛЬКО ВОЗМОЖНО, И ЕЩЕ БЫСТРЕЕ...”

Двенадцать лет филолог Ольга ВЕРОВЕНКО работала над созданием уникальной методики интенсивного обучения русскому языку, которая позволяет всего за 12 занятий повысить уровень грамотности в десять раз. Пройдя ее оригинальный курс, уже более десяти тысяч школьников в возрасте от 14 и старше получили возможность без всякой зубрежки и домашних заданий не только исправить хронические письменные ошибки и подготовиться к экзаменам в вуз, но и научились правильно, быстро, красиво мыслить на русском языке. С автором методики “врожденной грамотности” (как ее именуют специалисты) беседует наш корреспондент.

— Ольга Олеговна, в чем секрет успеха Вашей методики?

— Он заключен в принципиально ином подходе к обучению по сравнению с тем, который предлагает ученикам средняя школа.

В моем цикле ставка делается не на логическое мышление, которое развивается по-настоящему, как правило, только к годам тридцати, а на зрительное восприятие текста: к нему школьники лучше подготовлены самой природой. Поэтому на занятиях по моей методике в экспериментальном творческом объединении “Репетитор” (их ведут прошедшие специальную подготовку высококвалифицированные преподаватели) ребята учатся не логически запоминать, а просто видеть, выделять, узнавать в особом образе подобранных примерах вводные слова, причастные обороты, сравнения и прочие “камни преткновения”, которые для многих так и остаются непреодолимыми в рамках стандартной школьной программы. Здесь же они все то, что в школе порой безрезультатно зубрят в течение месяца, легко и просто усваивают зрительной памятью уже к концу первого урока. Причем темп занятий настолько высок, что вполне сравним с известным местом из “Золотого теленка”, где речь идет о партитуре Листа: на одной странице сказано играть “быстро, как только возможно”, а на следующей — все же “еще быстрее”. Кстати, большинство текстов, используемых для обучения в моем курсе, принадлежат таким стилистам, как Ильф, Петров и Булгаков — в этом секрет того удовольствия, которое испытывают наши ученики во время занятий.

— А каким образом происходит отбор преподавателей Вашей методики?

— На основе конкурса, который составляет, как правило, 20 человек на место. Для того, чтобы его пройти, недостаточно быть просто грамотным специа-

Репетитор

Экспериментальное объединение

Адреса и телефоны:
 М. “Тургеневская”,
 928-51-83,
 ул. Лубянка, д. 17
 школа 1216.
 М. “Коломенская”,
 117-43-00,
 просп. Андропова, д. 17,
 школа 839.
Центральная справочная:
 413-04-83.
Звонить с 16.00 до 20.00
 (кроме воскресенья).

листом — нужно быть еще и очень одаренным человеком. Любопытно, что за три года существования “Репетитора” ни один из школьных учителей не смог пройти у нас конкурс, у тех же представителей творческой интеллигенции, которых мы отобрали, весьма напряженная и трудная жизнь. Их занятия постоянно оценивает рейтинговая комиссия, данные которой влияют на сумму зарплаты преподавателей. Оценивается и внешний вид, и качество занятий, ибо от исполнителя методики почти на сто процентов зависит конечный результат.

— А могут ли у Вас учиться ребята более младшего возраста?

— У нас сейчас отрабатывается как бы нулевой, “вспомогательный” цикл из 5 занятий для школьников 12-13 лет,

обучающий умению быстро читать и обрабатывать материал, с тем, чтобы, пройдя эту ступень, они могли в следующем году поступить и на главный курс. Кстати, у нас занимаются и москвичи, и иногородние. С последними мы занимаемся преимущественно во время каникул и ежедневно, с москвичами — три раза в неделю.

— Я слышал, что родителям ребят обучение в “Репетиторе” обходится только в половину настоящей стоимости курса...

— Да, это так. Вторую половину оплаты взяла на себя из соображений благотворительности фирма “Olga” — “индустрия красоты и реклама”. В арсенале фирмы — пластическая хирургия, консультации по визажистике, видеографика, телереклама...

— Создается такое впечатление, что у “Репетитора” нет проблем.

— А вот здесь вы не правы. Их множество. И главная среди них — отсутствие помещений для занятий в центре города. В то же время пустуют особняки, которые или хотя бы один из которых мы могли бы своими силами обустроить под центр интенсивного обучения русскому языку. Мы снимаем школы на окраинах, что территориально неудобно большинству наших слушателей. К тому же сейчас директора школ пытаются навязать нам непомерно высокую арендную плату. Но за счет слушателей мы все равно не станем решать наши проблемы. Может быть, эта публикация привлечет внимание городских властей, и они нам помогут?

Беларусь**ПОМОЩЬ ОТ
ВАТИКАНА: ЧТО
НЕ СЪЕЛИ, ТО
ПОКУСАЛИ**

В город Гомель — наиболее загрязненный чернобыльской радиацией город Беларуси — прибыл представитель Ватикана, апостольский визитатор для белорусов-католиков за рубежом Александр Надсон. Цель визита — передача в дар жителям города лекарств, купленных на собранные английскими верующими средства.

Уже в первый день пребывания на гостеприимной гомельской земле стряслось непредвиденное: значительная часть «благотворительных» лекарств была украдена прямо из автомобиля, доставившего Надсона в пределы СНГ.

В тот же вечер республиканское телевидение объявило: сограждане, Бога ради, не спешите кушать «экспроприированные» пилюли, ведь привезенные из Европы лекарства — это вам не отечественный аспирин, который можно глотать без совета с врачом и в любых количествах. Ослушников телевидения пугало непредвиденными последствиями для здоровья...

Повальных «импортных» отравлений в Гомеле пока не зафиксировано. Никто, впрочем, не спешит вернуть украденное.

Владимир ПАНАДА

Тамбов —
Нижний Новгород**ОКТАБРЬ
И АВГУСТ...**

Данными по эффективности борьбы тамбовской милиции с преступностью мы не располагаем. Наверное, показатели недостижимо высоки, так как в политотделе (все еще функционирует такой) нашлось время для создания монументального научного труда, именуемого

скромно «методическим пособием». Называется методичка так: «Историческая закономерность провала антиконституционного, антинародного государственного переворота 19—21 августа 1991 года». Райотделам милиции предписано документ сей углубленно изучать в качестве руководства к действию. Превосходная замена занятиям по марксизму-ленинизму!

По слухам, политотдел Тамбовского ГУВД намерен в ближайшее время выдать на-гора следующие нетленные произведения: «Материалы съездов и конференций ДДР», «Краткий курс истории движения «Демократическая Россия», «Биографическая хроника жизни и деятельности Б.Н.Ельцина».

Геннадий ПЕРОВ

**...РЕВОЛЮЦИЯ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

Не отстают от милиейских чиновников и массы, чье «революционное творчество» принимает порой весьма своеобразные формы...

Инициативная группа жителей улицы Октябрьской революции начала сбор подписей для обращения к властям с просьбой изменить опостылевшее название на новое: «улица Августовской революции». Политизированные граждане настроены оптимистически: им удалось собрать уже около сорока подписей.

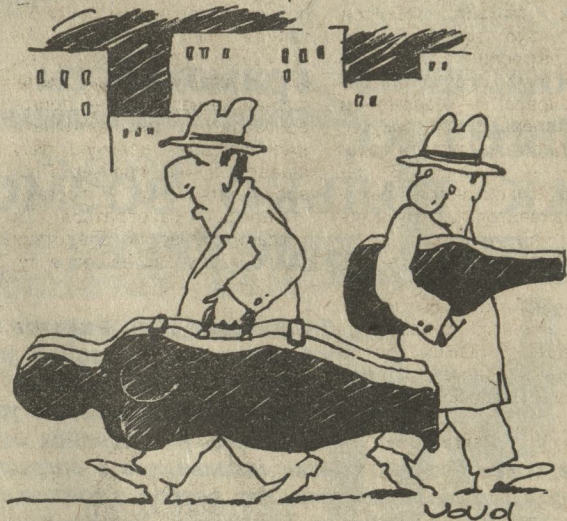
Сведений о готовящемся переименовании центрального нижегородского кинотеатра «Октябрь» в «Август» в редакцию пока не поступало.

О.К. (ИА ПАС)

Сочи**КОГДА ВОКРУГ
РАЗДЕВАЮТ...**

На вид это обыкновенный чемоданчик: ручка, замочек... Но называется волнующе — «Секс-кейс».

(по-научному ЛОД-прибор) разработали специалисты

центра нетрадиционной и народной медицины «Кавказ» в надежде на широкие слои потребителей.

При помощи нехитрых приспособлений, упрятанных в чемоданчике: колбочек, трубочек, насоса, — фирма обещает полнейшего импотента за рекордно короткий срок превратить во вполне нормального мужчину, а нормальному мужчине гарантирует увеличение его мужских достоинств на три, а то и шесть сантиметров. Все очень просто: надеваешь колбочку на ... ну, вы понимаете, присоединяешь, что положено, что положено, зажимаешь, приводишь в действие ножной насос, откачивая из колбочки воздух... А через 10—15 дней все женщины — твои. Особо ценным достоинством представляется компактность и транспортабельность новинки: ее можно использовать по назначению дома, в гостях, на работе, на пляже, в общественном транспорте и в кинотеатре. Привлекает также относительно невысокая цена изделия, делающая «Секс-кейс» вполне доступным для пенсионеров, студентов, многодетных матерей.

Генеральный директор «Кавказа» Юрий Ткаченко заявил, что опробовал действие ЛОД-прибора на себе лично и остался весьма доволен: ощущения очень приятные, а эффект — стабильно впечатляющий...

Дмитрий ЕРМАКОВ

Ростов-на-Дону**ВСЕ ХОРОШО,
ПРЕКРАСНАЯ
МАРКИЗА**

Как стало известно из компетентных источников, худа без добра не бывает.

По сообщению заместителя председателя областного комитета по охране природы Владимира Хлобыстова, спад в промышленности положительно сказался на экологической обстановке в области. Количество вредных выбросов в водоемы резко сократилось. Это оценили раки, вернувшиеся на «историческую родину» — в норы на реках Сале и Маныче.

А рисоводы Пролетарского района области не достали в прошлом году пестицидов (импортных теперь нет, а свои уж очень дороги). По этой причине им удалось вырастить экологически чистый урожай, пригодный для детского питания и частично даже проданный за валюту. Размер урожая при этом сохранился на уровне прежних лет, что означает полный крах старинного отечественного рисоводческого суеверия: якобы рис без пестицидов вырастить невозможно.

Все имеет свои светлые стороны в нашей черно-белой жизни. И вот только подорожание колбасы пока что плохо во всех отношении

ях. Начальник УВД обрис-полкома Михаил Фетисов считает, что именно из-за этого выросло количество преступлений против личности. Колбаса — дорогая, и водку теперь стали закусывать более доступным продуктом — рукавом. В результате напиваются быстрее и основательнее. Ну и переходят на личности.

Есть предложение: в качестве закуски вместо малодоступной колбасы и малозффективного рукава использовать ставших более доступными раков. И все опять будет хорошо...

Сергей СИНЕОК

Петрозаводск — Углич

«НЕСУН» ПЕРЕШЕЛ РУБИКОН...

«Несун» нынче пошел на редкость крепкий. Одного такого деятеля попыталась было задержать охрана производственного объединения «Онежский тракторный завод». Но неудачно. Неустановленный работник объединения, почуяв неладное, сиганул через забор предприятия, не раздеваясь, перебрался вплавь через речку Лососинку (протекает под забором) и был таков. Забор — высокий. Речка — не узенькая. Вода в ней — ледяная. На дворе мороз — ниже минус десяти, а «экспроприатору» — хоть бы хны. Единственное, чего не удалось сделать закаленному гражданину, — так это унести с собой мешок с «добычей», доставшийся охране в виде слабого утешения за срыв «операции».

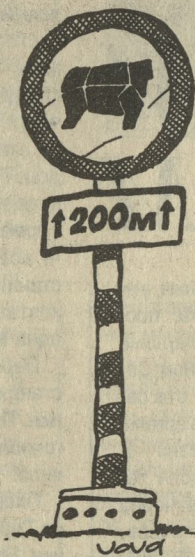
Вера БУРАВОВА

... И «НЕСЕТ»В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ

Доблестная рать мелких и средних воришек угличского мясокомбината получила чувствительный удар по самолюбию от некоего глубоко заговоренного «кита». Здесь недавно была цели-

ком (!) украдена только что по всем правилам обработанная туша упитанного быка, весом более полутонны. Но беспрецедентным этот случай не назовешь — полгода назад с мясокомбината уже «уводили» целую тушу (наверное, «на пробу»). Правоохранительные органы пытались разобраться и тогда и сейчас, но следствие в обоих случаях зашло в тупик.

Олег ПЕТРОВ

Рязань

ВОТ ПРИЕХАЛ БАРИН...

Недавний визит Председателя Верховного Совета Российской Федерации Руслана Хасбулатова живо напомнил рязанцам двухгодичной давности приезд Егора Лигачева.

Во-первых — маршрут. Местные руководители составили его для Руслана Имрановича практически так же, как для Егора Кузьмича.

И хоть лидер республиканского парламента перед российскими телезрителями отказался ездить по «потемкинским деревням» — все же поехал. Прямо от границы области — в хозяйство «Авангард», где два года назад председатель колхоза демонстрировал высокому гостю преимущества колхозно-совхозного строя, а нынче — сами знаете что...

Во-вторых, встреча с местным руководством в зале рязанского Дома Советов (в дни визита Лигачева он был еще обкомом КПСС). Как и два года назад, сюда пускали лишь по списку приглашенных, каковой список составила охрана столичного руководителя. Милиция отказалась пропустить в зал сопредседателя областного Движения демократических реформ А.Ашкинадзе, члена координационного совета Республиканской партии Российской Федерации А.Кузнецова и многих-многих других обладателей депутатских мандатов.

Наконец, в-третьих, самое интересное. Глава охраны Председателя Верховного Совета России, отказавшись назвать свою фамилию, все же признался журналистам: таки да, два года назад я охранял Егора Кузьмича Лигачева. С чем Руслана Имрановича и поздравляем.

Андрей КУЗНЕЦОВ,
Сергей МУЛИН

Казань

ДЕПУТАТЫ ПОСТАНОВИЛИ: ПИТЬ!

Комиссия по этике казанского городского Совета народных депутатов обсудила «личное дело» одного из народных избранников, явившегося на заседание Совета изрядно под хмельком.

Житейский вопрос на заседании комиссии очень быстро перерос в глобальный, превратившись в почти гамлетовскую дилемму: пить депутату в принципе или же в принципе воздерживаться?

Восторжествовал здравый смысл. Комиссия разрешила пить, поскольку-де талоны на водку — объективная реальность, данная в ощущение не только рядовому жителю Казани, но также и народному депутату. Не в серванте же держать законно приобретенное!

Элла РЫЛОВА

«Осколки» собирал
Кирилл РЫБАК
Наш телефон
928-18-56

Рисовал В.Иванов

Вчера мне опять позвонила Надежда Яковлевна Кислица. Спросила, как семья, как погода, поделилась своими маленькими новостями. И под конец, замирая, задала неминуемый, неизбежный, безнадежный свой вопрос:

— Ну а по тому нашему делу — никаких новостей? Ничего нового не известно?

И я в который раз почти физически ощутила, как уходит из-под ног земля.

Мне ничего не известно четвертый год. Но я — чужая. Посторонний человек.

Ей ничего не известно седьмой год. Но она — мать.

Раиса ФИРСТОВА

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

*Вы, теоретики ратного дела,
Пусть это вам не однажды
приснится...*

(Из песни)

У нее было два сына. Оба славные, умные, добрые. Старший, Сашенька, поступил в Московский институт. Младший, Сережа, учился в школе в г. Снежном Донецкой области, в котором живет эта семья. Время пришло, Сашу забрали в армию. Служил водителем в Узбекистане. В сентябре 1985 г. Кислицам принесли телеграмму о Сашиной гибели. Еще через несколько дней, поздним вечером привезли глухой, без окошечка, цинковый гроб. Сопровождавший его лейтенант А. Родин вручил обнаруженные в «бардачке» Сашиного грузовика документы, а также свидетельство о смерти. Похороны состоялись на следующий день. Горю Надежды Яковлевны не было предела. Особенно мучило сознание нелепости гибели сына. О причине смерти в свидетельстве о смерти было сказано: «Размозжение головного мозга, открытый перелом костей основания черепа, автотравма». Близким сообщили, что машина съехала с эстакады, когда он мыл свой КамАЗ. Голова солдата попала под его колесо. Потому и привезли Сашу в закрытом гробу.

После похорон, просматривая документы сына, мать нашла в обложке комсомольского билета тайничок. Заглянула и увидела какую-то бумажку. Развернула...

Это была таможенная декларация, заполненная Сашиной рукой. Судя по ней, 28 августа 1985 г. сын выезжал на территорию Афганистана. Отметки о возвращении не было. Тут вспомнились детали, которым ранее не придавали значения: сопровождавший гроб лейтенант избегал разговоров с родителями погибшего; фотографию Саши, которая стояла на гробу, поче-

му-то все время опрокидывал лицом вниз; пришедшим на похороны людям об обстоятельствах гибели рассказывал разное. Вызывала сомнения и причина гибели. Надежда Яковлевна работает на автопредприятии и знает: тормозная система якобы съехавшего КамАЗа устроена таким образом, что он не сдвинется с места, пока его не заведешь и не накачаешь положенное количество атмосфер.

Сомнения толкнули женщину на отчаянный поступок. Но об этом лучше прочитаем в ее письме, которое она мне прислала:

«Это побудило меня через неделю после похорон ночью вскрыть могилу. Материнские чувства меня не подвели. В гробу лежал чужой человек. Голова целая, лицо чистое, длинные волосы зачесаны наверх. Лицо монголообразного типа... На следующий день я написала командиру части, думала, что гроб перепутали. Ждала ответа, каждый день мне казался годом. Получив его, сразу потеряла веру в правду. Я написала в военную прокуратуру Термезского гарнизона, и пошли ответы — все разные. Я стала писать во все инстанции. Мои письма пересылались в Туркестанский военный округ, а оттуда была одна и та же отписка».

Переписка Надежды Яковлевны с «инстанциями» заслуживает особого внимания. Поэтому цитирую некоторые из многочисленных ответов, которые она получила.

Письмо помощника военного прокурора Термезского гарнизона капитана юстиции Голосного: «В ходе следствия было установлено, что 8 сентября 1985 г. Александр производил помывку закрепленного за ним автомобиля. При этом он установил автомобиль на эстакаде и по небрежности не зафиксировал стояночный тормоз. Из-за покатоности эстакады к центру автомобиль самопроизвольно начал движение назад. Александр, находившийся в это время под ним, получил травму головы в результате наезда колеса автомобиля и от полученной травмы в этот же день скончался».

Официальный ответ начальника управления Краснознаменного Туркестанского военного округа Л. Никитина: «Штабом округа проведено расследование фактов... Ваш сын Кислица А.А. во время прохождения службы **ни разу** (здесь и далее подчеркнуто мной. — Р.Ф.) не направлялся для выполнения служебных обязанностей на территорию ДРА».

Официальный ответ военного прокурора Термезского гарнизона Бондарева: «Ваш сын несколько раз пересекал границу СССР и ездил на территорию ДРА за запасными частями к автомашине. Последний раз он пересекал границу 28 августа 1985 г., заполнял декларацию, а 30 августа 1985 г. возвратился в часть». А декларацию, без которой шаг ступить через

границу не дадут, выходит, при себе оставил...

Письмо от заместителя военного прокурора Туркестанского военного округа А.Кима: «Установлено, что ваш сын в период прохождения службы в указанной части действительно перевозил грузы в составе колонны на перевалбазу в населенном пункте... который удален от линии госграницы СССР не более 1 км. После выгрузки имущества колонна в те же сутки возвращалась на территорию СССР. На дальние перевозки грузов на территории Республики Афганистан Кислица А.А. не привлекался».

И наконец, письмо заместителя начальника Главного Политуправления СА и ВМФ В.Нечаева: «Рядовой Кислица А.А. служил в войсковой части, находящейся в г.Термезе Сурхандарьинской области. Во время прохождения службы ни разу не направлялся на территорию Афганистана. Погиб в результате черепно-мозговой травмы, полученной из-за личной неосторожности при обслуживании закрепленного за ним автомобиля». Это — последнее официальное письмо, из чего можно заключить, что все пошло по второму кругу.

Но вот письмо неофициальное. Его написал Сергей Старовойтов: «Я решил написать правду. Я вас не знаю, зато хорошо знал вашего сына. Он мой сослуживец. Я должен сообщить всю правду. Это случилось примерно 28 августа. Им было поручено выйти на заданный рубеж. Но где-то через пару часов нам сообщили, что группа попала под огонь противника, уничтожено две машины. И, по всей вероятности, одна из этих двух машин была Сашина. Ваш сын погиб героически». Вспомните — таможенная декларация была заполнена именно 28 августа.

Правду могла в какой-то степени прояснить эксгумация. Надежда Яковлевна добивалась ее почти два года. Безымянную могилку не оставляла: цветы сажала, ухаживала, берегла. Ведь лежит в ней пусть не свое, но чье-то же дитя!

Наконец, было принято решение о вскрытии могилы. Назначили его на март. Сослуживцы Надежды Яковлевны предложили свою помощь. Расчистили бульдозером дорогу до кладбища, были готовы вскрыть могилу. Но эксгумация не состоялась. Почему? Ответ дает тогдашний заместитель председателя горисполкома г.Снежного В.Медведев: «В результате снежных заносов доступа техники к могиле не было. Выделен был бульдозер, сделаны попытки пробить дорогу к могиле, но положительных результатов это не дало. С представителем Термезской военной прокуратуры определены сроки разрытия могилы в мае месяце, так как доступа к могиле не было и это связано с большими объемами работ, которые необходимо выполнить вручную».

Но в самом ли деле так сильно занесло в том марте кладбище, что даже мощная техника не могла к нему пробиться? Надежда Яковлевна показала мне фотографии, сделанные в предполагаемый день эксгумации. Самые большие сугробы до колена не доходят. Оно и неудивительно: кладбище расположено на возвышенности, со всех сторон обдувается ветрами, местами и вовсе на снегу голые проплешины. Я спросила: если кто-то из жителей города по своей «несознательности» умирает зимой, в заносы, его хоронят сразу или из-за «больших объемов работ, которые необходимо выполнить вручную», тоже лета ждут? Да нет, говорят, хоронят и зимой!

...Поскольку мать Саши не успокаивалась, эксгумация все же состоялась. Не в мае, как было обещано, а в июне. Проводили ее помощник военного прокурора Донецкого гарнизона т.Коваль, приехавший из Киева судмедэксперт по фамилии Запорожцев, врач-стоматолог Л.Рябинская и другие.

Родственница Надежды Яковлевны, Р.Антипова, вспоминает: «В нашем присутствии сняли голубое атласное покрывало, которым был покрыт гроб... После этого нас нагло оттолкнули в сторону и перед нами выстроили живую стенку из курсантов. А в это время гроб вскрыли и начали над ним хозяйничать зубной врач и судмедэксперт. Там же находился и лейтенант Родин... Несколько раз сестра (Н.Я.Кислица) прорывалась к гробу, но ее не пускали. Когда она все же прорвалась, там уже все было сделано». Антипова в останках своего племянника не опознала.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Посмотрите на фотографию. Это Саша Кислица. Возможно, вам что-то о нем известно. В 1984—1985 гг. он служил в г.Термезе Сурхандарьинской области в войсковой части № 33212, был водителем на КамАЗе, перевозил грузы в ДРА.

В сентябре 1985 г. родители Саши получили извещение о его гибели и гроб, в котором оказался чужой человек.

Примерно через год или позже пришло письмо от Сергея Старовойтова, назвавшегося другом Саши. О нем известно, что с 13.X по 5.XI.85 года Сергей находился на лечении в 340-м окружном военном госпитале им.П.Ф.Боровского в г.Ташкенте, после чего был выписан для продолжения службы. Если случайно вы прочтете эти строки, отзовитесь, Сережа! Возможно, их прочтет кто-либо из бывших сослуживцев Саши Кислицы или, если это несчастье все же произошло, свидетелей его гибели. Откликнитесь!

Напоминаем наш адрес: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, «Столица».

Обратила внимание, конечно, и на совершенно целый череп похороненного юноши. Об этом написала мне и приглашенная для опознания трупа В.Компаниец: «Я больше 25 лет проработала медицинской сестрой. Меня интересует травма черепа. В заключении написано, что открытый перелом. У трупа череп был целый. Чем это объяснить?»

Загадочная эта история по сей день не нашла своего разрешения. Мать Саши до сих пор бьется в поисках истины. Ее, уже опираясь на выводы экспертизы, убеждают, что похороненный на городском кладбище незнакомец — ее сын. На письма Надежды Яковлевны и возмущенных жителей Снежного по-прежнему приходят отписки.

Об одном таком официальном письме стоит упомянуть особо: «По минованию надобности возвращаю вам фотографии вашего сына, Кислицы А.А., изымавшиеся у вас в ходе следствия. Одновременно сообщая, что части эксгумированного по делу вашего сына трупа находятся на хранении в судебно-медицинской лаборатории Киевского военного округа г.Киева, эксперты которой проводили судебно-медицинскую экспертизу. Помощник военного прокурора Термезского гарнизона старший лейтенант юстиции Бурковский».

«Надобность миновала», а останки по сей день не нашли покоя. Надежда Яковлевна продолжает искать правду о сыне и верит, что встретится с ним. А где-то другая женщина, другая мать тоже ищет, не зная, что ее сын похоронен на кладбище города Снежного. Под чужим именем...

ЖИЛИ, ЖИВЕМ, БУДЕМ ЖИТЬ

Иные страны живут туризмом: возят народ отовсюду, себя показывают. А к нам — так сами съезжаются, смотрят, на видео снимают. Так отчего бы нам, граждане, все это на деловую основу не поставить? Мы им небольшую битву на баррикадах, они нам — гуманитарную таксу по счетчику. К нашей выгоде и процветанию. К ихнему телевизионному удовольствию. Голливуд в масштабах СНГ.

А еще можно торговать астрологическими прогнозами. Если же небо заволокло тучами или кофейная гуща на исходе, то не беда — у нас любой прогноз сбывается, только чтоб помрачнее, покруче был.

Как-то папа сказал маленькому Володе: ежели не перестанешь дурака валять, завтра тебе пару вкатят. И оказался прав. А почему? А потому, что у нас сбываются все дурные предсказания.

Впрочем, не все так уж плохо. Есть и хорошие новости. Вот недавно радиэфир был потрясен сенсационным известием (радиостанция «Юность», Молодежный канал). Ведущий передачи «Необъявленный визит», друг летающих тарелок, зачитал пророчество простой русской женщины из провинции. Она, эта женщина, вступив в телепатический контакт с космосом, получила из его глубин следующую информацию: дескать, через пять лет Россия вступит в новую фазу развития. Так сказать, новый большой этап.

Все переменится. А именно: не будут больше на Руси помирать.

Что ни говори, а народ у нас крепкий. Да и как иначе, когда столько лет над нами измывались, раскулачивали, сажали, травили идеологией, пестицидами — словом, работали над обликом нового человека, советского. Ну вот и

вывели: пошел у нас другой народ, невыводимый. Знай, Запад, наших — не будет теперь у нас душа от тела отделяться! Хоть режь.

И в миг проблемы разрешатся: и политические, и продовольственные. И проблема отцов и детей отпадет. За давностью лет — и тех, и других. Писатели же, художники и музыканты — все как один бессмертными окажутся. Война и вендетта окончательно выйдут из моды. Спид станет неактуальным, как насморк. Национальные амбиции — просто чепуха, коль всякий точно Вечный Жид. Только вот квартирный вопрос и пенсии... То-то парламенту работы будет!

Замечу лишь: все это отдохновение через пять лет наступит. А пока...

Д.ЮНКИН

...А ВПЕРЕДИ ШМОНАЛИ УРУГВАЙЦА...

Будучи по натуре естествоиспытателем, я и в этот раз дерзнул прибегнуть к старому журналистскому трюку — притвориться кем-то, дабы узнать нечто. А требовалось от меня сейчас многое: разведать, каково нынче отправлять продуктовые посылки из Москвы. Собственно, тут и притворяться-то нечего. Поэтому, поскребя по сусекам, я собрал скромную бандерольку из продуктов и сигарет, с которой и принялся обходить почтовые отделения.

У каждого приемного окошка мне прежде всего предстояло ознакомиться с написанным или отпечатанным распоряжением вице-мэра от 6.12.91. В категоричной форме оно извещало о временном прекращении приема и отправления посылок и бандеролей с продовольственными товарами и сигаретами. Как вы догадываетесь, эта директива не являлась для меня полной неожиданностью. Как раз руководствуясь ею, я и упаковал любовно свою контрольную бандероль. Тем более, что придавал немалое значение и словам о том, что прием пресловутых отправок должен «осуществлять с проверкой вложения». То есть почтмейстерам нашим вменяется в обязанность пристально изучать содержимое коробок, пакетов и ящиков. Что ж, спешим такую бестактность на требования революционного времени, переходного периода (или чего там еще?).

Первая почта, где я попытал счастья, находилась неподалеку от моего дома, на юго-восточной московской окраине.

«Ну и что у вас там?» — задиристо спрашивала меня приемщица. «Да так, всего понемножку». «Ну, говорите, говорите — всё равно ведь будем смотреть». Изворачиваться не было смысла, и я сказал правду. «А куда посылаете?» — «В Минск». — «Ну вот, еще и за пределы России». — «А разве нельзя?» — «Нельзя, читать, что ли, не умеете? (Пауза.) Ну ладно, попробуем». Женщины ловко обернула и положила на весы мою коробочку. Заметьте, даже не осмотрев её внутренности, чем доставила мне немалое удовлетворение морального характера.

Бандеролька-контролька не уехала в Минск: я сказал, что забыл дома адрес и получил упаковку обратно. Уж не держите на меня зла, минчане.

На следующей почте мои пожитки не приняли вообще, потому что мне вдруг приспичило услатить их в Прибалтику. Это теперь за граница, проговорили с брезгливостью. А если бы я цинично возжелал оказать «гуманитарную помощь» какому-нибудь шведу? Не взяли бы по той же причине?

Работники Главпочтамта разыграли для меня пьеску в духе русского абсурда. В один день мои продукты отказались оформить даже в Ростов, а на следующий, поворчав, забрали для Киева.

Глянули только поверх, так, для порядка.

Кадры по-прежнему решают всё. Именно они в каждом отдельном случае решают — послать ваши продукты по адресу или вас вместе с ними без оно-го. Это уж вопрос частный и сугубо конкретный. В зависимости от состояния души кадры почтовых отделений могут жестко отразить атаку клиента, сославшись на упомянутое распоряжение Лужкова, а могут, сердешные, и расчувствоваться, принять посылочку со вздохом: «Их же проверяют везде». Так что, даже сдав провизию на почте, подождите расслабиться: ваши калорийные подарки для племянника в Бердичеве еще могут несколько раз распротрошить на дальних станциях, и где гарантия, что там снова проявят человеколюбие к неведомому москвичу и сложат все аккуратно обратно?

Правда, за то время, что готовился этот материал, в недрах почтовых ведомств произошли некоторые метаморфозы. Так, на том же Главпочтамте вдруг вывесили клочок бумажки, где наспех был набросан список разрешенного к высылке в другие республики: 4 пачки сигарет, полкило сахара или конфет, 1 пачка чая или кофе, 2 банки консервов, 1 кг хлебобулочных изделий. Славно! «Блокада» прорвана?

Алексей БЕЛЯКОВ

Рисовал А. Заяц

«КАК «ПРАВДА» ГЛАЗА КОЛЕТ»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
(а также круглый стол и прямая линия)

Оттого и суров Митрофанов.

Иван Подсвиров

«Правда», 10 января, 1992

Любезный Иван Григорьевич!

Прочитал вашу статью «Лукавцы Зоилы и «немытые головы», опубликованную в газете «Правда» от 10 января. Я ее главный герой. Благодарю за внимание.

В 41—42 номере «Столицы» я писал о наших музеях с пустынными залами, о том, что они ничего не дают ни уму ни сердцу посетителя. Вы же утверждаете, что, если я против непопулярного музея Пушкина и вообще против культуры, но только боюсь в этом сразу признаться. И вы воспеваете эти заброшенные музеи.

Вы, наверное, старенький, лысенький и с палочкой. (Беру на себя смелость предположить вашу внешность, поскольку прецедент уже состоялся. Пишете вы, что я «современный, молодой и задорный». Спасибо. Хочу надеяться, что это действительно так.) Правда, в одном из номеров вашей газеты, увидел я вашу фотографию — мужчины сред-

них лет. Но откуда мне знать — может, она давнишняя.

Один мой коллега как-то рассказывал, что «Правду» пишет всего один человек, который не ест и не спит, а только сидит круглые сутки и пишет одним скучным языком эту самую «Правду»: только один номер допишет — уже следующую пораначинать. Но я-то знаю, что это не так, и «правдист» — всегда звучало гордо. Поэтому я, «хитрован выдвигенец и перерожденец», занялся изучением вашего творческого наследия.

Оказывается, вы знаменитый писатель. В одном лишь каталоге Исторической библиотеки я обнаружил восемь ваших книг. А на самом деле их, видимо, больше. Эти книги — про красные колхозы, красных журавлей и красных председателей. Видимо, вы — трогательный идеалист-романтик и ваше призвание — воспевать несуществующее, но желаемое. Хотя, может быть, я заблуждаюсь. Может быть, вам попались лишь такие хозяйства, где люди искренне радовались коллективиза-

ции, а милиционеры играли на скрипках и дарили друг другу конфеты.

Затем я, «мальчик, обрядившийся в броское платье манкурта», стал штудировать ваши журналистские материалы. Чтобы мне, «новоиспеченному Зоилу», не быть особенно придирчивым, я умышленно смотрел газеты за последние год-два. Оказывается, когда КПСС была уже непонятно чем, вы писали о партсъездах и партаппаратчиках. Хотя, может быть, вам попадались лишь исключительно честные коммунисты с чистыми руками и холодными ногами.

Как «слишком говорливый лжесусанин, заведший в трясину народ», должен отдать вам должное — человек вы глубокомысленный и в суждениях неспешный. Ваши заголовки содержат в себе неуверенность и вопрос: «Как жить дальше...», «Кого захлестывают волны?», «Раскол или размежевание?», «Кто нам земля — мать или мачеха?», «Нужно ли заделывать «трещины»?». Ваш излюбленный жанр — репортажи с заседаний, интервью и обработки стенограмм. Но, несмотря на все эти предосторожности, вы предпочитали заручиться соавторами. И мне очень известно, что я, «новоявленный ниспровергатель», спровоцировал вас на написание такой гневной статьи с таким отчаянным заголовком.

Основной смысл вашего выступления сводится вот к чему: «Поначалу не нужны лишь «такие музеи», потом станут вредны вообще музеи, а затем и вся культура. Такова логика отрицания». И я, «талантливый Зоилушка — бич, повергающий навзничь бесталанных, глупых и вообще — лишних», восхищен изобретенной вами логикой. И я предлагаю вам под нее два сюжета собственного изготовления.

1. Некий репортершко Х пишет, что нам не нужны зараженные радиацией овощи. Сначала он против «таких овощей», потом станет вредна вообще еда, а затем он призовет к массовому самоубийству через отказ от пищи. Мораль — ешьте то, что дают.

2. Некий журналистшко У пишет, что нам не нужны ветхие жилые дома, готовые в любой момент рухнуть. Сначала он против «таких домов», потом станет вредно вообще жилище, а затем он призовет к массовому самоубийству через замерзание. Мораль — живите там, откуда не гонят.

А что касается вашего высказывания: «Сейчас на дворе такая смутная эпоха, что невозможно избавиться от недоуменного цитирования», — здесь я, как «Салтыков-Щедрин нравственного бездорожья», полностью с вами согласен.

Оттого и суров.

Алексей МИТРОФАНОВ

Фото Валерия Левитина

Елена МАКСИМОВА

СОКОЛЬНИКИ. КАФЕ «СТРОМЫНКА». КОРМЯТ

Кормит русско-корейская пресвитерианская церковь. С понедельника до пятницы, с 10 до 11, потом два выходных.

Стандартный обед (завтрак?): колбаса на закуску, суп, гуляш, стакан чая, хлеб. Без изысков, естественно, — нормальный советский общепит. С ценой в 18 рублей, которую заносит на свой счет церковь, вернее, ее спонсоры из Южной Кореи. Впрочем, голодным людям, отнюдь не корейского происхождения, все равно. Главное — кормят.

25 ежедневных талонов распределяет комиссия Моссовета, которая занимается беженцами. 50 — районный собес. Остальные (примерно 150) выдаются при входе всем, кто пришел. Старым и не очень, инвалидам и на вид вполне здоровым, бомжам и местным алкоголикам, да просто работягам с соседних строек. А как иначе?

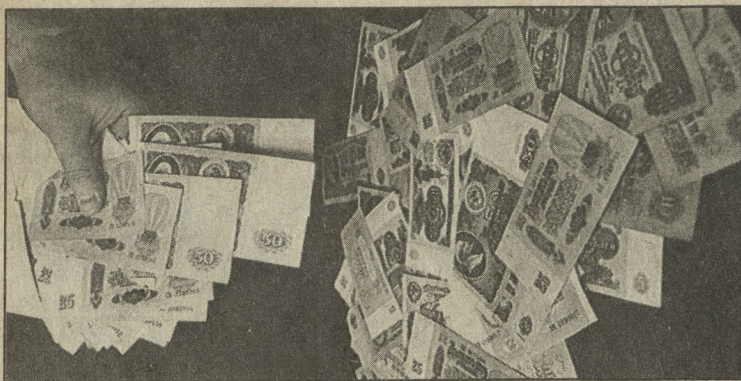
Для одного это — реальный шанс не умереть с голоду, для другого — натуральная добавка к пенсии, а для кого-то — «халыва». Время от времени при входе случаются небольшие потасовки, которые стихают сами собой, как только кончаются талоны. А когда раздавали бесплатно Новый Завет, все хватили по 5 штук. Наверное, запасались впрок, как водится. Некоторым было стыдно...

А одна проходившая мимо коренная московская старушка сказала, что сюда не войдет ни за что. Потому что благотворительность у нас всегда почему-то тащит за собой ущемление достоинства. И приходится выбирать между нищетой и драками в очередях, и завистливым взглядом, и соседом-халывщиком.

Но это уже наше, родное, самоедское, и к корейцам не имеет никакого отношения.

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА

Бедная почта повышает цены, чтобы немножко разбогатеть. Недавно она повысила цену на марку на 1 копейку и сразу получила чистую прибыль 80 миллионов рублей. В 1990 году доходы связистов с божьей помощью чуть-чуть возросли и составили всего 12 миллиардов 700 миллионов рублей. Бедная нищенка!..

Но публике почему-то не нравится, когда повышают цены. Поэтому она шлет друг другу меньше писем и посылок:

	1989 г.	1990 г.
письма	7 млрд. 800 млн. штук	7 млрд. 500 млн. штук
посылки	260 млн. 500 тыс. штук	243 млн. 600 тыс. штук

А на пересылку денег цен не повышали, поэтому этой услугой воспользовалось, наоборот, больше людей:

	1989 г.	1990 г.
денежные переводы	304 млн. 100 тыс.	305 млн. 300 тыс.

Однако жертвами алчности почты стали как раз те, кто доверяет связи — воровство ценностей все еще поражает воображение:

1989 г.	1990 г.
1 273 000 рублей	1 171 000 рублей

...В огромных залах и в душных конурках почтовых отделений, в тесных почтовых вагонах, где всегда романтично приглушен свет, — всюду, где идет сортировка писем, посылок, бандеролей, витает дух наживы. Только философы считают, что деньги не пахнут, — на почте вам объяснят, что пахнет даже золото, которое, конечно, своего запаха не имеет. Люди с тончайшей конституцией подушечек на пальцах, ястребиным взором и обостренным нюхом переби-

рают конверты, пакеты... Не ощупывая конвертов и не приносясь к бандеролям, чтобы не обратить на себя внимание товарищей, среди которых великое множество честных, простуженных, добросовестных и потому неспособных ничего почувствовать сквозь крафт-бумагу или полиэтилен, эти уникалы безошибочно выбирают из моря конвертов тот, где спряталась, обложенная толстым письмом, купюра. Особо часто она в письме солдату. Адрес с «в/ч» уже настораживает...

Сотрудники отдела социально-бытовых проблем «Столицы» направили друг другу по десять писем, в которые вложили деньги, и по десять писем — без денег.

Естественно, мы приготовились к худшему. Перед тем, как решиться на этот опыт, мы сказали друг другу: «Бог с нами, с деньгами! Деньги — зло!» — мы мысленно с ними простились. Эксперимент шел десять дней. В день мы бросали в почтовый ящик по два письма: одно с денежкой, другое — без. Денежку в конверт мы нарочно заклеивали так, чтобы она просвечивала. Бросая конверт в почтовый ящик, мы записывали номер его (по номеру на почтовом ящике можно определить межрайонный почтамт и почтовое отделение), номер дома, на котором он висит, улицу и даже время. Эксперимент, так сказать, охватил 22 почтовых ящика, 14 почтовых отделений, 6 межрайонных почтамтов и, разумеется, московский почтамт, через который проходит сортировку любой конверт, даже если его бросили в почтовый ящик, висящий на том самом доме, куда письмо адресовано.

Эксперимент показал, что, во-первых, скорость доставки писем в Москве по-прежнему совершенно непредсказуема. Так, первым мы получили вовсе не первое из отправленных писем. Первым пришло письмо, которое бросили вторым. А первое письмо почему-то пришло на восьмой день.

Третье письмо одному из нас пришло на седьмой день, а другому — на четвертый.

Четвертое — без денег на третий, а с деньгами на восьмой.

Пятое — на одиннадцатый день и на третий.

Шестое — на второй день.

Седьмое — на третий и девятый.

Восьмое — на второй, четвертый, пятый и шестой.

Девятое — на второй и третий.

Десятое — на второй, четвертый и шестой.

Эксперимент потерпел полную победу: мы не потеряли ни рубля. Это во-первых. Из сорока отправленных писем пропало только одно, опущенное в почтовый ящик Ц-96 в Рахмановском переулке 13 ноября 1991 года в 16.00: этот почтовый ящик висит на здании редакции. В том конверте было лишь письмо.

Пересылка денег в письме строго запрещена почтовыми правилами. Дело в том, что от пересылки денег

в конверте почта теряет свое: отправленные переводом, они бы дали почте доход. Мы не призываем москвичей вкладывать в конверты деньги. Эксперимент экспериментом, а жизнь есть жизнь. Возможно, что нам просто повезло. Но почему же московские почтовики утратили интерес к деньгам?

...В семье москвички Эры Михайловны М. растет юный Пинкертон — Миша. Мише уже одиннадцать лет. Он ученик пятого класса. Юный Пинкертон ответил на вопрос, на который не дал ответа опыт, проведенный серьезными сотрудниками отдела социально-бытовых проблем. Миша нашел место, где теперь сосредоточились самые талантливые искатели чужих сокровищ. Миша обнаружил в Кузьминском лесу, в глухой запруде — в грязи и тине — груды вскрытых писем. Миша-Пинкертон — человек образованный: он сразу определил, что письма пришли из Америки. Среди выброшенных писем образованный следопыт нашел деловые письма: наши предприниматели вступают в деловые контакты с американскими коллегами.

Без компаса Миша-Пинкертон провел группу, состоящую из мамы, заместителя начальника Международного почтамта Сергея Анатольевича Сергеева и сотрудника отдела социально-бытовых проблем «Столицы», к Кузьминской запруде. Сначала группа плутала по опушке леса, по кромке озера, но затем юный проводник увидел верный ориентир: ржавую трубу. Двинулись на трубу. И тут, за трубой, — обрыв. Лужа. Нет, запруда — глубокая, грязная. И на берегу ее — сотни вскрытых писем. Конверты иностранные. В грязи, под снегом, в воде... На берегу следы костра: письма жгли...

Отсыревшие, расплывшиеся, письма тем не менее сохранили слова любви, привета, душевного тепла, тоски по дорогому человеку и сильной веры, что писавшие когда-нибудь увидятся с теми, кому пишут. Конечно, не все письма любовные, но таких там, по-видимому, все же большинство, потому что люди насыщены о цензуре на советской таможне и о чтении всех писем без разбору. Они стараются писать не о делах, которые бдительный чец может истолковать как шпионскую деятельность, хоть бы человек работал пекарем и говорил о том, как делают булочки («булочки», «тесто», «плита» — все это может показаться нашему Чичикову шифровкой), а о вещах самых обыденных: о самочувствии, душевных переживаниях или, наоборот, радостях.

«Здравствуйте, мои дорогие Мамуля, Танюша, Сережа и детки. Вот, наконец, выбрала свободное время, чтобы написать вам. Хочу сказать, что уже два месяца как не могу дозвониться вам. Это обстоятельство очень меня расстраивает. Мне, когда поговорю с вами, на душе становится намного легче. Я так хочу, чтобы вы обо мне не забывали, потому что я вас очень люблю...» (Письмо

без конверта, без подписи, без адреса.)

А вот, наоборот, один конверт без письма: УССР, г. Львов, Богданович Г. (Письмо из Нью-Йорка.) Еще один конверт без письма — из Мехико в Пятигорск Шабановой. Конверт письма из Техаса в Павловск — «мисс Ольге Горбачевич». Из какого-то города USA — в Самарканд Свете Карамовой...

В иных письмах фотокарточки. Фотокарточки валяются, естественно, отдельно от конвертов и писем. На одной — группа молодых людей, смеются. На другой — мама с дочкой. На третьей — за столом сняты мужчины, женщины, дети... Не счесть фотографий... «Отметила свое 64-летие и жду с нетерпением 65 лет, когда сумею уйти на скромную пенсию, оплачиваемую медицину и не работать. Устала уже порядком, жизнь не баловала меня в России, а также и здесь...»

Заместитель начальника Международного почтамта Сергей Анатольевич Сергеев высказал предположение, что это письма из одного мешка, весом килограммов пятнадцать. Сергей Анатольевич признался, что Международный почтамт сейчас в очень трудном положении, потому что сюда кинулись люди в поисках валюты. Оказывается, прекрасно информированные о тяжелом положении в нашей стране, западные родственники из сострадания вкладывают в конверты валюту: доллары, фунты, марки, кроны, хотя прекрасно знают, что и международные почтовые правила запрещают пересылку денег в конвертах. Золотоискатели рассчитывают на нарушителей устава Всемирного почтового союза. Даже если в одном из пятисот конвертов добытчик найдет бумажку в ничтожные 10 долларов, то его труд будет оплачен: за десять долларов на черном рынке он получит 1000—2000 рублей. Что же говорить о бумажке покрупнее! Ради этого вскрываются все письма. Бывает, что в почтовый мешок не попадает ни одного письма, в котором бы лежал хоть доллар. Но поиск — он интересен самим процессом.

На Международном почтамте началась война против потрошителей конвертов. Если, рассказал Сергей Анатольевич, человека застигнут на месте преступления, его увольняют в тот же миг. Но — вот чудеса! — вскоре приходит устраиваться на работу паренек и сразу простоудушно просится в цех, куда прибывает зарубежная корреспонденция. А не в тот, где отправляют за рубеж. Выяснилось, что обычно уволенный потрошитель скажет своему приятелю о золотом дне и о том, как его поймали за нехорошим делом, а приятель про себя думает: «Эх, дурачок! Тебя поймали, меня не поймут!» А может, один сменяет другого, но «работают» все равно вместе? Сворачивать мешок трудно! В цехе все просматривается, вынести мешок — не вынесешь, он весит пятнадцать килограммов, под пиджак не спрячешь. Остается — вывозить,

когда переправляют мешки из аэропорта Шереметьево-2 на Варшавское шоссе, на Международный почтамт. Один человек не везет. Значит, сговорившись, заехали в Кузьминский лес, распотрошили мешок... Только какой? Каждый мешок пронумерован! Тонкая работа...

Заместитель начальника почтамта оказался Пинкертоном не меньше Миши: по вторичным признакам — обрывкам каких-то почтовых квитанций, расползшихся в воде и глине, — он выдвинул версию, что, видимо, мешок уже побывал на Международном почтамте. Вот почему письма в мешке все не московские: в Львов, Шепетовку, Хмельницкую область, Киев, в Крымскую область. Вырисовалась такая картина: из Шереметьева-2 мешок доставили на почтамт, на почтамте рассортировали — и в аэропорт, откуда летают самолеты внутри страны. И вот тут-то, кажется, в лес и свернули: по дороге в Домодедово? Или просто место глухое?..

Сергей Анатольевич обещал, что проведет местное расследование и немедленно пришлет письменный ответ. Больше того, он пригласил сотрудников отдела социально-бытовых проблем посетить Международный почтамт, на что получил, естественно, согласие. На том группа Миши-Пинкертона закончила свою работу в Кузьминском лесу... Однако Сергей Анатольевич пропал. Ни письма от него не пришло, ни приглашения... Мы свидетельствуем, что Сергей Анатольевич покинул Кузьминский лес целым и невредимым...

Пересылка денег — услуга, в которой люди нуждаются постоянно. Но то ли она дорого стоит, то ли на почте вечная морочка при отправке денег (скорее второе), только люди из года в год упорно стараются переправлять деньги нелегальным способом — минуя кассиршу. Что касается денег из-за границы, то такой услуги вообще не существует. У родственников и друзей, живущих за границей, сердце кровью обливается оттого, что их близкие у нас бедствуют, — помочь они не могут. Советский Союз из спеси не подписал какой-то конвенции о пересылке денег почтой и телеграфом.

Нужно немедленно подписаться под конвенцией о почтовых и телеграфных денежных переводах. Тогда сразу, в один день, прекратится варварская охота за валютой на почте. И в нашу страну потечет валюта разных стран, та самая валюта, по которой плачут реформаторы. Откуда же ей взяться в стране, перекрывшей все каналы поступления валюты и оставившей только самые нечестные?

И, может быть, впервые за много десятилетий алчные люди покинут почту и хлынут на золотые прииски, где гораздо больше шансов разбогатеть и стать счастливым.

Отдел социально-бытовых проблем

РОДНАЯ КРОВЬ

Сколько ей еще литься в квартирных баталиях?

В Бауманском районном суде Москвы закончилось слушание дела о фиктивном обмене жилплощадью.

Формально истцом выступала прокуратура, ответчиком — Александр Астахов-младший.

Фактически же судились два семейства — Сапфировых и Астаховых, две родные сестры — Наталья Ефимовна и Бенита Ефимовна. За квартиру умершей матери.

И не было бы в этой истории ничего примечательного — такие уж времена! — если бы не одна деталь. Почти полтора года Сапфировы самозабвенно боролись за то, чтобы спорная квартира досталась государству.

Когда изначальная сестринская любовь переросла в крутую ненависть — понять трудно. Обе сестры уже не молоды, у каждой своя семья, взрослые дети. Всю жизнь прожили бок о бок, вместе ухаживали за старой матерью, ножей и вилки на общей даче в Малаховке не делили.

Младшая, Наталья Ефимовна, говорит, что «прозрела» только сейчас, и больше не хочет «быть дурочкой в глазах окружающих».

Ее муж, Владимир Николаевич Сапфиров, настроен еще более решительно. Корни конфликта он видит в смертельном противостоянии двух миров, двух идеологий: созидательной, кормящейся от трудов собственных (Сапфировы всю жизнь проработали в строительстве, он — главный механик треста, она — плановик), и «жэковской мафии» (Бенита Ефимовна Астахова — замначальника РЭУ), где все продается и все покупается. Дескать, пришел момент, когда чаша терпения переполнилась и ущемляемое долгие годы безответно чувство собственного достоинства потребовало удовлетворения.

А дело было так.

1 сентября 1990 года почтенная старушка (1905 года рождения) Ольга Вячеславовна Грох тихо скончалась, оставив после себя стандартную 28-метровую двухкомнатную квартиру на улице Чкалова. А 3 сентября, аккурат в день похорон, видимо, вспомнив о неоконченных мирских делах, восстала из гроба, чтобы лично явиться в городское бюро обмена и решить квартирный вопрос в пользу

любимого внука Александра Астахова. По крайней мере, сотрудники бюро утверждают, что старушку видели, в подлинности ее заявления нимало не усомнились и обменные ордера выдали незамедлительно.

В результате обмена Астахов-младший оказался в бабушкиной квартире, а бабушку и прописывать никуда не стали, разрешив вернуться к себе на кладбище.

На этом Астаховы не успокоились и тут же переместили сына из 2-комнатной в 1-комнатную квартиру, совершив еще один обмен с сослуживицей Бениты Ефимовны «из чисто гуманных соображений» (по версии Астаховых) или «чтобы не светиться и далеко не безвозмездно» (по версии Сапфировых). Однако «засветились» — бдительные Сапфировы узнали об обменах и пожаловались прокурору.

Свою позицию Сапфировы мотивировали тем, что ни они, ни Астаховы по существующим в Москве нормам в жилплощади не нуждаются, меняться старушка ни с кем не собиралась, а последние три года вообще страдала старческим слабоумием и отвечать за свои действия не могла — следовательно, спорная квартира должна быть предоставлена очередникам района. Кроме того, Сапфиров требовал привлечь Астахову к уголовной ответственности по факту подделки документов и использования служебного положения в корыстных целях.

Вместо этого два района — Бауманский и Калининский — начали

футболить заявление туда-сюда, надеясь, по-видимому, что Сапфировы успокоятся и помиряются с родственниками, хотя обмен приостановили. Но, решившись идти до конца, Владимир Николаевич неожиданно сделал «ход конем». Он пошел на прием к председателю Калининского исполкома, тогда еще функционировавшего, и рассказал об освободившейся квартире на вверенной тому территории. Председатель очень удивился и сразу же, к восторгу Сапфировых, заселил квартиру действительно нуждающимися очередниками.

А прокурору Бауманского района ничего не оставалось, как передать дело в суд, правда, в гражданском порядке.

Подробности суда пересказывать не буду — они омерзительны. Ругань, искаженные злобой лица. Вволю наслушавшись откровений о том, какие плохие Сапфировы, как они, наверно, и бабушку убили, судья Фомина логично решила, что покойной бабушке остается только посочувствовать, а вот подделывать обменные документы все-таки не разрешается. И обмен отменила. Спустя почти полтора года.

Дальше по сюжету требуется некоторое моральное, то есть, как стыдно, прервав поминки, мчаться в бюро обмена, чтобы быстренько хапнуть квартиру покойницы. Но я его писать не буду. Люди, как известно, гибнут за металл и перевоспитанию после пятидесяти не поддаются.

Что руководило Сапфировыми: обостренное чувство справедливости или лишь сгусток давних обид — тоже не столь важно.

Важно то, что государству в лице райисполкома судьба этой квартиры была глубоко безразлична — оно о квартире знать не знало.

Государству в лице прокуратуры — ну просто «до лампочки», лишняя морока и ничего более. Анемичная, безмолвная представительница прокуратуры исчезла из зала заседаний, даже не выслушав судебного решения, — ей было неинтересно. То ли дело энергичный, напористый адвокат, весьма профессионально отрабатывающий свои деньги.

Единственная надежда, что депутаты когда-нибудь договорятся с правителями и люди станут жить в своих, а не в абстрактно-государственных квартирах, и тогда они перестанут тревожить души усопших родственников и описанное здесь «родственное кровопролитие» окажется последним в истории квартирных абсурдов.

Елена САЛИНА

ТАК И НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ две враждующие между собой группировки подростков.

23 января в 17.00 во дворе дома 45 на Бирюлевской улице собралось 80 подростков. В это же время неизвестный позвонил в 167-е отделение милиции и сказал, что в сторону Бирюлева на «разборки» направляется двести человек. Оказалось, проживающие в 4-м и 5-м микрорайонах столицы подростки решили выяснить между собой отношения. Однако встреча не состоялась — и тех и других разогнала милиция.

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В БЫВШЕМ СОЮЗЕ

Коммунисты, ранее ратовавшие за общенародную собственность, ныне спешно растаскивают ее в личное пользование. Не отстают от бывшей партийной номенклатуры и работники органов внутренних дел. Так, в Санкт-Петербурге три милиционера отдела охраны одного из районов в свободное от службы время и в гражданской одежде, взломав замок двери, проникли в коммерческий магазин, где забрали пять видеоплейеров. Однако им не повезло — грабители были задержаны своими же коллегами по работе.

СТАР ДА УДАЛ

В городе Бор Нижегородской области два молодых парня, вооруженных обрезом охотничьего ружья, ворвались в дом пенсионера. Старик их не испугался, схватил топор и ударил одного из нападавших. Второй сдался сам. И попросил прощения.

ИЩУТ четверых неизвестных

В Бабушкинском районе столицы неизвестные вошли в квартиру учительницы и, пригрозив хозяйке и двум ее гостям, связали их. Потом взяли 140 тысяч рублей, кое-что из одежды и скрылись.

НАКАЗАЛИ ЗА ЛЮБОПЫТСТВО

В 13.00 младший сержант московской милиции проголодался. Доложив об этом дежурному и предупредив своего напарника, сержанта, отпра-

вился в чебуречную. Сержант, чтобы скоротать время, начал разглядывать прохожих. В 14.30 он увидел подозрительного мужчину с большой хозяйственной сумкой. Милиционер мужчину остановил и потребовал показать документы. В ответ тот попросил пройти за угол, где неизвестный и еще несколько находившихся там мужчин неожиданно набросились на сержанта и начали его бить.

Младший сержант, вернувшись с обеда, попал на поле боя. Подбежав к нападавшим, он представился и предъявил им служебное удостоверение. Мужчины, убедившись, что перед ними еще один милиционер, на-

чали бить и его. Лежа на спине, младший сержант достал пистолет и три раза выстрелил.

Неизвестные оружие отобрали и убежали. Милиционеров отвезли в 71-ю городскую больницу.

НЕ ПОВЕЗЛО

директору московской кардолентной фабрики, его заместителю и главному инженеру этой же фабрики.

На прошлой неделе милиция отобрала у них пять телевизоров «Горизонт» и стиральную машину, которые предназначались для рабочих, но были похищены руководителями.

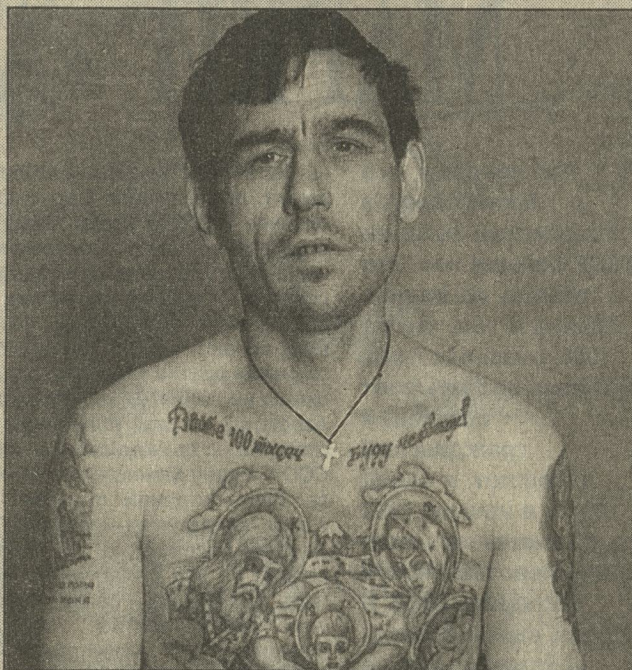

Фото В.Бондаренко

ДЕЛО МОСКОВСКОГО ДЖЕКА-ПОТРОШИТЕЛЯ ПЕРЕДАНО В СУД

Дело Александра Тимофеева (1957 года рождения), получившего у москвичей прозвище «Джек-потрошитель» (см. фото), передано в городской суд. Напомним, он обвинялся в том, что в июле — августе 1990 года совершил убийство, сопряженное с изнасилованием и ограблением двух женщин; а также ограбил и убил еще девять женщин...

Следствие продолжалось почти полтора года. По словам Тимофеева, времени он зря не терял: писал стихи и подготовил книгу «Распутница» — о жизни в зонах, о «порядках, которые калечат, а не исправляют людей». Писал он о том, что хорошо знает — ранее Тимофеев уже имел семь судимостей за разные преступления и в местах заключения провел почти 15 лет.

Вячеслав БАСКОВ

Министерство давало дуба трудно. Сначала от этого славного ведомства отпал нос: «СССР». Оставшись на некоторое время министерством неведомо чего, это ведомство потеряло хвост: «Министерство». И лишь после этого в полном составе грудинка влилась в состав вновь образованного Министерства транспорта РСФСР в качестве Департамента воздушного транспорта России.

Но Министерство гражданской авиации СССР не погибло. Оно, слов-

не согласилась с самой постановкой вопроса: с какой стати авиаотряды должны выкупать имущество у Министерства гражданской авиации СССР? Министерство аэродромов и аэропортов не строило, это обычный бюрократический орган (см. «Столица» № 8, 1991 год — «Небо в алмазах»). Но голос журнала не был услышан. Уходящий в тихую отставку министр поручил своим подчиненным дать ответ «Столице», но и подчиненные подыскивали себе новые места — ответ пришел формальный...

НОВЫЙ УТЮГ МАРКИ «АЭРОФЛОТ»

Нас уверяют, что
Министерства
гражданской авиации
СССР больше нет. Это
правда, но не вся.

Правда в том, что из
7000 стальных птиц,
которые насчитывает
советский
гражданский
аэрофлот, в конце
1991 и в начале 1992
года лежали на земле
из-за невозможности
воспарить 2800. В
стране, самой богатой
нефтью, на них не
хватило горючего.

Десятки аэропортов
превратились тогда в
таборы на несколько
дней и ночей... То
были дни и ночи
гибели Министерства
гражданской авиации
СССР.

но бы ничего вокруг не произошло, дышит, зрит и бдит. Оно оказалось прочнее СССР и даже, может быть, стали. Дело в том, что никакие потери, лишения и урезания не коснулись Аэрофлота — некоей для многих людей абстрактной авиафирмы, не имеющей, однако, ничего общего с авиафирмами других стран. Ни одна авиафирма не является министерством. А Аэрофлот — это псевдоним Министерства гражданской авиации СССР. Адрес Министерства — Москва, Ленинградский проспект, д. 37. Адрес Аэрофлота — Москва, Ленинградский проспект, д. 37. Теперь Аэрофлот — это Департамент воздушного транспорта России, который и есть Министерство гражданской авиации СССР. Департамент — второй псевдоним Министерства.

«Департамент» — красивое слово. Акакий Акакиевич Башмачкин служил в департаменте. И во Франции есть департаменты — что-то вроде американских штатов или наших областей. Красивая смутность нового названия старого Министерства гражданской авиации СССР несколько не повлияла на поведение Министерства гражданской авиации СССР, ставшего Департаментом воздушного транспорта России. Как и прежде, авиаотряды, разбросанные по Советскому Союзу, получить самостоятельности не могут. Министерство не отпускало их под тем предлогом, что они, видите ли, должны прежде выкупить свое оборудование: аэродромы, аэропорты, самолеты, аппаратуру... «Столица» решительно

Теперь авиаотряды не отпускает из-под своего крыла Департамент, который делает вид, что он не Министерство, а нечто совсем новое. В пресс-новостях под «шапкой» Аэрофлота говорится, что Департамент «в силу необходимости пока оставляет за собой хозяйственные функции, которые будут постепенно делегироваться на места». Но ту же самую «постепенность» без указания конечного срока обещало и Министерство гражданской авиации СССР!

О похоронах Министерства в пресс-новостях говорится так: «Департамент принимает от упраздненного союзного Министерства гражданской авиации (МГА) устаревший парк воздушных судов, отслужившее свой век наземное оборудование». Если это правда, то какой-то такой выкуп требовало от авиаотрядов МГА СССР? И что за сложная «хозяйственная деятельность» ждет Департамент при эдакой рухляди? И наконец, разве Министерство не упразднено, а еще только упраздняется?

Пресс-выпуск напечатан уже после роспуска СССР...

Но набор вопросов — лишь, так сказать, теоретическая часть этих заметок. На очередной пресс-конференции для иностранных и советских журналистов впервые вышли на публику руководители Департамента. Не все они прежде давали интервью от имени Министерства, но почти все.

Возглавляет Департамент директор Александр Александрович Ла-

рин. На пресс-конференции Александр Александрович произнес речь. Слово «перспектива» он выговаривает так: «переспектива». Начиная предложение, он строит его так: «Что касается о билетах...», «Что касается о топливе...» и так далее. Страну Якутию он называет ранее в Москве неслыханно как-то: «Якутия»...

Перед корреспондентами был новый руководитель немножко старого образца. Руководитель нового учреждения с немножко старыми функциями. Новое у него только название. Которое, впрочем, не новее гоголевской «Шинели». Перед нами был человек, который, вероятно, еще недавно помыслить не мог, что станет выступать на пресс-конференциях. И тут его вызывают, предлагают возглавить департамент, может быть, даже, переводят в Москву, дают квартиру... Схема старая, старая, гнетущая, как само Министерство гражданской авиации СССР с его затхлыми длинными коридорами и полуголодными сотрудниками в полуголодной форме, для которых работа в Министерстве — и взлет, и позор перед товарищами, оставшимися летать...

Это министерское болото потрясли события, потрясшие и весь мир: вымуштрованные, запуганные, полуголодные сотрудники гражданской авиации объявили забастовки. Но пассажиры, ради которых шли на бой против Министерства диспетчеры, пилоты, стюардессы, не поддержали своих воздушных перевозчиков. И Министерство задавило забастовки. Оно, единственное оставшееся после СССР, обладает этой уютной весомостью. В нем сохранилось что-то очень сталинское, махиновое, не пропускающее свежего воздуха, как не пропускают его коридоры университета на Ленинских горах. И осталось еще сталинское лилолюбие. Когда Ельцин летал в Рим, тысячи самолетов стояли на земле из-за отсутствия горючего. А ельцинский самолет из Рима быстренько слетал в Ирландию, там ему на бок нанесли российскую символику вместо символики СССР, и уже домой, в Москву, Ельцин летел на самолете с российской символикой на борту. Это первый и единственный в гражданской авиации самолет обновленного. Что в нем обновленного? Даже начинка в нем старая.

Мы видим обновление там, где его нет и в помине. Потому что нам самим хочется новизны, она стала нашей потребностью... На той пресс-конференции «Столица» задала вопрос директору Департамента. Почему когда наш самолет летит за границу, то пассажиры на чужое летное поле выйдут по мере того, как собрали вещи, а

Рисовал А.Заяц

когда тот же самолет прилетает в «Шереметьево-2», то стюардессы не разрешают никому выходить из самолета до тех пор, пока не выйдут пассажиры первого класса?

Светло улыбаясь, Александр Александрович Ларин прежде всего отметил дельность вопроса, заверил, что никаких подобных инструкций у стюардесс нет. Повторил, что стюардессы занимаются самоуправством. Но вдруг с директором Департамента оказался резко не согласен Анатолий Николаевич Брылов, заместитель исполнительного директора производственно-коммерческого объединения «Аэрофлот — советские авиалинии». (Не спрашивайте, что это за организация, кто ее создал, — о ней объявили, и точка.) Так вот, этот самый Анатолий Николаевич Брылов вдруг вмешался и заявил в микрофон, на весь зал и, учитывая состав собравшихся, — на весь мир, что стюардессы поступают правильно! Пассажиры первого класса заплатили больше денег, поэтому их надо пропускать в самолет первыми и выпус-

кать из самолета вперед всех! Свои средневековые представления о комфорте Анатолий Николаевич Брылов сеял без умолку: не подыкивая слов и не стараясь выглядеть любезным.

После пресс-конференции Александр Александрович Ларин извинился перед корреспондентом «Столицы» за своего коллегу по Департаменту: тот, дескать, из старой гвардии. Но и сам Департамент оттуда же, из средневековья. Вот, например, что сулит это ведомство иностранцам, зазывая их сегодня в Москву: Центральный музей В.И.Ленина, музей К.Маркса и Ф.Энгельса, Центральный музей Революции СССР, историко-революционный музей «Красная Пресня», музей М.И.Калинина, музей В.И.Ленина в квартире А.И.Ульяновой-Елизаровой...

Уже самолеты по небу летают, а страна никак не избавится от Министерства гражданской авиации СССР.

Николай МАЛИНИН

Как всякий нормальный мальчишка, я был в детстве романтиком-милитаристом. И хотелось мне, чтоб флибустьеры, бригантины, абордаж, и любить усталые глаза — пока качаются светила над снастями... А еще — чтоб крепости, подземные ходы, клады, башни и чтоб смола лилась на головы подлых эндурцев...

Но поскольку Москва не оставила мне ни одной крепости (одна была, но там играли в другие игры), я постоянно пребывал под очарованием несуществующего: Суарева башня, Красные ворота, Китайс-

кая стена. Пусть не Великая — Московская!

...Ее заложили 20 мая 1535 года. Елена Глинская отсыпала горсть казенных денег, митрополит дал отдельно, собрали с бояр, бедняки потели на строительстве. Генуззец Петрок Малый Фрязин кончил работу, как обещал, в три года.

Вышла стена толстобочкой, в шесть метров — начиналась эпоха артиллерии! Для подошвенного боя внизу были выложены большие арки, для верхнего боя — боевой ход, а еще навесные бойницы — это если враг прорвется к самым стенам. А если начнет рыть подкоп — то загремят в подземных тайниках медные листы!

Вот только поработать стене так и не пришлось. Единственный раз ее брали с боем, да и то свои. Выбивали из города поляков. Недолго те сопротивлялись: дома, как известно, и стена помогает...

Когда же исчезла и шведская угроза — стену вмиг облепили цирюльни всякие да харчевни. Тогда покусилась на нее Екатерина II: хотела устроить на месте стены «булевард», ровно в Париже. Но не успела. А все мамаше в пику делавший сын взял да и объявил стену национальным достоянием!

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ КИТАЙ-ГОРОД?

Вариант Эдуарда БАРСУКОВА

**Владимирская
башня
и проломные
ворота**

**Фото из коллекции
Владимира
Дрибинского**

После француза стена похудела, обзавелась декоративными шатрами на манер кремлевских. Стали проламывать ворота, мост перед Воскресенскими — засыпали. Потом, уже в нашем веке, пожертвовали еще одним куском стены — архитектор Каминский построил Третьяковский проезд. Башни — в порядке демилитаризации — обращаются в конюшни, глухая, что на Воскресенской площади, — в музей птицеводства, Ильинская — в часовню Гефсиманского скита, во Владимирскую переезжает архив.

Иосиф Уткин резюмировал:

*Ну, так дай скорее руки!
Видишь: жизнью снесена,
Сметена стена разлуки,
Как Китайская стена.*

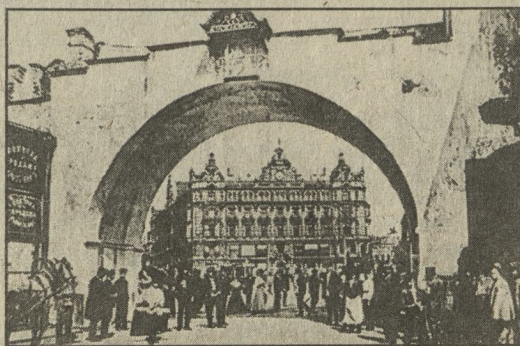
Нет, я даже где-то понимаю этих уткиных: ломать песочные крепости всегда было интереснее, чем строить. Но так бессовестно впасть в детство, так хамски подкапываться под городские традиции! Москва, привыкшая огораживаться за-

отстроить, и храм Христа!), я понял, что имею право подставить недостающие куски. То есть где-то что-то восстановить, а где-то просто открыть подземную часть.

Отталкивался же я от убогого вида Воскресенской (Революции) площади. Ведь Бове когда-то отделал все фасады по ней и по соседней Театральной в едином классическом стиле — сегодня от бывшего ансамбля остался лишь Малый театр. А это был действительно архитектурный театр! Стена же мыслилась как занавес. А что получилось? Занавес подня-

Круглая
уговая
башня на
Москворецкой
набережной

Лубянка
сквозь арку
Владимирских
ворот

Стены почти не было видно! Кроме лавок, на ней выросли целые огороды, а крыши окрестных домов укладывали прямо на ходовую часть! Игорь Грабарь сокрушался: «Этот редчайший по красоте памятник крепостного зодчества, которым по праву гордилась бы любая столица Европы, если бы он уцелел там до наших дней, находится в течение последнего столетия в полном небрежении».

Вот почему Маяковский увидел «китайской стены покосившийся гриб»!

Комиссия по охранению стены Китай-города проработала девять лет, но все без толку. «И лишь при Советской власти, — писал Виктор Никольский, — явилась возможность осуществить давнюю мечту московских археологов: уничтожить облеплявшие китай-городскую стену снаружи и внутри лавочки...»

Однако, видно, была какая-то тайная связь между частнособственнической торговлей и стеной... Может, не только последняя первую поддерживала, но и наоборот?

Короче, в мае 1928-го тот же Грабарь смеялся над таким бредом: «...предлагали же некоторые любители ломок и вовсе сломать китай-городскую стену, и только решительный отпор, встреченный ими в Совете Народных Комиссаров...»

Но бред быстро стал доктриной... Как приговоренного перед казнью бредят, умышляют и одевают в чистое, стену любовно отреставрировали в двадцатые. А в 1934-м стали ломать. Ломали долго, стена защищалась, как могла, доломали лишь к 1951-му, когда стали строить в Зарядье восьмое высотное здание...

борами и брандмауэрами, замыкаться дворами, опоясываться бульварами, закручиваться переулками, уютно, как кошка, свертываться в клубок, — стала под безжалостными уколами красноречивых энтомологов распрямляться, разворачиваться, судорожно дергаясь, раскрывать сокровенное нутро, короче, умирать!

Но — вся не умерла. В заветном звуке замерли два кусочка стены — в Китайском проезде и за «Метрополем». И в смутной надежде жили все эти годы. Пока прошлым летом у меня не появился собрат по ностальгии, а у стены — проект восстановления. Его автор — молодой архитектор Эдуард Барсуков.

— Стеной я загорелся давно, курсе на втором, и поначалу думал восстановить всю стену! Потом, конечно, когда стал делать диплом, рассудил трезво: это слишком дорого. И тем не менее.

В городе катастрофически нарушена градостроительная структура. Требуется доминанта. Новая ли, старая ли — не требуется. Лучше, конечно, старая. Это во-первых.

Во-вторых, взять за доминанту стену возможно потому, что образ ее жив еще в памяти людей.

А в-третьих, и это самое главное, — стена существует! Не в полный рост, правда, но существует! Вот насыпь перед бывшим ЦК КПСС — это же не что иное, как обреченная и присыпанная стена.

Поэтому, относясь как профессионал с сомнением к «новоделу» (хотя для души, конечно, хотелось бы и Сухареву башню

ли, опустить забыли — и торчат наружу брошенные декорации и пыльные купилы. Ведь никто не рассчитывал, что фасады этих домов будут «читаться» с площади, потому они утилитарны и тусклы. И своим безобразием «убивают» сегодня Заиконоспасский монастырь!

Дальше, Лубянка. Здесь мы расширяем подземный вестибюль метро, включая в него сохранившиеся части стены, и насыщаем пространство торговлей, рекламой, общепитом плюс экспозиция об истории стены.

Спускаемся к Старой площади. Здесь когда-то была самая красивая башня — Многогранная. Ее я думаю восстановить целиком, пусть это и будет «новодел». И разместить в ней музей истории Москвы, который показывает сегодня лишь пять (!) процентов своих богатств!

Наконец, Китайский проезд. Здесь единственное место, где можно восстановить стену в полный рост. И строить-то при этом ничего не надо! Отрываем засыпанную часть, оставляя при этом существующий уровень земли: получается такое оригинальное пространство, куда поступает солнечный свет, но при этом все равно похоже на подземелье!

Это, конечно, только эскиз-идея, мы ничего не считали, но насколько органичная получается композиция — согласитесь?

О, конечно, я согласен. Тем более, что напоследок Эдуард рассказал мне такое поверье: пока стоит Китайская стена — стоит Россия. Сегодня стена порушена — и Россия лежит в руинах. Восстановим стену — может, и Россия поднимется?

То, что раньше футболист мог прокормить семью и быть не самым бедным человеком в обществе, знали многие. Ныне это бремя взвалили на себя женщины-футболистки. Профессия футбольной «звезды» привлекает и манит гонорами, зарубежными поездками многих представительниц прекрасной половины человечества. Ради этого они забывают о всех тяготах, связанных с тренировками, переездами, травмами и прочей «сопроводительной» большого спорта.

Неудачницы в других, «классических» видах спорта, охотно бросаются играть на «чисто мужском поле» — футбольном.

Событием такого рода стал первый Кубок Содружества по мини-футболу среди женских команд. Шесть клубов разыграли призы и награды турнира, прошедшего в январе на Малой спортивной арене в Лужниках.

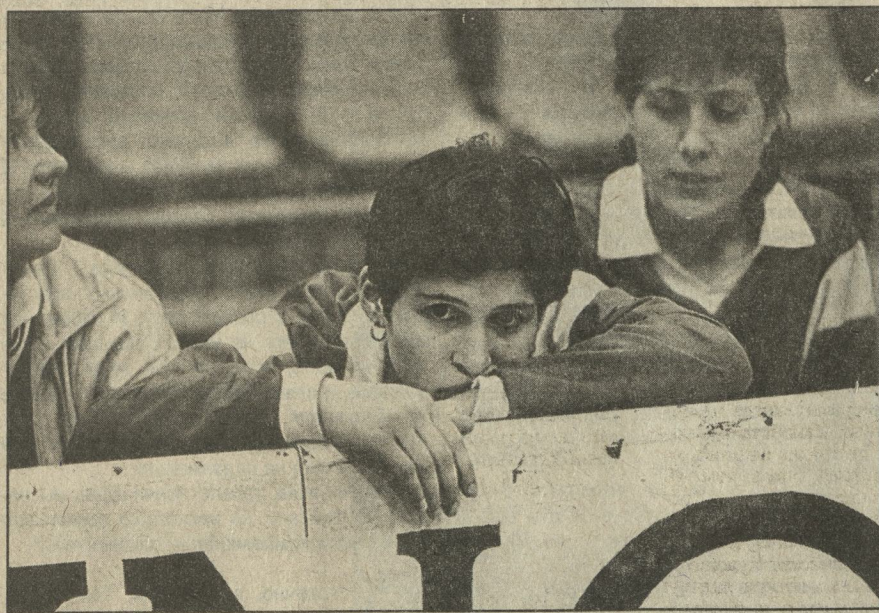
В финальном матче встретились московские команды «Русь» и «Спартак-13». Несчастливое число в женском варианте обернулось удачным для «спартаковок». Красиво и убедительно со счетом 3:1 они обыграли одну из самых сильных и самых высокооплачиваемых команд страны.

Обыкновенный «Спартак» из столицы занял третье место, а вслед за ним расположились СКИФ (Московская область), киевский «Олимп». Могилевская «Надежда», увы, оказалась последней.

Анатолий БАЗУНОВ

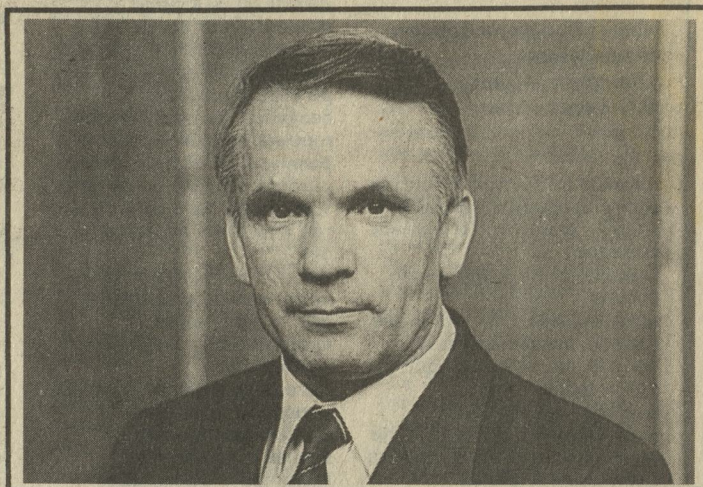

В ФУТБОЛЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

Валерий ЛЕВИТИН (фото)

Президент
АО "Российская
художественно-
промышленная
биржа"
ОЛЕГ БУТАХИН:

“...ВРЕМЯ ВОЗРОЖДАТЬ ИСТИННОЕ ИСКУССТВО”

— Рыночные отношения и искусство? Помнится, еще не так давно по этому поводу кипели страстные дискуссии. Маститые авторитеты с пафосом осуждали пресловутую “коммерциализацию”, ругали тех, кто пытался сделать первые шаги к созданию такого статуса художника, который существует на Западе...

— ...И в это же время “дикий рынок” повсюду хозяйничал в нашем якобы высокоидейном искусстве. Предприниматели новой волны, быстро смекнув, какие несметные сокровища не имеют, в буквальном смысле слова, хозяина, бросились торговать ими. Не отставал от них и неорганизованный бизнес. На Арбат, в Измайлово хлынули картины, произведения мастеров народных промыслов. Благо, были бы это подлинники. Халтура “а ля Палех”, “а ля Гжель” начала теснить подлинные ценности, что иначе как катастрофа и не назовешь. Сами же художники оказались просто в бедственном положении. По информации бывшего теперь Союза художников СССР, в 1990 году только одна треть членов Союза могла рассчитывать на удовлетворение своих потребностей в красках, кистях, холстах. Что же делать остальным? А простым художникам-любителям? Настоящая трагедия — положение в нашей художественной промышленности. Оборудование на многих производствах безнадежно устарело, технологии — экологически вредны. Сокращается выпуск реставрационного кирпича, черепицы, холстов, красителей. Да, все мы прекрасно понимаем, что в том трудном экономическом положении, в котором мы оказались, в государственном бюджете просто нет денег на решение этих проблем. Однако отсутствие денег не означает, что их нельзя заработать. А затем вложить в искусство. История России богата примерами, когда предприниматели, купцы, представители знатных семейств становились меценатами. Не будь этого, мы бы не имели многого из того, чем сегодня гордимся. И организованная более чем 40 учредителями — среди них Союз художников России, Российская академия художеств, Российский творческий союз работников культуры, Российский фонд народного творчества, а также Мосбизнесбанк, банк “Нижегородец” — Российская художественно-промышленная биржа призвана решать аналогичную задачу: зарабатывать деньги и вкладывать их в возрождение настоящего искусства.

— Как будет функционировать биржа?

— У нее будет два основных направления, две главные задачи. Первое направление и первая задача — стать эталонной организацией в отборе и оценке произведений искусства. Организуя выставки-продажи, аукционы, торги, мы будем стремиться предла-

гать покупателям, как отечественным, так и зарубежным, только то, что представляет подлинную ценность. И говорю я это не ради красного словца. Вместе с нами на бирже будут известные люди: художники, эксперты, деятели искусства. Именно поэтому мы не опасаемся конкуренции со стороны аналогичных, но менее мощных по структуре и потенциалу организаций. Планируется, что биржа станет посредником между нашими и зарубежными фирмами в проведении выставок, аукционов, да и просто культурных обменов. Кстати замечу, что громадный интерес к нашей бирже проявили уже в Италии, США, Израиле. Вскоре предстоит встреча с заинтересованными организациями из Франции. Итальянцы, например, предлагают конкретное мероприятие провести: устроить в Италии выставку их художников из собраний Эрмитажа и музея имени А.С.Пушкина.

Второе направление и вторая задача — чисто биржевая. На основе имеющихся у наших учредителей банков данных Российская художественно-промышленная биржа должна будет стать координирующим центром для предприятий. Нам есть что предложить. Отмечу хотя бы широкий перечень строительных материалов, который ничуть не уступает тому, что предлагают другие биржи.

— Какова стоимость брокерского места и когда намечаются первые торги?

— 250 тысяч рублей для наших предпринимателей и 30 тысяч долларов — для зарубежных. Первые биржевые торги хотим провести в марте. Выставку-продажу или аукцион — скорее всего в апреле.

АО “Российская художественно-промышленная биржа” готово рассмотреть любые взаимовыгодные предложения. Мы рассчитываем на поддержку деятелей культуры, руководителей промышленных предприятий, предпринимателей, российских законодателей. ...Время возрождать истинное искусство.

117049, Москва,
Крымский вал, 10/14,
Центральный дом художника.
АО “Российская
художественно-промышленная
биржа”

Телефоны: 290-39-22, 290-19-23.
Факс: 291-14-34.

ШЕКСПИР В ДУРДОМЕ

«Опыт бреда любовного очарования»
«Ленфильм», реж.
В.Огородников

...У меня не хватило мужества уйти с просмотра, потому и пишу — все штатные критики сбежали.

Сумасшедший дом — место весьма и весьма оригинальное, хотя и ставшее гораздо привычнее глазу с тех пор, как вошло в моду у режиссеров. Тема-то благодатная, материал выигрышный, одна беда — ни то ни другое не могут сами по себе сделать фильм высоким искусством. «Опыт бреда любовного очарования» — блестящее подтверждение того, что не бывает кино передового и консервативного, а бывает хорошее и плохое. К первому фильм Огородникова, увы, не относится.

Впрочем, есть в нем и нечто прекрасное — монологи из «Ромео и Джульетты», которые, увы, нельзя однозначно отнести к режиссерским достоинствам. Не смотрите этот фильм, в нашей жизни и так много разочарований.

Эдуард ДОРОЖКИН

БОЛЬШОЙ ОТКАЗ

«Атласный башмачок»,
Открытый Театр, реж.
В.Космачевский

Нет, это не бедность, а принципиальный отказ. Большой режиссерский отказ от всего, что могло бы отвлекать, помешать актеру, тексту, зрительской сосредоточенности. Только гирлянды зеркал на черном бархате за крошечной сценой-эстрадой.

Что-то странное происходит на этом спектакле: сидишь

почти пять часов (три действия) не в силах оторваться от сцены, где несколько актеров в черном разыгрывают драму, слившую до неразделимости безумное, фантастическое горение любовной страсти и религиозный экстаз. Любовь, которая послана Богом для того, чтобы быть вечной, но так и не стать плотской. И она же — страсть, наваждение, иступленное стремление друг к другу через предательство, лицемерие и жестокость.

Актеры произносят огромные монологи, не пытаясь заслониться привычной возней с предметами. Напротив — происходит удивительная «материализация» текста. Как будто мощная поэтическая строка Клоделя сгущается до осязаемости и ударяет зрителя волнами. Актеры не обаятельны (может, в этом заключается еще один режиссерский отказ?), но в них есть власть, которая держит тебя, словно на веревке. В них — завораживающее пламя, восторг причастности к великому и для сегодняшнего дня почти героический отказ спуститься, чтобы стать узнаваемыми: пусть, мол, каждый сможет примерить великую любовь на себя. Нет, здесь — космос без времени и места.

Пожалуй, Володя Космачевский перепрыгнул через себя. Вернее, переступил через какой-то порог, отбросил шуткарство, которым так весело и талантливо забавлялся в прежних своих спектаклях, сделанных для «Мастерских». Теперь перед нами новый режиссер, и чего от него ждать — неизвестно. Это прекрасно.

P.S. СТАД перестал субсидировать «Театральные мастерские», и все их завоевавшие известность команды тонут. Спасите!

Дина ГОДЕР

...А ПАПУ ОСТАВЬ «Сбрось маму с поезда» США, реж. Д.Д.Вито

Свершилось! Наконец из Америки стали поступать не третьесортные, а вполне конвертируемые ленты. Значащиеся во всех справочниках и даже входящие в списки кассовых чемпионов.

История, рассказанная и сыгранная Дени Де Вито, смешная и занимательная. На первое обстоятельство радостно реагируют так называемые «простые зрители», с удовольствием несущие полторарублевки в кассу, с удовольствием веселящиеся в зале, с удовольствием аплодирующие (сам слышал!). Второму утверждению обязаны обрадоваться собратья-киноведы. Дело в том, что «Сбрось маму с поезда» — комический параврафраз на тему ленты Хичкока «Незнакомцы в поезде». Причем об этом даже не надо догадываться — все сказано открытым текстом.

Вот вам, кстати, и рецепт изготовления коммерческого фильма, способного угодить и интеллектуалам. Дерзайте, господа отечественные кинематографисты! К вашим услугам и «Чалаев», и «Волга-Волга». А «Трактористы» уже заняты — известные параллельщики Алейниковы изготавливают римейк. Во кинуха будет!

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

РАЗМЕРЫ ПОДЛИННИКОВ

И.Бродский
«Стихотворения»
Таллинн
«Иосиф Бродский
размером подлинника»
Ленинград, Таллинн

Бродский ни с кем из ныне живущих поэтов через запятую уже давно не пишется, и не только оттого, что он Нобелевский лауреат. Поэтому мимолетная

ИОСИФ БРОДСКИЙ СТИХОТВОРЕНИЯ

Eesti Raamat

рецензия на первую из книг выглядела бы непростительной наивностью. В сборник, присланный в Россию теперь уже как бы «ниоткуда с любовью», помимо Нобелевской лекции вошли стихи, которые десяток лет назад студентки-филологини любовно перепечатывали из самиздатского «Ардиса», маркируя их аббревиатурами КПЭ и ЧР. Для тех, кто понимает, слова «Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи» не требуют ни пояснений, ни дополнительной рекламы. Вторая книга, не избежавшая, правда, патетики «юбилейного издания», выглядит развернутым примечанием к первой. Этим она и примечательна: к сожалению, неравноценная проза Бродского, неравноценные же воспоминания и исследования его творчества не стали в ней органичным целым. Скорее, получились некие «Материалы конференции по созданию новой мифологемы», из которых сильно выпадают два равноценных и очень любопытных интервью с самим поэтом и его другом, А.Найманом. Однако я не брошу камень в творческую группу ЛО СП СССР и Таллиннский центр МШК МАДПР, что бы вся эта поп-механика букв и слов ни означала. Потому что подверстаться под размер подлинника — задача заведомо невыполнимая и для них, и для меня.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Дневник И.

ВПРИГЛЯДКУ

Выставка Д.Штеренберга ЦДХ

На Крымском прошла еще одна прекрасная выставка, возвращающая нам забытые и полузабытые имена художников, которые представляют так называемое советское искусство. На сей раз Давида Штеренберга, «русского советского живописца и графика», что означает лишь то, что художник родился и начал работать в России до революции и продолжал творить на родине после оной. Впрочем, Штеренберг продемонстрировал, пожалуй, образцовый вариант судьбы творца серебряного века, плавно переходящего в пятилеток громадьей: он учился в Вене и Париже, потом года два заведовал отделом изобразительного искусства в Наркомпросе, слава Богу, 37-й миловал. Но без разностных рецензий, проработок и долгих лет замалчивания не обошлось, потому что (проецирую энциклопедию): «Как активный сторонник западных модернистских течений, Ш. односторонне подходил к задачам переосмысления художеств. наследия в условиях новой революционной действительности». Тем и дорог сегодня, за то и любим. Не потому ли в натюрмортах, которых он написал множество, после революции поблекли краски и предметов стало как-то меньше, особенно цветов и продуктов. Обеднел штеренберговский натюрморт, если, конечно, не принимать во внимание «Корзину с фруктами» 40-го года, возле которой слюнки

текут и смех разбирает от соцреалистического бантика на ручке корзины. Хотя, может быть, это все мой специфический голодно-политизированный взгляд? В общем, зря не ходили зрители в ЦДХ — и выставка была хороша, неплохи и те продукты питания, с которых писались работы. Пиршество для глаз. Хоть так — вприглядку, потому что на вынос — тонкий каталог стоил — ого-го! — целых 40 рублей.

Марина КАМИНАРСКАЯ

К ВОПРОСУ О ЧУДЕСНЫХ ОБЫКНОВЕНИЯХ

Журнал «Театр», № 11, 1991

Всякий раз, когда время удивительного нашего Отечества с отъявленным постоянством «выходит из пазов», в образовавшуюся прореху сыпятся библиографические чудеса. Будущему библиофилу: роаясь в нашем окаменевшем сами знаете чем, найдите

что-либо в руинах «текущего процесса», плюнули на это дело и, подмигнув Пушкину, начали обращаться в невиданные альманахи. Вот как этот номер «Театра», целиком посвященный обэриутам, портреты которых Вы, господин библиофил, так удачно развесили над Вашей кроватью вместо забытых в Ваше время «The Beatles». Вкратце о номере, по возможности избегая напускать туману, которого там предостаточно. Во-первых, из этой попытки антологии ясно, что ОБЭРИУ — последний, уже на излете, мощный миф послереволюционных литературных джунглей, последняя капелька золота, выпавшая из этой алхимической реторты. А во-вторых, понятно, что «обэриутский бум» последних двух-трех лет не надо переоценивать (или недооценивать): обыкновенное чудо не стало чудесным обыкновением. Подумаешь, по полторы сотни зрителей два раза в месяц стало набираться в театре «Эрмитаж» на «Вечер в сумасшедшем доме». Дело в ином: просто теперь нет-нет, а что-то —

БЕЛЫЕ НЕ СДАЮТСЯ

«Белая гвардия» МХАТ им. Горького, реж. Т.Доронина

Будет ли переименован МХАТ им. Горького в МХАТ им. Булгакова, пока неизвестно, но уже очевидно, что любовь режиссера Дорониной к драматургу Булгакову приобретает катастрофический характер. За «Зойкиной квартирой» и «Полоумным Журденном» последовала «Белая гвардия». Спектакль получился очень идейным, скорее, в духе Красной гвардии. Персонажи суеверно сплевывают при ежеминутных упоминаниях Троцкого, а при слове «Россия» вскакивают, вздернув подбородки и придавая глазам трагическое выражение. Помпезно-траурные пролог и финал, какими раньше снабжались постановки о погибших, но не сдавшихся партизанах, довершают торжественную картину. Те, кто сомневается во всемогуществе театра, с удивлением обнаружат, что Булгаков написал бездарную мелодраму с государственно-патристическими элементами. Впрочем, Михаил Афанасьевич тут ни при чем. Безымянный(ая) инсценировщик(ца), выкраивая нечто среднее между романом и пьесой «Дни Турбиных», по-видимому, часто заглядывал(а) в лежащую рядом газету «День», черпая недостающие реплики оттуда. От старого МХАТа, верность которому призвана засвидетельствовать расположенная в фойе выставка «От «Дней Турбиных» к «Белой гвардии», остались только кремовые шторы. Молодые актеры предоставлены сами себе, и персонажи их оказались крайне неестественными и несимпатичными. Что подлаешь, чаще всего именно так и бывает: хочется создать парадный портрет, сочинить реквием, а получается карикатура.

ДАНИИЛ ХАРМС

ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ

ОБЛОЖКА И РИСУНИ
ХУДОЖНИКА В. ТАТЛИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ноябрьский номер журнала «Театр», презентация которого (единственный, вручную сброшюрованный экземпляр — а ну-ка, отыщи!) прошла в декабре, а тираж возник (и немедленно канул) в конце января. Найдите и вспомните о том кратком и славном периоде, когда наши «толстые» журналы по искусству, не в силах со свойственной им высоты птичьего полета разглядеть

раз! два! три! — да и происходит. Вот, опять же, февральская рецензия на ноябрьский номер журнала, презентация которого...

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

Дневник И.

ПУГАЕТ, А НЕ СТРАШНО

«Логово белого червя»,
США, реж. Кен Рассел

Ужасы, как любят писать в
объявлениях
видеосалонов.
Женщины-змеи,

соблазняющие и кусающие
свои жертвы. Гигантский
белый червь — он же
Сатана, в свое время
искушавший Еву, а ныне
живущий в подzemелье
старого замка. Чуть-чуть
эротика, чуть-чуть
экзотики и имя Кена
Рассела — режиссера,
работающего в
пограничной зоне
Искусства и Коммерции.
Для настоящих ужасов —
вяловато, для пародии —
чересчур серьезно. Одним
словом, он пугает, а мне не
страшно.

СМОТРИТЕ С ДЕТЬМИ

«Последний звездный
воин»,
США, реж. Ник Кастл

Так называемая
компьютерная
фантастика. Конечно, не
«Звездные войны», но
история парнишки —
чемпиона по
компьютерным играм из
небольшого городка,

которого
межгалактическая
цивилизация призвала
под свои знамена,
смотрится с интересом.
Особенно детьми и
подростками. Особенно,
если учесть, что «бывшая»
студия детских и
юношеских фильмов
имени М.Горького сейчас
практически полностью
переключилась на ленты о
лесбиянках и
мафиозниках. А тут и
чудища, и любовь, и война
в космосе, но такие, какие
можно смотреть без
опаски с вашим ребенком.

ЕСЛИ МУЖ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ...

«В постели с врагом»,
США, реж. Джозеф Рубен

Крутая мелодрама,
полностью опровергающая
идею предыдущего
фильма. Ибо муж главной
героини (ее играет Джулия
Робертс), несмотря на
внешнюю
респектабельность,
оказывается таким
садистом и мерзавцем, а
главное педантом
(представляет:
заставляет ее
развешивать полотенца
строго по одной линии и
расставлять банки в
кухонном шкафу строго
этикетками наружу). Что
же остается бедняжке,
разве только
инсценировать
собственную гибель и

Фильмы представляет **Петр СМИРНОВ**

бежать на край света в
маленький уютный
городок, где можно жить
исключительно в свое
удовольствие и даже
иногда не мыть посуду. А
когда мерзавец-муж
объявляется здесь,
чтобы разрушить тихое
счастье беглянки, она, как
и положено героине
американского кино,
хватается за пистолет. И
наступает хеппи-энд:
муж-педант валяется на
полу с пулями в груди, а
новый спутник жизни
героини теперь, конечно
же, поостережется
чрезмерно загружать ее
домашней работой.

И СОФИ ЛОРЕН ВПРИДАЧУ

«Эль Сид»,
США, реж. Энтони Манн

«Шпаги звон, как звон
бокалов, с детства нам
ласкает слух» — пел,
помнится, Андрей
Миронов. А здесь не
шпаги, а мечи, и ласкают
они не только слух, но и
взгляд. Ибо перед нами
настоящее Зрелище,
настоящая
костюмно-историческая
драма с прекрасными
дамами, отважными
рыцарями,
захватывающими
поединками и блестящим
дуэтом нестарющей
Софи Лорен и
мужественного Чарльтона
Хестона.

В СЕМЬЕ ЛУЧШЕ!

«Дьяволица»,
США, реж. Сюзан
Сейдеман

Комедия, наглядно
иллюстрирующая старую,
но по-прежнему верную
истину о том, что «седина
в бороду, а бес в ребро»
до добра не доводят.
Великолепна Мерил
Стрип в роли
соблазнительницы —
модной дамской
писательницы, на которую

обрушивается месть
«дьяволицы» — жены
главного героя. После
просмотра еще раз
убеждаешься в том, что
любовь — хорошо, а семья
— лучше. Или, по крайней
мере, безопаснее. И не
только на предмет
заражения СПИДом.

Мария СЕДЫХ

У входа в «Славянский базар»

Рисовал А. Заяц

— Театральный сезон в разгаре. Вы не заметили? Удивительно.

— Что удивительно? Что не заметили?

— Нет, что в разгаре.

Написав под таким диалогом что-нибудь вроде «Из разговоров в фойе», легко вынести его в эпиграф, и дальше — вперед, по ухабам театрального бездорожья, весело помахивая хлыстом...

Господи, как мы, однако, утомительно остроумны в последнее время.

Можно начать и по-другому.

— Вы видели, сколько стоит бутерброд в буфете?

— Да, не всякую даму захочется угостить даже стаканом воды. Билеты дешевле буфета...

Дешевле — дороже, дороже — дешевле.

Господи, как мы заунывно однообразны.

Театральный сезон в разгаре. На самом деле после этой фразы нужно было бы поставить не точку, в которой окончательность приговора, а запятую — она бы больше подошла и по существу, и по настроению.

Говорят, в моду входит здравый смысл. В принципе после двадцати он всем к лицу. Говорят, если с его меркой подходить к текущему процессу, то все сразу встает на свои места. Может быть, здравый смысл будут распределять вместе с гуманитарной помощью? И если не отправят в Мурманск, как мясо, то и Москве немного достанется?

Взглянем на сводную театральную афишу: она открывается «Жизнью за царя» и заканчивается «Синими ночами ЧК». Здравый смысл отчеканил для таких случаев формулу — «Без комментариев». Ну «а если подумать?», как учил непутевую публику клоун в одной незамысловатой репризе, загадывая, в правую или левую руку он спрятал шарик? Если подумать, то такой репертуарный «разброс» ничего не значит. Его можно считать и широким, и узким, и вульгарным, и изысканным, и банальным, и оригинальным.

Бедный театр, куда ни кинь, всюду — клин. Поставят современника-соотечественника — «чернуха»; эмигранта — конъюнктура; запрещенное в

прошлом — смелые задним числом; русскую классику — не за фигой ли в карман полезли; западную — повторяют чужие зады. Попробуют развлечь — пир во время чумы, не будут развлекать — и так тошно, хоть бы в театре забыться. Разденут, оденут — на все есть готовый ответ. Но еще и подозрение: что он хотел — выехать на зарубежные гастроли, пополнить оскудевшую кассу театра, потрафить элите, завоевать дешевую популярность? Заискивают, заигрывают, замаливают, за... Ну, в чем еще не обвинили наши театры?

Так и ждешь, что вот-вот появится какое-нибудь совместное обращение деятелей театра к публике: «Дорогие, ставьте, играйте и смотрите себя сами. Оставьте нас в покое. Мы закрываем свою четвертую стену. Пока».

Утомительно повторять, сколь зависима сцена от зала. Можно, конечно, начать цитировать от Пушкина до... Но кого сейчас волнуют авторитеты? Вон и экономисты все цитируют — цитируют, потеха, хоть плачь.

Рискну лучше опереться на банальности, потому как здравый смысл слагается не из парадоксов (хотя в наши дни разница едва различима: английская говядина лучше, потому что лучше; английская говядина лучше, чем никакая; английская говядина — английская говядина).

Одно из ключевых, волшебных для театра слов — атмосфера. Атмосфера вокруг, внутри и на сцене. Понятие это столь же эфемерно, сколь и материально. Вряд ли кто-нибудь будет спорить, что при попытке выразить сегодняшнюю атмосферу одним словом этим словом окажется «распад». Другое дело, отношение к нему — от сладостного восторга до холодного ужаса под ложечкой. Нюансов не счесть.

Распадается прежде всего именно то, что казалось неизбывным, считалось безусловным завоеванием системы. После бесплатной медицины и бесплатного всеобщего образования, не знаю, на каком уж там месте в иерархии социалистических ценностей числилась и обширная сеть стационарных — репертуарных театров.

Ах! — завидовали нам гости дорогие из капиталистических стран, — ваши артисты могут думать только о творчестве, не думая о завтрашнем дне! Ах, они могут репетировать спектакль тысячу лет, все совершенствуясь и совершенствуясь! Ах, а этот спектакль и идет уже тысячу лет! Ах! — добавляли мы, — к тому же почти все наши актеры, режиссеры и художники — с высшим образованием, и зарплата у них постоянная, совсем не зависящая от количества публики в зрительном зале. А залы, залы — смотрите, какие просторные — просто дворцы...

Впрочем, даже у нас понимали — есть и издержки в великом деле: трудновато найти талантливого художественного руководителя для каждого коллектива, и не приживаются надолго почему-то именно талантливые. Да, надо было бы в некоторых местах построить театры поменьше, хотя партийные конференции проводить — в самый раз. Да, никто не подсчитывает, сколько именно каждый год надо выпускать артистов, но надо посчитать. Да, не везде порой ходит публика, но можно принудить и вычитать деньги на билеты из зарплаты.

Можно не тратить столько слов, чтобы провозгласить: пусть он (стационарный театр) провалится туда же, куда провалился СССР. Возможно, даже очевидно, что в нынешней суматохе этого никто и не заметит. Но театральный менталитет, складывавшийся десятилетиями и соединявший сцену со зрительным залом, не исчезнет в одночасье, он — плод эволюционного, а не революционного развития.

Уверена, что одна из составляющих этого менталитета — устремленность к

театру-дому, театру-семье. Конечно, со временем (часто, как правило, порой — иногда) дом этот превращался в «террариум единомышленников» (шутка времен распада «Современника» достаточно универсальна), но в лучшие, звездные свои годы театр бывал притягателен именно в таком своем качестве. Отсюда и «семейственность» зрителей, любящих вспоминать и довоенные очереди в МХТ, и «оттепельные» в тот же «Современник», где зарождались романы и дружбы, да попросту складывался свой круг. Одни театры-семьи тянули долго, угасая и возрождаясь, как БДТ, других заставляли кочевать, переселяя из отдельных квартир в коммуналки, как труппу Эфроса из Ленкома (тогда без кавычек) на Бронную, третьих, напротив, выселяли из дружной коммуналки — так случилось с Васильевым, Морозовым, Райхельгаузом... Примеры легко варьировать и множить, удаляясь в глубь десятилетий или приближаясь к нашим дням. Важно одно: в каком-то смысле все счастливые семьи были похожи друг на друга. И именно эта, объединяющая, черта, за которой — уходящий способ жить, — должна теперь стереться с родного лица.

Только для совсем далекого от театра человека это — вопросы сугубо организационные.

Собственно говоря, в театре происходит то же, что и везде: одно рухнуло или рухнет, другое на его месте еще не возникло, но «процесс пошел».

Если чуть-чуть схематизировать, то атмосферу распада в театре и вокруг него можно проиллюстрировать так: внутри — распад театра-дома, на сцене — распад ансамбля, основанного на общности мироощущения, и тяготение к «звезде» в центре или ансамблю «звезд», вокруг — исчезновение традиционного культурного контекста.

Театральный сезон в разгаре, но даже в профессиональной среде редко услышишь: «Спешите видеть!» Скорее, тебя окликнут мимоходом брошенным вопросом: «Ты не знаешь, что там у Эфремова, Яновской, Левитина, Любимова?.. Он правда подал в отставку? Неужели она останется с этой обезумевшей труппой? Интересно, кто победит в саду «Эрмитаж» — впащие в рыночный экстаз «садовники» или три расположенных в саду театра? Приватизировал или не приватизировал Юрий Петрович «Таганку»?

Газеты спешат дать сообщения, потом опровержения, потом подтверждения, протоколы о намерениях. Кто-то о чем-то умалчивает. Кто-то молчит принципиально. Одни из принципа действуют, другие, тоже из принципа, — бездействуют. Точных ответов нет, потому что их нет.

А бедная публика, сбита с толку

обрывками информации, допытывается: Юрский ставит во МХАТе? И туда перешел Филатов? Нет? Я сам в «Вестях» видел. И Калягин вернулся. А Трушкин работает у Райкина или Райкин у Трушкина? А «Пятая студия МХАТ» перешла в Театр Станиславского? А где сейчас ставит Гинкас? А в каком театре работает Виктюк?

Коротко можно ответить только на последние два вопроса: Виктюк — везде, Гинкас — нигде.

Остальные разъяснения громоздки. Юрский ставит во МХАТе, но не со мхатовцами, а со своей «Артелью». Спектакли Трушкина играют на сцене театра, который возглавляет Райкин, но поставлены они в Театре А.П.Чехова; сейчас же он ставит «Сирано де Бержерака» в Театре им. А.Райкина, где К.Райкин будет играть главную роль и занята будет труппа «Сатирикона».

Есть еще новообразования (театрами их не назовешь), где что-то ставят, играют, кого-то приглашают, что-то провозглашают. Можно на их счет иронизировать, но можно и подождать. Это тоже — процесс. Встречный ли? Параллельный? Еще неясно. В нем пока все перемешано: и естественные потребности в возрождении института антрепризы, и лихорадочное ощущение, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

...Художественный контекст не есть улада гурманов и профессиональных критиков. В нем — опора, почва, длящаяся мысль, сбывшиеся ожидания и даже разочарования, более внятные, чем растерянность перед неопознанным объектом. Сегодняшний зритель, потерявший «толстые» журналы и возможность увидеть что-нибудь достойное в кино, приходя в театр, напоминает покупателя, пришедшего в магазин, чтобы купить полкило «еды». На театре, где нет «отложенного» спроса, то есть возможности быть оцененными потомками, где спектакль — плод сегодняшнего, сиюминутного сотворчества зала и сцены, такая ситуация особенно драматична. Театр блекнет, вянет, скудеет, лишается вдохновения, если поутру (не позже) нельзя проснуться знаменитым. Ведь знамениты сыр «Швейцарский» или «Камамбер», а просто «сыр» — никогда не прославится.

...Конечно, было бы спокойней на душе за будущее самобытного русского театра, если бы цены в «Славянском базаре» позволили туда не только заглянуть, но и просидеть столько часов, сколько провели там Станиславский с Немировичем-Данченко.

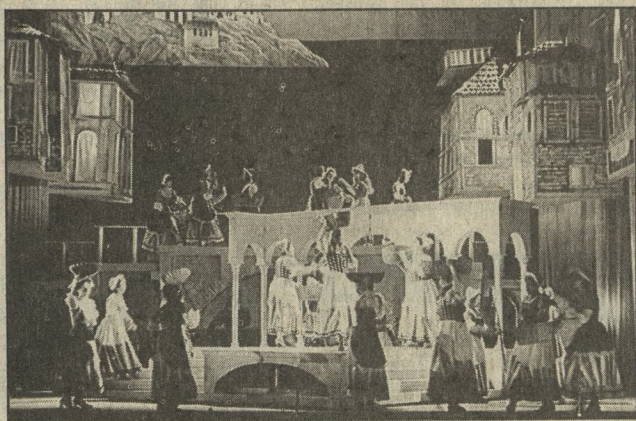
Конечно, «весь» театр не умрет. Братской могилы — не будет, погибнуть могут только отдельные художники, с конкретными именами и фамилиями.

Театральный сезон в разгаре...

Валерий КИЧИН

ПРОИСШЕСТВИЯ, КОТОРЫЕ НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

Мы без конца говорим, кричим,
плачем о кризисе культуры. И
так громко кричим, так
самозабвенно плачем, что в
этом сотрясающем душу
громоухании не слышим своих
пророков, не знаем своих
шедевров. И когда свершаются,
вопреки всему, в искусстве
события, о каких
несдержанный Стасов писал в
экстазе: радость безмерная! —
радоваться у нас, оказывается,
некому. И некогда, и не хотим, и
уже не умеем.

Сразу несколько фактов нашей театральной истории соединились как-то вечером в помещении Театра имени народных артистов Станиславского и Немировича-Данченко. Замечательно радостные и невыразимо грустные. И вообразите, никто их не заметил, кроме счастливых, заполнивших в тот вечер едва половину зала.

На уставшую от мрака и чернухи, и в жизни и в искусстве, московскую публику со сцены обрушились свет, красота и радость — чистая, беззаботная, способная так зарядить истощенные аккумуляторы нашего оптимизма, что потом и сумрачные улицы не кажутся такими грозными, и лица кругом хороши, потому что — по инерции — улыбаются и светятся.

Года три назад на такой спектакль было бы не пробиться. Теперь устали и боятся вечерних улиц. Прокофьевский оперный фестиваль в столице прошел без резонанса, ажиотажа и прессы. И даже его вершина, его звездный час — когда спектакль «Обручение в монастыре» показывал Свердловский театр оперы и балета.

Этим вечером завершался большой и славный отрезок нашей театральной летописи — то, что критики называли «свердловским феноменом». Уютный театр на одной из площадей уральского города был вечно переполнен, сюда совершали паломничество меломаны со всей страны. Его возглавляли темпераментный дирижер Евгений Бражник и Александр Титель, самый яркий, на мой взгляд, режиссер нашей современной оперной сцены. Мумифицированный советский оперный театр стал здесь театром живым. Оказалось, опера может быть драмой, или трагедией, или очень смешной комедией, и в зале вновь стали плакать, смеяться и ощущать уникальную красоту и мощь этого искусства. Музыкальная стихия соединилась с живописной — с театром стали работать первоклассные художники-сценографы. Певцам напомнили, что на сцене они должны быть еще и актерами, и возникла целая школа, равной которой в стране больше нет.

И вот этот феномен, это чудо, этот театр становился частью истории. Дай, конечно, Бог, чтобы там, в Екатеринбурге — Свердловске, зародилось теперь еще что-то новое, столь же приметное и обаятельное. Но прежнему уже не бывать: один из главных создателей чуда, воспламенявший своей фантазией сердца уральских зрителей, мастер атмосферы, гармонии и тонкого сценического рисунка, режиссер Титель показывал свою последнюю в этом театре работу. И отныне переходил в тот самый Московский театр имени народных артистов, в котором когда-то ставил свои классические спектакли его учитель Лев Михайлов.

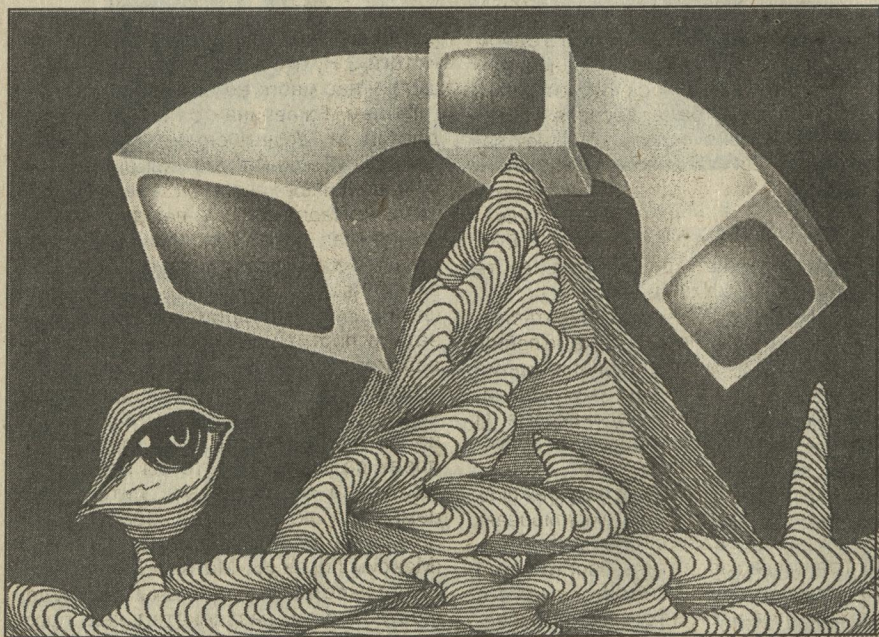
Москвичей можно поздравить: появился еще один шанс вернуть столице хорошую оперу.

А уральский театр прощался со своим лидером. И мы тоже прощались с уральским театром — таким, каким его полюбили. Было грустно и празднично. Люди, приехавшие из совсем уже голодного края, жили на сцене, вопреки всему, весело и щедро, они были богаты радостью и делились ею с нами так искренне, что зрители в зале заворожено подались туда, к сияющему четырехугольнику портала, где царили Прокофьев, Левенталь, смех и любовь.

И было еще одно событие в этот вечер. Театр Дружбы народов героически осуществлял одну из своих, боюсь, последних акций — прокофьевский фестиваль, широкомаштабные гастроли в Москве сразу нескольких оперных коллективов. Отныне взвившиеся цены в гостиницах, на транспорте и в магазинах сделают любые гастроли, по видимому, невозможными. Кровеносная система отечественного театра, уже давно страдавшая спазмами, теперь окончательно заблокирована. А это означает инфаркт всего театрального дела. Театр стал теперь Российским и пока жив. Выживет ли — зависит от мудрости новой России, которая всегда понимала, что искусство нации не может зависеть от доброты богатых купцов, от состояния их кошелька и культурных запросов.

Валерий ТУРОВСКИЙ

РУССКОЕ ПОЛЕ. ЧУДЕС

Рисовал Р. Зонтиков

«Офицерский вальс», или Танцуют все!

Если бы наше любимое телевидение ничем в январе не порадовало своего любимого телезрителя (что, впрочем, оно и проделало), а ограничилось лишь прямой трансляцией Офицерского собрания, то одного этого обстоятельства оказалось бы достаточно, чтобы компании «Останкино» соорудить конную статую где-нибудь в Останкине.

Прямой эфир из Кремлевского Дворца съездов — это был восторг и вдохновение! Музыка! Песня! Офицерский вальс!

Товарищи офицеры выгоняли из зала за что-то ненавидимого ими отставного

подполковника Виталия Уражцева. А Уражцев упирался и покидать собрание не хотел. Ища выход из безвыходной ситуации, председательствующий примиряюще предложил: «Товарищи офицеры, давайте проявим мужество и достоинство!» Пусть, мол, сидит себе Уражцев, как сидел.

— Не-е-ет! — многотысячным хором прогремели товарищи.

Ну, на «нет» и суда офицерской чести нет.

И это были — лучшие, это были — избранные. Покажите тогда мне худших: из познавательного интереса готов платить по рублю за каждого. Боюсь, что не обеднею. Где вы, господа русские офицеры?

При всей комичности и трагичности ситуации, возникшей на Офицерском собрании, меня в ней — нелепой, постыдной, коммунальной — порадовало только одно: телевидение все же не утеряло способности от простой фиксации факта перейти к непрямому комментарию. Дескать, смотрите, думайте, слушайте и делайте самостоятельные выводы. Непрямое воздействие прямого эфира — самое, пожалуй, ценное завоевание телевидения, от которого его долгие десятилетия отучали и отлучали. Сейчас с трудом, с тележным скрипом прямой эфир получает права гражданства.

Надолго ли?

Обсуждение в российском парламенте поправок к Закону о печати, диалоги журналистов в рамках передачи «Без ретуши» с Генеральным прокурором России особых оснований для оптимизма не вселяют. Извечная российская привычка приструнивать и цыкать зубом на непокорных и неугодных все еще жива и очень хорошо себя чувствует. Накинуть удавку на разговаривавшихся и распоясавшихся — нет ничего милее сердцу и уму российского начальника. Как скучно, одиноко и одинаково мы живем. Ничему не научаемся, ни из чего не делаем никаких выводов, а только и знаем, что с растерянностью идиотов задаемся вопросом «Что делать?» и с настойчивостью тупиц отвечаем на него, кто виноват. Надоело-то как, Господи!...

Гайдар и его команда

После Аллы Пугачевой и Роланда Быкова, занявших на телевидении круговую оборону и не дающих по себе соскучиться, то следом, то рядом идет Егор Гайдар. Редкий день обходится без его явления народу, которому он все время что-то объясняет и обещает. Объяснения становятся все более научными и туманными, а обещания — размытыми и малоубедительными.

Может быть, народ достался Егору Гайдари такой непонятливый и недоверчивый? Может быть, дедушке с напором повезло больше, чем внуку, но мозго скромного высшего образования не хватает на то, чтобы прорваться через лавину ничего не значащих и ничего не проясняющих слов.

Можно как угодно обзывать спущенные с цепи цены — свободными, договорными, либерализованными. От этого они не перестают быть уголовными. Глядя на эти пятисзначные чудовища, мне, человеку вроде бы не кровожадному, очень хочется построить работников гастрономов в стройную команду и этапировать их.

Я устал от своего бодрого правительствa. Оно меня достало. Я по приговору народного суда не осилил понять, зачем президент России снял с работы директора новозыбковского мясокомбината, когда их в Москве во-он сколько?

Я устал от своего бодрого телевидения. Оно меня достает каждый вечер. Кажется, в 1980 году, когда в России случился картофельный мор, газета «Правда» с жизнерадостностью младенца писала: «Добрый урожай картофеля выдался в этом году в нашей стране не везде».

Но это ведь был расцвет застоя, а сейчас-то зачем делать лучезарное лицо, чтобы нам же рассказывать, что мы плохо живем? Мы ведь и не живем вовсе.

С чувством небывалого подъема и широкого энтузиазма теледикторы вколачивают в нас самые мрачные факты и прогнозы и предлагают при этом не беспокоиться.

А никто уже не беспокоится. Ко всему можно привыкнуть. Когда одуревшему телезрителю по три—пять раз на дню показывают один и тот же информационный сюжет, снабжая его одним и тем же комментарием, то теряется чувствительность ко всему. Ну еще раз про Тбилиси, ну еще раз про Черноморский флот и цены, ну и что?

А ничего. Просто мы перестали чувствовать чужую боль и скорбь, скоро перестанем замечать свою боль и скорбь, как уже перестали замечать полчища нищих, которые бродят по Москве. Как не заметим, что и сами обнищали.

Что там Егор Тимурович и его команда объясняют про стабилизацию, интервенцию и инфляцию?..

А-а-а, ну-ну...

Поп-звезда, или Рок — это рок

Есть две вещи в жизни простого советского человека, которые он, единожды начав делать, никак не может прекратить, — унижать и возвышать. Сначала с неистовостью победителей взрывали храмы и ссылали священни-

ков, теперь с покорностью побежденных бьем поклоны и поем псалмы.

Вера в Господа, конечно же, не в пример выше и чище, чем вера в светлое будущее всего человечества. Но и в вере должна быть мера. В иные дни по нескольким каналам одновременно можно было наблюдать красивых старцев в рясах и клобуках, которые говорили красивые слова. Перестав орать «Слава КПСС», мы стали орать «Слава Богу», забыв, что вера в бога и общение с Богом — процесс интимный, сокровенный, не рассчитанный на публичное исполнение. Очень обидно, но очень смешно и очень точно назвал кто-то из острословов всех высокочтимых священников и телепроповедников — поп-звезда.

Действительно, обидно, и не совсем справедливо, но и не совсем несправедливо. Потому что опять шарахаемся из крайности в крайность. Не надо уж так уж. А то вместо благодати может произойти один только конфуз.

И уж чего вдоволь хлебает наш бедный телезритель — так это рока и попсы. Хотя и не к чести, но приходится в одном согласиться с Василием Ивановичем Беловым: рок — это рок, это отдаленная, но ощутимая беда, которая недолго заставит себя ждать. Пустые, застывшие глаза «танцов» и поклонников рок-музыки с потрохами выдают полное отсутствие какой-либо душевной и интеллектуальной работы. «Лучшие» из них знают три аккорда, шесть нот и еще меньше слов.

Самое страшное — вслушиваться в эту музыку и в эти слова. Я даже не пойму, чего рок и попса не поделили, кроме сферы своего влияния на умы мальчиков и девочек? Они — одинаковые. И нечего задаваться вопросом, кто лучше: рок или поп? Оба — хуже.

И как их стало много, как лихо они скачут по всем программам оккупированного ими телевидения! Не подумайте, что я призываю запретить. Просто детей очень жалко. — ничего не читают, ничего не знают, не учатся, а только остановившимся взглядом наблюдают за своими кумирами.

А рок уже и в Кремль пробрался. Патриарх в Кремле и рок в Кремле. Нехорошо сие, дурно есть. Негоже.

А теперь — реклама

Со своего счастливого пионерского детства я твердо усвоил, что капиталисты жуют жвачку, пьют кока-колу, кладут ноги на стол и заваливают телесеть рекламой, прерывая передачи на самом интересном месте.

Ноги на стол мы класть не научились, а в остальном много преуспели. Особенно в рекламе, от которой уже тошнит и воротит. Я понимаю, что без мощной рекламной инъекции российским телерадиокомпаниям не выжить. Пони-

маю и то, что к уровню и вкусу рекламода-телей ни «Останкино», ни РТР отношения не имеют — прокатывают, что дают, и счастливы, что еще дают.

Наши отечественные уродства — самые уродливые в мире. Если уж начнем во что-то внедряться и заводить у себя, «как у людей», то так бездарно, так самопародийно, что диву даешься. Где дают то, во что «РЭМ» уже полгода одевает своих соотечественников, где?! Молчание служит нам ответом. А хоть сколько стоит? Отвечаем: цены на 30% ниже базовых. А если телезритель падается совсем глупый, как я, то ему доступно втемешат: цены ниже рыночных, кретин!

В паузах между рекламой

В эти паузы телевидение пока еще умудряется вставить что-нибудь достойное. Мне очень нравится, как работает Борис Берман со своей «Командой-2». Мне продолжает нравиться программа «Под знаком «Л»». Мне понравилась передача Евгения Киселева «Итоги»... Ну что еще? Все, хватит. Хорошего у нас много не бывает.

Фильм «Ржавчина», о котором что-то долгое и возвышенное произносил коллега Василий Кисунько, предвосхищая наше наслаждение искусством? Наслаждения не получилось, искусства не обнаружилось. Или фильм «Казус импровизус» А.Суриковой, Е.Каменковича и В.Шувалова? В шесть рук понадобилось переписывать и портить пьесу Александра Буравского «Учитель рисования», чтобы превратить ее в набор скверного качества реприз, связанных чем угодно, но только не логикой. А уж фильм «Человек со свалки» будто бы подобрали на свалке отечественной литературы, немножко почистили и забыли сослаться на очень своевременную книгу (Максим Горький. «Мать». Роман).

Художественные фильмы без художественности, развлекательные программы без развлечений — вот стиль работы нашего телевидения. Уже и страна дураков, как нам говорят, приказала долго жить, а «Поле чудес» цветет махровым цветом, а все несут какую-то «Околесицу» про «Счастливый случай», «Зигзаг удачи» и «Любовь с первого взгляда».

Анатолий Собчак во время встречи с собой допустил очень показательную оговорку: «Я говорю своим журналистам...» Вот как, у мэра Санкт-Петербурга (как в свое время у первого секретаря ленинградского обкома КПСС) завелись уже личные журналисты? Тогда, может быть, Егор Яковлев или Олег Попцов скажут своим журналистам, что так плохо жить, как мы живем, еще можно, но так плохо работать, как мы работаем, — уже нельзя? ■

Известно, что эмиграция сама по себе не породила ни одного русского писателя, но, тем не менее, именно благодаря ей произведения многих из них оказались на родине. До отъезда на Запад (в возрасте 34 лет) Дмитрий Савицкий работал рабочим сцены в театре «Современник», грузчиком на электрокаре на «микояновском» пищевом комбинате, красил заборы и крыши, ездил с киноустановкой, показывая детям и пенсионерам фильмы, поставлял материалы для московской многотиражки с милым названием «За доблестный труд» и даже успел поучиться в Литинституте, откуда был исключен то ли за «крамольную» повесть об армейской жизни, то ли просто за неуживчивость. Естественно, он был знаком с литературно-музыкально-театральной богемой Москвы, то есть прожил пеструю, но очень характерную для своего круга и своего поколения жизнь «на одной шестой части суши». Оказавшись во Франции, он выпустил четыре книги — «Раздвоенные люди» (1979), «Антигид по Москве» (1980), «Ниоткуда с любовью» (1982) и «Вальс для К.» (1985), переведенные на французский, английский и итальянский языки. Сейчас заканчивает работу над новым романом. Московское издательство «Радуга» в 1990 году выпустило сборник произведений Д.Савицкого, в который вошли роман, повесть, рассказы и стихи разных лет. Эта книга, несмотря на большой тираж и практически полную безвестность автора для отечественного читателя, не залежалась на прилавках. Савицкий — не только писатель и преуспевающий журналист, но и профессиональный фотограф, литературный агент, знающий конъюнктуру книжного рынка, и к тому же — теннисист, дающий платные уроки: пестрая жизнь продолжается.

Дмитрий САВИЦКИЙ:

«ЧЕЛОВЕКУ С МОИМ ПРОШЛЫМ НЕЛЕГКО ВЕЗДЕ»

— Уезжая, вы собирались делать карьеру журналиста на Западе?

— Я ехал во Францию искать свою даму сердца. Мы с ней в Союзе разругались, и дело не склеилось. Но когда я очутился вне территории одной шестой, то понял, что пять шестых тоже интересны. Я отослал свой паспорт Брежневу, чтобы не было искушения снова отправиться пить пиво на Арбат, и попросил политического убежища, которое и получил. Я был одним из последних, кому удалось тогда уехать. Потом «дверь» из Союза надолго захлопнулась. Думаю,

что мне повезло еще и потому, что я служил во внутренних войсках СА, не в конвое, как обо мне писали, а в охране особо важных государственных объектов. Срок, оговоренный в подписке о невыезде, у меня, правда, тогда уже истек, но от КГБ никогда не знаешь, что ждать. Я отчаянно искал возможности добраться до Парижа и слегка поприжать ту самую блондинку, которая мне подпортила жизнь, и однажды встретил в Москве ее французскую однокашницу. Очень милая дама, которая водит сейчас такси в Нью-Йорке — не ради денег, а

ради авантюры. Будучи вхожа в советские «верха», она мне сказала: «Завтра пойдем к Зотову». И отвела меня к этому Зотову, который, как я понимаю, был тогда начальником ОВИРа. Генерал Зотов мне и говорит: «Не бзди, парень, приходи через месяц — получишь визу». Я, конечно, не поверил, но он пояснил: «Я собираю охотничьи ножи и люблю французский коньяк». Человек хочет какую-то мелочь, чтобы выпустить меня на Запад! Месяц я пил, а когда он кончился, получил визу. Зотова потом расстреляли и, видимо, именно за такие дела.

В Париже я оказался 14 июля 1978 года — в День взятия Бастилии. Кругом стояли столы с бесплатной выпивкой, рвались фейерверки, все танцевали. Ну, думаю, встретили проклятые капиталисты!

Я сразу решил, что не буду жить в русской диаспоре. Общение с русскими — это опять тот же мордобой, та же водка, те же люди с тоскливым страхом. Прдержался вне русской колонии почти пять лет, пока не приехал Эдик Лимонов. Лимон был моим старым приятелем еще по Москве. И несмотря на то, что сегодня многие события, позиции нас развели, мы не собираемся убивать друг друга: Запад нас научил терпимости... Позже я познакомился с белой эмиграцией, куда более интересной и духовно богатой, нежели недавняя.

— По родине не скучали?

— До перестройки было легче. Та часть горизонта была как бы загорожена занавесочкой, ржавой — не ржавой, но важно, но это место было в памяти аннигилировано. Конечно, было чувство вины. В Москве живет моя мать, осталось много друзей, которых я очень люблю. Всегда ощущается тоска по экологической нише, как говорил Набоков. Но когда началась эта «проклятая перестройка», оказалось, что прошлое — целый материк — возвращается с реактивным свистом...

Помню, года три назад в редакцию одного французского журнала пригласили, с одной стороны, меня (я всегда считался во Франции журналистом левоцентристского крыла), с другой — Максимов с Горбаневской, которые явно принадлежали к правым. Горбаневская не пришла, а Максимов произнес речь насчет того, какой наивный Савицкий, он, мол, не понимает, что Горбачев — человек из КГБ, что вся перестройка придумана самим КГБ, чтоб получить деньги от Запада. Через два года Максимов был уже в Москве, облизывая перестройку со всех сторон.

— Взаимоотношения внутри русской эмиграции, кажется, далеки от идиллии?

— Отношения пишущего человека с «парижским парткомом» (как тут называют Максимова) или с «оппозиционным

парткомом» (так можно условно называть Синявского) чрезвычайно сложны. Приехав, я наивно притащился в редакцию «Континента» с килограммами стихов и рассказов, вывезенных приятелем в дипломатическом чемодане. Еще ничего не прочитав, господин Максимов сказал: «Ну зачем вы приехали?!» Когда я попал к Синявскому с письмом от Даниэля, то тоже оставил ему папочку. Синявский прочитал и через какое-то время сказал: «Знаете, вы меня удивили, это надо печатать». И никогда не напечатал.

— Но «Синтаксис» же выпустил вашу книгу.

— Это было позже. А тогда я понял, что с русскими не надо видаться и по-русски не надо печататься. Это меня и спасло. Я стал «осваивать» Запад напрямую: западную прессу, западный журнализм, французский и английский языки. Началась совершенно иная жизнь. Если перестаешь бежать — выпадаешь из нее, и все. Я написал тысячи статей, четыре книги. Некоторое время даже умудрялся жить только пером: аванс за книгу, время для того, чтобы написать новую, следующий аванс. Потом с головой ушел в журналистику, писал для «Либерасьон», ездил на репортажи для таких журналов, как «Пари-матч», каждый уик-энд идет моя передача «49 1/2 минут джаза» по «Свободе».

— Значит, вы сумели зачеркнуть свое прошлую жизнь?

— Не думаю, что человеку с моим прошлым на Западе могло быть легко, но с этим прошлым было нелегко и дома.

Любому писателя питает прошлое. Я как бы прожил две жизни: более десяти лет сознательной жизни в России и почти столько же на Западе. И как бы ни удлинится этот кусок времени, который приходится на жизнь в эмиграции, он всегда будет совершенно адекватен тем годам в России, потому что там я сформировался. Конечно, поехать в Россию очень хочется, но, помимо душевной тяжести, есть и чисто технический, что ли, вопрос. С меня не снята судимость: как невозвращенцу мне заочно был вынесен судебный приговор. Смешно, именно в тот момент, когда он был вынесен, я вдруг получил извещение о том, что мне в Москве дали квартиру. Вот такой блестящий крючок: поезжай и получи квартиру!

Они, конечно, действуют очень смешно...

— Как вы думаете, как бы сложилась ваша писательская судьба в Союзе?

— Никак. Хорошие книжки можно писать, не принадлежа ни к Союзу писателей, ни к Литфонду. С другой стороны, принадлежа к этим организациям, совершенно не обязательно писать хорошие книги. Можно ездить в Ялту, в Коктебель, встречать своих

шефов-шахтеров, читать им что-то со сцены и хорошо жить. Ни в одной стране мира ничего подобного нет! Здесь существуют литературные стипендии. Я, например, два раза получал стипендию от французского министерства культуры — довольно большие деньги, которые помогли мне проскочить какой-то жизненный период и писать. Но, в общем, мой хлеб насущный — это журналистика.

— В ваших произведениях часто проскальзывает мысль, что советского человека видно на расстоянии...

— Его действительно видно в западной толпе по тому, как он двигается: у него небольшой мускульный паралич — привычка всегда контролировать себя, особенно в незнакомых условиях. Это моторика, отражающая психическое состояние человека.

Русских видно еще и по хамству. Они вдвое громче говорят, все время что-то требуют, уверены, что их никто не понимает, хотя многие во Франции знают русский язык, — и ругаются жутким, кошмарным матом. Очень заметен русский шовинизм. Русский человек по натуре — расист, советский — расист вдвойне. Даже в перестроечных статьях постоянно проскальзывают фразы типа: «...Мы, в нашей стране, с нашим богатством, живем хуже негров...» Если на улице русского спросят: «Ты кто?» — он будет доказывать, что «чистый» русский. Никто во Франции не скажет, что он — «чистый» француз...

Советский Союз — структура, в которой немногим разрешалось взрослеть, то есть — реагировать, действовать. Ты отказывался от своего права действовать за определенный социальный минимум: комнату, бесплатную медицину, образование. Действовать можно было либо делая партийную карьеру, либо — уголовную, т.е. либо поднимаясь, либо опускаясь по социальной лестнице. Чем ниже и чем выше — тем у тебя больше власти и тем больше возможности воровать. Если же ты действовал на своем маленьком пяточке, вся система начинала на тебя давить. Теперь, когда системы нет, человек не может действовать по другой причине: на него давит свобода выбора.

Советский человек никого не уважает, потому что, когда он был унижен, остальные были свидетелями его унижения, а таких свидетелей не любят.

— Какая у вас была самая большая проблема на Западе?

— Перестать пить: слишком легко пилось. Других проблем не было.

Париж

Александр ШАТАЛОВ
Ярослав МОГУТИН

Публикуемое на 54 стр. эссе
Дмитрий Савицкий написал
специально для «Столицы»

Дмитрий САВИЦКИЙ

Мне всегда казалось, что московское метро — продолжение мавзолея, партийный некрополь, царство мертвых. Боги и божки партийной мифологии обитают в мраморных гротах этого подземелья: бородатые в кожанках или же уса-тые во френчах, окруженные счастливым населением, полногрудыми сельскохозяйственными нимфами и толстощеками, вскормленными на сливочных ирисках детьми... Храмовая архитектура с головой выдает божественный замысел: портики и колонны, дорические заросли, где водятся скромные, в выгоревших гимнастерках ге-рои, и коринфские кушчи, из которых выгля-дывают периферийные отцы народов — ак-сакалы, допущенные к чаше партийной амброзии...

Запасные ниши для богов были выбиты в подземелье со щедростью, выдающей планы на тысячелетия. Строгость, с которой еще совсем недавно блюлось мраморное под-земелье, говорила о том, что и часовые мав-золея, и служители отечественного Аида вышли из одной и той же высшей школы ох-раны имени Церберы. Наличие секретной кремлевской линии только усиливало ужас перед стерильным подземельем. Запасной бронепоезд из песни прятался где-то в ка-фельном тупике. Вполне возможно, что главный покойник по ночам, сдвинув хру-стальный колпак, выскальзывал в мрамор-ный лабиринт для инспекции. Кто-то же должен проверять чистоту оружия нержа-вющей гвардии на площади Революции? Примерять пустые пьедесталы, прятаться в нишах на Красных воротах, лежать, глядя в голубое дейнековское небо, на Маяковс-кой? Такое прозрачное самолетное небо бывает лишь на том свете, на том партийном свете, в царстве игрушечной утопии...

Люди, даже не люди, не народ, а преслову-тые массы (ибо в государстве, где быть лич-ностью — преступление, проживает масса) выбрасывались наружу, как руда, или — точнее — как пустая порода. Не жетон, то-кен, как в Нью-Йорке, не картонный билет с магнитной полоской, как в Париже, открыв-вали путь в этот диснейленд передовой идеи, а советский пятак. И даже не пятак, а то, что на пятаке — гербарий на пятаки пошед-шего счастья, — герб страны.

Все это приходит в голову человека-переселенца, эмигранта, в парижском метро, в этом часто зловонном inferno, чье единст-венное достоинство заключается в собст-венной честности: оно не претендует быть чем-то другим — трюмом Лютеции, музеем, заповедником идеи. Парижский метрополитен заплеван, воняет мочой и гниющими отбросами, по рельсам шуруют мыши, в пере-ходах ночью встречаются меланхоличные крысы, и точно так же, как московский рай — продолжение райской идеи, лучами быющей

НЕ ВЫБИРАЯСЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ

из гробницы вождя, парижский ад является продолжением древних и до сих пор оби-таемых — парижских катакомб.

Жители бедных северо-восточных (без намека) окраин злы на левое правительство дядюшки Миттерана. Правые консерваторы были разгильдяями, при них можно было спокойно перепрыгивать через турникеты метро, экономя на кружку пива. Нынче же выход на платформу скорее похож на ворота тюрьмы Санте — суровые решетки под взглядом телекамер. Но черный горожанин, будь он даже белой кожи, осваивает в под-земелье все. В том числе и новые запреты. Вот он по-балетному стоит на одной ноге, вжимаясь в пятнадцатисантиметровый за-зор между створками турникета и резино-вой двери. Его тело становится жидким — без особых проблем и конвульсий он перете-кает вовнутрь. Под гигантскими молодыми грудями средиземноморской красоты, за-зывающей на зимние каникулы в Турцию, он сшибает у спешащего очкарика сигарету и при-куривает у торговца инжиром. Он спускает-

ся на платформу «чрева» с раскованной лег-костью джентльмена, заскочившего в клуб.

Из налетающего вихрем поезда выва-ливается квинтет перуанских музыкантов — флейты Пана, бубны, крошечная мандо-лина, гитара. О! Они продолжают играть, и бубнам вторит звон монет на изодранной подкладке мятой шляпы. Молоденький по-лицейский, украшенный, как новогодняя ел-ка Министерства внутренних дел, наручни-ками, фонариками, револьверами, связка-ми ключей, какими-то блокнотами, баллон-чиками с газом, что-то шепчет в трещащее воки-токи. Японцы, освещая свой путь к эс-калатору вспышками фотокамер, передви-гаются группами, как на Луне. Престарелый хиппи, то, что во Франции называется «ба-бакул», пишет фломастером на стене: БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОГ.

Лондонская tube, труба, нью-йоркский underground, подземелье, парижское метро не обрели российского родственника в под-земном царстве в начале века по простой причине: высшее духовенство отсоветова-

ло лезть под землю, негоже было строить дорогу в мире нечисти. В результате строить начали позже и не функционально, передвижения ради, а дабы удивить весь остальной мир. Что удалось.

Парижское метро порой навевает ужас. Центральная пересадочная в Шатле и рядом находящийся второй транспортный узел — Шатле-«Чрево» — это целый подземный город на пяти уровнях, место встречи обывателя и преступника, самоубийцы и бездомного. Скоростные линии метро, RER, напрямую доставляют сюда толпы молодых людей из дешевых пригородов. В основном это крепкие черные ребята, занимающиеся торговлей наркотиками. Французы — традиционно пьющая нация. Знаменитый «средний» француз пьет 400 дней в году. Национальная болезнь — цирроз печени. Поэтому наркотики не так распространены во Франции, как, скажем, в Штатах или даже Испании. Но все же часть населения «торчит» на героине, кокаине и гашише. Спрос определяет рынок. Рынок — это метро.

Бесчисленные и бесконечные переходы Шатле-«Чрева», торговые подземные ярусы, выстроенные на месте бывшего рынка, дают возможность ребятам из наркобизнеса и парижским наркоманам двадцать четыре часа в сутки играть в прятки с полицией. Обычная сцена:ходишь в метро вслед за рослым, вилляющим во всех суставах парнем цвета чернослива. Он просачивается, не платя, через заслоны турникетов и меняет кассету в своем дорогом вокмане. Он обут в найки на воздушной подушке, на нем кожаная куртка от Черрути и джинсы от Гуччи. В подземном переходе он моментальным движением вытаскивает из-под алюминиевой рамы рекламного стенда пластиковый пакет с «белой леди», «геро», героином. Значит, его где-то рядом ждет клиент. Самый безопасный обмен происходит, как правило, в вагоне метро. Покупатель подъезжает к станции и, стоя в дверях, делает знак знакомому дилеру. Тот входит в вагон, и за несколько секунд до того, как захлопнутся двери на следующей остановке, происходит обмен. «Осторожно! Двери закрываются... Следующая станция — конец света!»

Дилер практически живет тут же, под землей. Подземные галереи «Чрева» набиты модными магазинами, кинотеатрами, ресторанами. Здесь же происходит *dragage*, «кадраж». «Чрево» набито молодыми парижанками, ищущими приключений или же готовыми на любой вид услуг за дозу «геро» или таблетку «экстаза». В крайнем случае, на поверхности, в холодном зимнем городе, на расстоянии семи минут, найдется горячий квартал — улица Сен-Дени и ее голоногая «машина счастья».

Полиция появляется на платформах всегда чуть-чуть поздно. Наркотики выб-

рошены на пути, карманы пусты, документы в порядке. Не мудрено. У наркобизнеса своя служба наблюдения и слежки... Здесь же, в коридорах, или наверху, в узких средневековых улочках, происходит сведение счетов, урегулирование территориальных проблем. Настоящие дельцы сами не притрагиваются к наркотикам и алкоголю. Зато они посещают светлые и чистые спортзалы — качают мышцы и отрабатывают удары карате. Их цель — сделать первоначальный капитал и оставить наркобизнес, начать что-нибудь легальное. Некоторым — удается.

В парижском метро не назначают свиданий. Для этого есть кафе. Редкое исключение — клошары. Жак, живущий на станции Вольтер, ездит в гости к Пьеру и Николь, обитающим на платформе Монж. Иногда происходит нечто вроде слетов, подземных совещаний. Пассажиры пятой линии с ужасом смотрят в окна: на платформе Кампо-Формио гудит во всех смыслах толпа клошаров. У каждого в руке бутыл дешеревого вина. Кто-то спит под трехметровой афишей общества помощи самоубийцам, кто-то тут же справляет нужду, кто-то раскладывает на сиденье закуски. Зимой администрация метро позволяет бездомным ночевать на станциях. В двенадцать, впрочем, круглый год рядом с турникетами открывается входная дверца: нет денег — Бог с тобой, добрайся до дому или иди спать — бесплатно... Но в то же самое время администрация «разредила» установленные на станции сиденья так, чтобы нельзя было лечь. Сиденья стоят через одно, но клошары, как йоги, научились спать полулежа в воздухе.

Слава Богу, в Париже пока что нет нью-йоркских сверхклошаров, нас еще не посетил «человек-сыр». Я помню, где-то на 13-й стрит я влетел в пустой вагон, удивленный тем, что все остальные пассажиры предпочли переполненные соседние. Только когда двери закрылись, я понял, какая это была ошибка. В вагоне кроме меня сидел лишь один человек. Это был «бам», клошар, и он спал. От него шла такая плотная вонь, что воздух можно было схватить пальцами. Я еле-еле дождался следующей остановки. Это и был знаменитый «человек-сыр», обладающий в этой жизни единственной привилегией — он путешествует под землей в одиночку...

Долгие годы на страницах французских журналов я сетовал на то, что в этом городе вавилонского смешения языков не слышно русской речи. Нынче и в вагоне подземки можно услышать родной и могучий, а на станции метро Нотр-Дам метровыми буквами появилось наконец-то самое знаменитое из трех букв русское слово. Совковые парочки в твердой уверенности в том, что их не понимают, на языке далеких Мытищ выясняют отношения и обсуждают достоинства и недостатки аборигенов. Как-то, автоматически вслушиваясь в эдакие биржевые новости, в перечень цен на джинсы, стерео и презервативы, я вспомнил мои первые лет-

ние месяцы в Париже, 78-й год. Как сейчас помню, поезд выскочил на акведук в Пасси. За окном над Сеной высился знаменитый дом из скандального фильма «Последнее танго в Париже» с Марлоном Брандо и Марией Шнайдер. Я сидел на боковом сиденье, вытянув ноги, усталый, в выгоревших дырявых джинсах, в рубаше, расстегнутой на груди, с длинным шелковым черным платком, завязанным уже по-парижски — кое-как, небрежным узлом. Длинные волосы, борода... В голове вращались тусклые галактики прокетов — один был безумнее другого. Короче, нормальная ситуация вживания, вжимания — перехода в иной мир. И вдруг я услышал, как парочка напротив меня заговорила по-русски. «Нин, — сказал он, — ты видела, как мне в Москве машину починили? Завал! Как с конвейера. Я им по бутылке мартеля привез... Они его стаканами... Две бутылки — и все дела! Здесь тысяч в семь встало бы. Все же хорошо в Париж возвращаться...» Я посмотрел на них сквозь полузакрытые глаза. Он — сильно облысевший, лет сорока, в темном костюме и красном, чуть ли не пластиковом, галстуке, темное взмохшее лицо — явно чиновник или торгпредства или посольства. Поезд метро катился в «их зону». Она — толстая и одышливая, с недовольными стреляющими глазками. «Смотри, — сказал он с плохо скрытым раздражением, — вишь, французик развалился... анархист, небось, черный платок». Он поправил удавку галстука. «А что, мы здесь уже третий год, слышишь? Может, иногда можно в контору тоже ходить, ну там, с фуляром каким-нибудь, с шарфиком? Вот зараза, небось к блядам в Булонский катит, прожигает, что может... Или какую-нибудь химию толкает...»

Тут парочка встала, собираясь сходить на Пасси или, как звали этот в довоенные годы не очень дорогой район белые эмигранты, «на Пасся». Я тоже встал и, подойдя почти вплотную, тихо спросил по-русски: «Выходите?» Их лица невозможно забыть: из сырой говядины они вдруг превратились в серые маски; в какие органы безопасности отхлынула кровь — неизвестно, но сосуды лица были пусты. Они так и не вышли, а уселись опять по обе стороны двери, загнилостизированно глядя на меня. Что крутилось в их головах? Секретные проверки сотрудников? Предупреждения о том, КАК вести себя в городе? Возможная отправка назад, на любимую Родину? Я вышел на платформу и, спустившись к реке, побрел в сторону моста Мирабо. «Под мостом Мирабо тихо Сена течет и уносит наши года»... На акведук выскочил очередной поезд метро и помчался на Левый берег, в сторону подосвечника Эйфелевой башни...

Эта фраза, тоскливой нотой замыкающая, если помните, уморительно смешную «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», просится на язык едва ли не всякий раз, когда на газетно-журнальной полосе глаз выхватывает что-либо лихо полемическое и ты, читатель — помимо своей воли, вопреки собственному желанию, — оказываешься свидетелем выяснения отношений, почти участником жестокой перебранки вполне достойных вроде бы людей.

И с чего взъярились, зачем всполошились — как правило, загадка. Но — сотрясают же ведь воздух, но — бьются же ведь насмерть, не выбирая выражений или, наоборот, выбирая — именно те, что гарантированно оскорбят оппонента, заденут его личную честь и достоинство, навсегда исключат в дальнейшем возможность диалога, мирного и взаимопользовательного интеллектуального, любого иного сотрудничества.

Хочу быть верно понятым.

Я вовсе не про «консолидацию», к которой власть призывала нас с первого же дня перестройки, не про потенциальную полезность братских объятий всех со всеми — жертвы и палача, нормального человека и фашиста, Сергея Сергеевича Аверинцева и Владимира Вольфовича Жириновского. Есть, чего уж там, идеи, с носителями которых — без адвоката или без участкового — не садятся за стол переговоров. Есть люди, с которыми, по выразительному русскому присловью, стыдно сесть даже на одном гектаре картофельного поля.

Это, надеюсь, ясно.

Я даже и не о «культуре дискуссии», к которой нас тоже, помнится, долго и тщетно призывали, укоряя неблаговоспитанных газетно-журнальных витий примером цивилизованного XIX века, когда будто бы все были взаимно вежливы и обходительны до чрезвычайности. Да? Ну так почитайте, что и как Пушкин говорил о Булгарине, Белинский — о Полевом, Достоевский — о Чернышевском, Писарев — о Лескове, и вам наверняка расхочется впредь пользоваться этим примером.

Это во-первых... А во-вторых, долг честного человека в том иногда и состоит, чтобы прилюдно назвать подлеца подлецом, а, предположим, записного враля — отъявленным лгуном.

Если, конечно, есть достаточно веские основания для этого и если — в силу этих самых веских оснований — ты в

Сергей ЧУПРИНIN:

СКУЧНО НА ЭТОМ СВЕТЕ, ГОСПОДА!

принципе исключаешь для себя (и для своих единомышленников) перспективу каких бы то ни было отношений с тем или с теми, кого ты только что назвал «гусаком».

Прочитируем-ка Гоголя:

«Если бы Иван Никифорович не сказал этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, как всегда, приятелями; но теперь произошло совсем другое».

Что произошло, известно даже школьникам: «прекрасный человек Иван Иванович» и «очень хороший также человек Иван Никифорович» остаток дней своих провели в бесплодной, а оттого и изнурительной тяжбе друг с другом.

Так вот — я о веских основаниях.

И о «гусаке», с хамской неосмотрительностью то и дело срывающемся с уст и с кончика пера нынешних полемистов. Необязательно литераторов.

Вот, к примеру сказать, вице-президент нашей великой, пусть даже и несчастной страны решил публично заявить о своих разногласиях с вице-премьером и верными ему министрами.

Что ж, дело, наверное, хорошее — хотя и говорят, что этакая демонстрация раскола в единой, как все мы надеялись, команде отечественных реформаторов не принята по нормам цивилизованной политики. Но допустим... Допустим, что Руджик двигало толстовское: «Не могу молчать!» — и что он действительно в критический для государства час не мог не выложить на стол свои аргументы.

С той поездки вице-президента в Сибирь прошло несколько недель. Аргументы благополучно забылись — да и были ли они?.. А вот хлесткое: «Мальчики в розовых штанишках!» — вгорячах, быть может, брошенное титулованным оратором по поводу своих коллег, прочно вошло в память миллионов¹. И миллионы, не искушенные в тайнах кремлевского двора, так до сих пор и пребывают в смущении: ведь если поверить Александру Васильевичу, то нельзя доверять Егору Тимуровичу, и наоборот, если доверять вице-премьеру, то нельзя, следовательно, брать на веру слова рубачи-вице-президента. И второй, тоже интересный вопрос: как нынче работается, как нынче «дружится» нашим лидерам — ведь не могут же они не контактировать друг с другом, а жить раздельно — по законам политического апартеида...

А вот еще сюжет — несомненно более локальный, исчезающе малый по своему значению для судьбы Отечества и отечественной культуры, но оттого ничуть не менее типический.

Критик Андрей Немзер на исходе минувшего года напечатал в «Независимой газете» серию очерков о современных литературных журналах. Критик Виктор Топоров не согласился с коллегой в некоторых конкретных оценках, на исходе января предав свои соображения гласности на страницах той же «Независимой газеты».

Дело обычное? Обычное не бывает. Инцидент исчерпан — тем, что обнародованы обе точки зрения? Нет, боюсь, что он только начат — и вовсе не в силу несходства во взглядах, а в силу того и только того, что «гусаков» понараздавал В.Топоров более чем достаточно —

¹ как прочно вошло в общественное сознание кличка «плачущий большевик», которой Юрий Черниченко припечатал Н.И.Рыжкова. Но там случай был другой! Ю.Черниченко метил не коллегу-единомышленника, а в политического противника, и потому значение «гусака» в дискредитации всей политической линии рыжковского правительства невозможно переоценить.

всем, кто под горячую руку подвернулся.

Роман В.Аксенова? «Провальный». Рассказ Ф.Искандера? «Беспомощный»... Что же касается самого А.Немзера (а это, кстати, сообщает читателям В.Топоров, «один из лучших критиков», в чьих статьях «счастливы сочетаются» все мыслимые и немыслимые достоинства), то он на самом-то деле и «пай-мальчик с первой парты», потягивающий, возможно, в мужской уборной папиросу с «травкой», и статья его, так В.Топорову не понравившаяся, есть не что иное, как «постыдное сочинение», и написана она, естественно, «натушно и бездарно».

И не просите: я не буду входить в аргументы В.Топорова — даже если сумею их отыскать. К уличной брани не прислушиваются. Я не стану и спорить с В.Топоровым по существу — истерический припадок (а перед нами именно литературно-критическая истерика) останапливают не логикой и не уговорами, а совсем иначе — читатель знает как.

Надеюсь, что и Андрей Немзер того же мнения. Ну а вдруг... Вдруг разобиженно сорвется — и ответит своему Ивану Никифоровичу, казалось, что союзнику, а оказалось, что врагу: не сейчас ответит, а спустя срок, во благовременье... И пойдет, и годами будет катиться по печатным страницам пустая перепалка, чему примеры неисчислимы: доподлинно известно, что Алла Латынина всегда найдет случай вцепиться в противного ей Виктора Ерофеева и «протиснуться» по ненавистному ей Бенедикту Сарнову, что Бенедикт Сарнов, дай ему только повод, бранчливо выскажется о сочинениях и личности Аллы Латыниной, что Ирина Роднянская не мыслит себе в последнее время статьи без выпада в сторону либо автора этих строк, либо Александра Агеева, что Владимир Маканин и дальше будет выяснять отношения с Анатолием Рыбаковым и Евгением Евтушенко...

И из-за чего сеча немилосердная? Не исключено, увя, что из-за нечаянно порхнувшего в свою пору «гусака».

Так, может, попробуем обходиться без этой высокомерно надутой птицы? Говорит же ведь замечательный философ Григорий Померанц, что в споре стиль полемики важнее предмета полемики.

И не только говорит, но и пример подает. Недаром же именно он, давний и придиричивый оппонент Солженицына, не раз Солженицыным задетый и задетый не всегда корректно, вступился только что в «Литературной газете» за «вермонтского отшельника», в памфлетном стиле и тоне выбранного «огоньковского» литературоведа.

Вступился — чтобы продолжить с Солженицыным прямой и честный спор. Но именно спор, без которого не живет культура, а не перебранка.

Без «гусаков», чье появление способно навести на одну только тоскливую мысль: «Скучно на этом свете, господь!».

Светлана БЕЛЯЕВА-КОНЕГЕН

ЕЩЕ ОДИН ГВОЗДЬ В ГРОБ СОЦРЕАЛИЗМА

Заметки на полях прошлогодней дискуссии

На сей раз хотелось бы обойтись без пафоса.

Хотя не так уж это легко, поскольку морализаторский пафос — то роковое заболевание, которым мучились буквально все поколения российской интеллигенции. И никакие превращения нашей политической, социальной и культурной жизни не способны, кажется, нас от него избавить.

Вполне убедительное подтверждение этому — появившаяся на страницах «Столицы» статья Льва Аннинского «Евангелие от Николая. Н.Островский: Вчера. Сегодня. Завтра?» (№ 41—42, 1991) и не заставившая себя ждать реакция на нее Феликса Светова («А был ли классик?», № 45, 1991).

Участников спора пока что только двое, но каждый из них — фигура весьма известная. И каждый из них выражает некоторую позицию, вполне отчетливо выявленную в сегодняшней нашей неспокойной жизни. Именно неслучайность обоих выступлений и по-нуждает прислушаться к ним со всей серьезностью.

«Когда-то я написал о нем книгу, — кивает Л.Аннинский на Н.Островского, — ее рубили, корежили; издав, долбали, и все это — защищая писателя от моих нападок».

Теперь, я чувствую, пришло время мне защищать Островского».

Ф.Светов в ответ кивает уже на самого критика: «Л.Аннинскому жалко «ленинскую гвардию», горько за нее».

У Льва Аннинского, взошедшего на небосклоне выдуманной официальной советской литературы еще в 60-е годы, длинная творческая биография. В прочитанном нами кратком эссе он сказал о себе и о ней вполне исчерпывающе. Были ли они — эта литература и ее критик, — или это один из мифов, с которым пришла пора расстаться; имеют ли они хоть какое-то отношение к русской культуре? По крайней мере на второй

вопрос можно ответить вполне категорично и только отрицательно — никакого отношения не имеют».

Оставим на совести почтенного нашего правозащитника категоричность его заявления, явно не вяжущегося со здравым смыслом (как можно считать не имеющим отношения к русской культуре то, что просуществовало в ней не одно десятилетие и дало в ней внушительные плоды?). Запальчивость Светова вполне понятна: оппонент его, сам того, похоже, не подозревая, затронул самое что ни на есть святое — идеологемы, определявшие и жизни обоих спорщиков, и жизнь третьего их молчаливого собеседника, Николая Островского.

Игра идеологемами всегда была излюбленным занятием нашей интеллигенции. Логическим итогом этой опасной игры явился так называемый «советский» период нашей истории, «выдуманность» которого (если сослаться на Ф.Светова) слишком уж ощутима собственными нашими боками. Вялая интеллигентская мечта обрела, наконец, статус мощного мифа, сильнейшего созидательного начала в культуре. В результате мы получили тот полужанитарный мир, который зовется «советским раем».

Так что если сравнить обе позиции наших спорщиков, то различия их окажутся очень и очень незначительными — одна, Светова, порадикальнее, другая, Аннинского, полиберальнее. Но обе они существуют в одной плоскости, обе, к несчастью, находятся в неизбежной близости к той яблоне, с которой их угораздило разом свалиться.

Мне уже не раз приходилось сетовать на то, что мышление советского человека упорно держится принципа оппозиций: «мы» и «они», «официоз» и «андерграунд», «правозащитник», «диссидент», «нарушитель социалистической законности» и «за-

конопопослушный советский гражданин». Причем жизнь на обоих этих полюсах была до странности схожа, отстраиваясь по принципу зеркальности с неперменной заменой знаков с «плюсов» на «минусы» и наоборот. И в этом отношении позиция Феликса Светова, вдохновенного подлинно большевистским «антикоммунистическим» пафосом (если понятие «большевизма» принять за единицу затраченной энергии), является предельным выражением этого принципа. Позиция Льва Аннинского мне, признаться, поприятнее отсутствием в ней радикального «большевизма» (оно же позволило нашему заслуженному критику сделать в своей статье ряд довольно точных догадок, и самая главная из них — параллель между романом классика советской литературы и Евангелием, т.е. некоторым каноническим текстом).

И все же обе эти позиции удерживаются в пределах одной ценностной иерархии. Достаточно сравнить оба текста:

«...как ТОГДА было говорить о гуманности, когда надо было уложить несколько десятков миллионов душ: и в первой войне, и во второй, и между ними, завершая строительство военного лагеря в одной, отдельно взятой стране, да еще убить руками СВОИХ? Какие святые могут быть у народа, находящегося в таком положении и в таком настроении?» (Это — Л.Аннинский.)

«...Как закалялась сталь» выразила насквозь лживую и человеконенавистническую мысль, показала героя, никогда не существовавшего... никакой народной правды Корчагин не выразил... никогда и никем Павка Корчагин не почитался «святым» (это как надо не хотеть знать своего народа, чтобы навязать ему в «святые» несчастья оболваненного недоросля, размахивающего наганом; и это после тысяч святых новомучеников российских, коими наша земля просияла после того, как она пропиталась кровью настолько, что и хлеб перестала родить!).» (А это, конечно, Ф.Светов.)

Увы, оба этих пассажи не имеют в равной мере никакого отношения к злополучному классическому произведению социалистического реализма. Вся эта высокая риторика и душераздирающие восклицания, раздающиеся с обеих сторон, здесь совершенно неуместны. Соцреализм может быть оценен — а не осужден или реабилитирован посмертно — не с позиций утомительного морализаторства, но с точки зрения собственно культурологической. Ни о каком профессиональном и сколько-нибудь адекватном подходе к предмету не может быть и речи до тех пор, пока этические и эстетические мерки не будут разведены по разным углам.

Прежняя целостная их неразведенность вполне объяснима: держалась она на извечной претензии нашей интеллигенции на роль высшего судии в обществе и, одновременно, творца всех движущих его жизнь идеологий. Именно интеллигенция претендовала на формирование для всего общества в целом некоей общей, универсальной картины мира и не менее универсального языка ее описания. Она, бедняжка, вечно металась между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, всегда пыталась отстроить себе в обществе совершенно особую, уникальную нишу и таким образом подчеркнуть от него дистанцироваться. С другой стороны, активно — идеологически — вмешивалась в ту самую жизнь общества, от которой все время так пренебрежительно отрекалась.

Ровно те же пороки украшали и нашу отечественную словесность. И в этом смысле традиция социалистического реализма была глубоко ей чужда. Это уже — не литература интеллигенции, в ней нет места привычной рефлексии. Эта литература абсолютно идентифицируется с системой, ее продуцирующей. Она в точности повторяет ее форму и структуру. И точно так же идентифицируется с ней ее читатель.

Традиционная эстетика всегда работает с некоторым набором ценностей, которые она так или иначе проблематизирует. А эстетическая конструкция соцреализма с легкостью накладывается и в точности повторяет конфигурацию тоталитарной социальной модели, никаким боком не вылезая за ее пределы. В основе такой универсальной модели стоит фигура некоего Божества-Творца (на языке социальном — Вождя) или же — если говорить о литературе — порождаемого им священного пратекста. Так что Л.Аннинский, говоря о том, что «государственный деятель» в подобной системе является «конденсатом настроений масс», явно путает направленность силовых векторов. Скорее здесь можно было бы говорить о том, что каждый персонаж (и уж тем более — каждый писатель, каждый автор) такой системы в той или иной степени является артикулятором воли верховного Жреца или Вождя. И это уточнение принципиально важно, поскольку все тексты, создаваемые в пределах этой системы, оказываются лишь размытой проекцией изначального пратекста.

Подобная модель культуры (и общества в целом), как это ни кажется поначалу парадоксальным, есть в каком-то смысле идеальное воплощение интеллигентской мечты. Это — то самое общество и та самая культура, которые существуют жестко в пределах предположенных им идеологом, не подвергая их разрушительным сомнениям.

Но в том-то и заключается трагический парадокс, что в этом предельном своем воплощении такая модель не допускает рефлексии, сужая до минимума амплитуду личностного волеизъявления. Она от каждого требует полного с собой совпадения и максимально до тошного воплощения воли стоящего на вершине пирамидальной конструкции Творца.

А Творец может быть только один. Конкуренция с ним невозможна, ибо она немедленно разрушит весь этот налаженный механизм, всю эту величественную, грандиозную конструкцию.

Таким образом, проблема уточнения авторства романа «Как закалялась сталь» с самого начала абсолютно лишена всякого смысла. Так что, пускаясь в рассуждения на эту тему, автор статьи «Евангелие от Николая» безнадежно заблуждается.

«...а если НЕ САМ ПИСАЛ? Что тогда? Вдруг это ему Анна Караваева писала? Или Марк Колосов?»

Неужели не чувствуете, в какую ловушку мы попадаем с этими вопросами? Хоть один текст, написанный Караваевой или Колосовым, имел такое воздействие на людей, как текст Островского? Что ж они от СВОЕГО ИМЕНИ не написали такого?»

Столкнувшись с феноменом соцреализма, русско-советский интеллигент оказался перед неразрешимой дилеммой. Перед ним была его воплощенная мечта, им же созданная и взлелеянная. Но идеал этот, обретая конкретные формы, неожиданно потребовал от него невозможного — полной и абсолютной с ним идентификации, отказа от авторства. Нужно было или полностью раствориться в собственном творении, или неизбежно погибнуть. Иного выбора не было.

Увы, всякая идеальная модель в этом несовершенном мире недолговечна. Тоталитарная система, при всем кажущемся совершенстве и неуязвимости своей конструкции, в ситуации неизбежного контакта с окружающим миром начала быстро разрушаться. По сути дела и она сама, и порожденный ею соцреализм в чистом, идеальном своем воплощении просуществовали очень недолго — с начала 30-х до середины 50-х гг. Ни о каком «тоталитаризме» и «соцреализме» после середины 50-х в строгом смысле говорить не приходится.

Великие времена свершения желаний и овеществления мифов закончились. Следующая за ними жизнь немедленно попадала в неизбежную зависимость от подлового бытового прагматизма и мелких житейских пакостей. И сейчас мы тщетно пытаемся схватить за хвост, через сомнительные их ценности разглядеть величественные и чистые линии той героической эпохи.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Четвертое измерение

От всех прочих российских смертных я отличаюсь тем, что время от времени впадаю в четвертое измерение. То есть бывают дни, когда все, ну или почти все или хотя бы что-то точно сдвигается с насиженных своих мест, когда вдруг открываются новые виды, неожиданные и вроде бы закрытые наглухо, как обратная часть Луны, когда являются странные люди, которые говорят причудливые речи и совершают непредвиденные поступки, — в эти-то дни во мне и возникает такое чувство, словно я ненароком затесался в четвертое измерение, где самым естественным образом творятся маховые чудеса.

Впрочем, случается это редко, когда я выезжаю в город, а я только по крайней нужде выезжаю в город, так как страдаю жестокой тахикардией и предпочитаю помереть на своем одре.

Что особенно интересно: накануне ночью я во сне наблюдаю то, что впоследствии стрясается наяву, правда, очередность событий частенько не совпадает и в некоторых деталях получается разнобой, а так один к одному, как оригинал и зеркальное отражение или, вернее, наоборот; ну вот вам, пожалуйста, разве это не чудеса — сначала отражение, а после оригинал... Немудрено, что в такие дни я не обхожусь без того, чтобы выпить стакан-другой.

Однажды я наблюдаю сон, будто бы в ночь на 1 марта — трудно сказать, почему именно на 1-е, поскольку дело было четырнадцатого числа, такое выдалось, понимаете ли, обратное сновидение, — так вот, будто бы в ночь на 1 марта я нечаянно влип в заговор дураков. Картины этого ночного кошмара, крайне несвязного, между прочим, выстроились в следующей очередности: сначала я увидел большую птицу, потом милиционера, который меня обидел, потом скуластого деревенского паренька в безукоризненной фракционной паре, потом почему-то тундру. И вот еду я по тундре на вездеходе, а вокруг меня простирается плоско-бесконечное заснеженное пространство, никак не намекающее на присутствие человека, только низкие, угловатые деревца стоят скелетами тут и там. Ветер подвывает тонко и прерывисто, точно ребенок ноет, и поднимает поземку, которая низко бежит над настом и напоминает фактурой перистые облака. Естественно, стоит полярная ночь, но какая-то повытершавшаяся за зиму, белесая, как флотская форма второго срока, да еще северное сияние нет-нет да пронесется над горизонтом, будто зарево того самого мирового пожара, о котором мечтали большевики. Вдруг глядь — вдалеке теплится огонек. Я круто меняю галс и моментально оказываюсь у костра, разведенного на снегу из сушняка карликовой березы, где и застаю три примечательных персонажа: первого я окрестил про себя Секретарем, второго — Председателем, третьего — Милиционером, поскольку тот был в милицмейской форме; у всех троих на лицах некие жреческие, упитанно-просветленные выражения, словно они в этой жизни познали все.

«Чего это, — говорю, — мужики, вы тут сидите, случилось что?» «Да вот топливо кончилось», — говорит Секретарь и кивает в сторону трех черных «Волг», стоящих в сторонке, как прикорнувшие бегемоты. «У нас транспорт ходит на сахарном песке, — поясняет Председатель, — а его-то как раз и нет». «Ну, — говорю, — полный вперед! Вот уж, действительно, четвертое измерение!» «При чем тут четвертое измерение? — возражает Милиционер. — Просто-напросто идет нормальная классовая борьба».

«Социалистическое земледелие в лице колхозов и совхозов, — уточняет Председатель, — подставлено под удар усилиями так называемых демократов. Поднял голову откровенный враг, которого умники в центре называют фермером, на самом же деле поднял голову мироед. Но мы его слоим, мы его разотрем в порошок и пустим по

ветру как никуда не годное вещество. Мы им покажем заокеанскую урожайность, вредительские надои, антисоветские привесы молотьяка!»

Я говорю: «А, собственно, откуда в тундре взялись колхозы и совхозы?»

Секретарь сдержанно отвечает: «У нас везде колхозы, потому что у нас везде партия, а где партия — там победа. Так вы, товарищ, по какую сторону баррикад?» Поскольку у меня не было сил определенно ответить на секретарский вопрос, я сделал над собой усилие и проснулся.

Проснулся я в непростывшем ужасе и первым делом возблагодарил Бога за то, что собеседование у костра оказалось не более чем кошмаром. Затем я поднялся с постели, сунул ноги в домашние тапочки, надел коричневый монгольский халат, который вывез из давней заграничной командировки, подошел к окну, отдернул штофную занавеску и обомлел: на перилах лоджии сидел гриф. Спустил минуту-другую, понадобившиеся на то, чтобы прийти в себя, я сказал ему:

— Кыш, дурак! — и сделал рукою «кыш».

Гриф посмотрел на меня с вежливой надменностью, как обыкновенно на нашего брата смотрят милиционеры, показательно отвернулся и сделал препорядочную порцию на заснеженные перила.

День, начавшийся сверхъестественным появлением грифа, которые, насколько мне известно, не водятся в Подмоскovie, как назло был из тех, когда мне приходится ехать в город: пришел срок забирать из ремонта мою допотопную пишущую машинку, и, хотя починал ее мой давний приятель и хотя ехать предстояло не так уж и далеко, к Покровским воротам, сердце у меня заныло в предчувствии приключений.

До места я добрался, впрочем, благополучно. Единственно, что меня как-то насторожило: время приближалось к половине второго, а мой приятель уже был несколько подшофе. Я его спросил:

— Чего это ты нажрался с утра пораньше?

— Поминки, — односложно ответил он.

— По ком поминки-то?

— По императору Александру II Освободителю. Ты положи руку на сердце помнишь, какое сегодня у нас число?

— Ну, четырнадцатое марта...

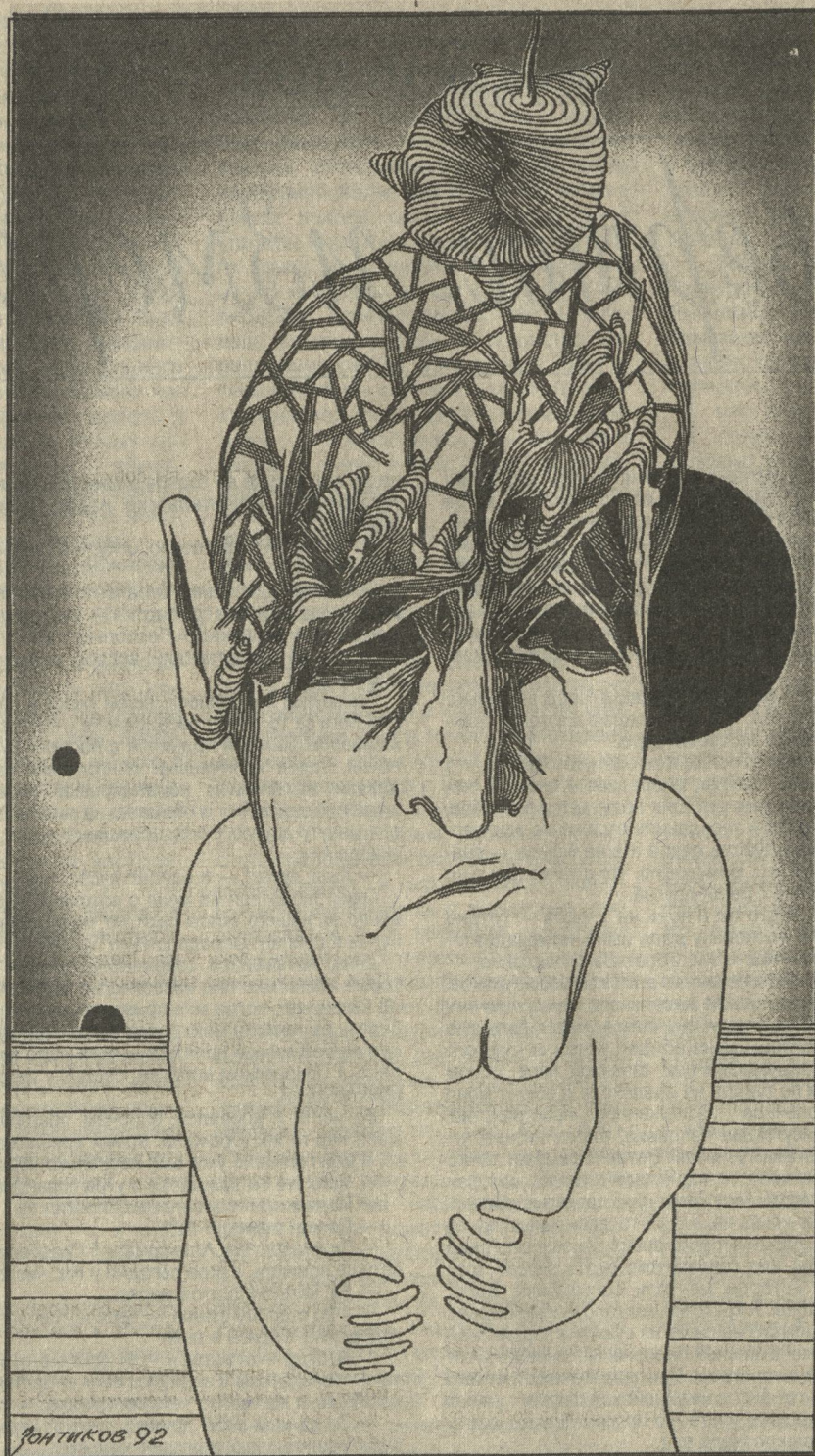
— А по старому стилю — первое. Как раз получается сто десятая годовщина. Садись и пей!

— Не буду! — отрезал я. — Я, конечно, против терроризма, но пить в такую рань, да еще и водку, ты меня не заставишь. Потом у меня же тахикардия, я же выпью четыре стакана — и мне каюк!

— Тогда ищи себе другого дурака, который за здорово живешь будет чинить твою пишущую машинку.

В общем, под таким давлением пришлось выпить. Сначала мы поминали Александра II Освободителя, потом, в свою очередь, жертвы романовской тираннии, а после поехали к тетке приятеля, которая живет на Цветном бульваре; там мы пили уже под другую дудку — там пьянство развернулось под тем предлогом, что водку для того и делают, чтобы пить. В конце концов мы очутились в ресторане «Гавана», где глушили спиртное внаглую, то есть помимо какой бы то ни было гуманистической подоплеки. Естественно, к вечеру я уже был до того хорош, что заснул в метро и долго катался туда-сюда. Проснувшись на какой-то конечной станции, я выбрался на поверхность...

Вокруг меня простиралась тундра. Именно, я увидел плоско-бесконечное заснеженное пространство, где ничто не намекало на присутствие человека. Ветер подвывал тонко и прерывисто, точно

Рисовал Р.Зонтиков

ребенок ныл, и поднимал поземку, которая низко бежала над настом и напоминала фактурой перистые облака. Стояла полярная ночь, но какая-то повытершаяся за зиму, белесая, как флотская форма второго срока, да еще северное сияние нет-нет проносилось над горизонтом, будто зарево того самого мирового пожара, о котором мечтали большевики. Буду откровенен: я до того перепугался, что опрометью бросился назад, но за поздним временем милиционер меня не впустил.

Я ему говорю:

— Сержант, голубчик, ведь там же тундра!

А он мне:

— Иди проспись.

Делать было нечего — я с укоризной посмотрел на неумолимого милиционера, который, в свою очередь, посмотрел на меня, как давеча утром гриф, и снова выбрался на поверхность. Ветер тем временем поутих, северное сияние не давало о себе знать, но зато прог-

лянули звезды, мелкие и тусклые, вроде фосфоресцирующих гнилушек. Я побрел куда глаза глядят, неуверенно ступая по насту, который издавал звук кровельного железа, и вскоре набрел на проторенную дорогу. Я, признаться, удивился тому, что в этом диком краю существуют-таки дороги — при этом меня нисколько не удивляло волшебное перемещение из центра Москвы за Полярный круг, поскольку я сразу сообразил, что опять ввалился ненароком в четвертое измерение, — и с легким сердцем зашагал по утрамбованной колее. Так я шел, наверное, часа два, когда вдруг за спиной послышалось тяжелое дизельное урчание. На поверку это оказался бензовоз марки «Татра», которые редко встретишь на материке; я отступил на обочину и «проголосовал»; бензовоз замедлил ход и остановился; я открыл дверцу кабины и обосновался в довольно-таки уютном помещении, пахнувшем дешевым табаком и промасленными концами.

— Тебе куда? — осведомился шофер.

— А черт его знает, — ответил я.

Шофер дал газ, и мы покатили в неведомом направлении.

Я уже начал беспокоиться — так долго мы ехали в неведомом направлении, — но еще прежде меня взволновало то, что на моем шофере была безупречная фрачная пара, белая рубашка и галстук бабочкой. Я долго не решался его спросить, где мы находимся и куда, собственно, держим путь, опасаясь получить ответ умопомрачительный, вроде того, что якобы мы с ним на Колыме и держим путь в направлении Сусумана, но впоследствии я все же набрался храбрости и спросил:

— Чего это ты во фраке?

— А это нам немцы прислали гуманитарную помощь, вроде как мы голодающие Поволжья. Ну я и подумал: раз никто не берет, чего добру пропадать, для «дальнобойщика» в самый раз.

— Мы сейчас что, в Поволжье?

— Почему в Поволжье? Это у нас Раменский район Московской губернии, скоро будет почтовое отделение Рыбаки.

У меня отлегло от сердца. Я подумал: «Значит, все-таки не четвертое измерение», но тут мой шофер снова заговорил, и я понял, что немного поторопился.

— Так что мы сейчас едем в направлении Рыбаков. Там, километрах в трех не доезжая до этих сапых Рыбаков, застряло какое-то руководство. Они нам в колонну по рации сообщили: что-то у них с бензином. Я так думаю: это демократы подсыпали им в баки сахарного песка.

— А почему именно сахарного песка?

— Потому что он полностью аннулирует в здешнем бензине октановое число. Километров двадцать еще можно проехать, пока песок в бензине не растворится, а потом — суши весла, ни «тпру», ни «ну».

Не прошло и четверти часа, как я углядел в лобовое стекло одинокий, какой-то потерявшийся огонек. Я решил, что это и есть застрявшее руководство, и скоро убедился — так и есть: когда мы подъехали к костру, разведенному у правой обочины на снегу, то в свете фар увидели троих мужчин, гревшихся у огня, и три черные «Волги», которые показались грузовыми, как прикорнувшие бегемоты.

Шофер объяснил:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— То есть? — не понял я.

— Это из соседнего района начальство, самые тамошние тузы. Секретарь райкома, председатель райисполкома и главный ихний милиционер.

Вслед за этим мой шофер сплюнул себе под ноги и добавил:

— Приехали. Вылезай.

Я спросил, сколько с меня следует за подвоз, на что шофер ответил, что-де не следует ничего, и я подумал: «Ну, точно, четвертое измерение».

Выбравшись из кабины, я несмело пошел к костру и на ходу услышал обрывок речи:

— Это мысленное ли дело, — говорил Секретарь, — целых три фермера на район! Я в обкоме партии глаз показать не смею, потому что на меня смотрят как на последнего регента и дурака. И самое-то прискорбное, что у всех трех мироедов какие-то антисоветские показатели, что по урожайности зерновых, что по надоям, что по привесу молодняка... Ведь это же, товарищи, срам, это подрыв нашей идеологии, это, если хотите, подкол под устои советской власти! Ленин чему учил: коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны — и никакой многоукладности в сельском хозяйстве, на электрификации ставим точку. А то вместо коммунистического завтра мы с вами скатимся в капиталистическое вчера...

На «капиталистическом вчера» Секретарь осекся, так как увидел

меня, уже с полминуты стоящего у костра; он строго посмотрел на мою сторону и спросил:

— Вы кто, товарищ?

— Я, — отвечаю, — газетчик, но только не штатный, а вольный стрелок, вроде Вильгельма Телля.

Поскольку мое признание вызвало почти паническую реакцию, да еще вся троица не знала Вильгельма Телля, я поспешил схитрить:

— Специализируюсь на колхозной тематике, пишу исключительно в «Сов.Россию».

— Наш человек, — отозвался Главный милиционер.

— Так вот я и говорю, — продолжал Секретарь, обращаясь уже ко мне, и как-то даже доверительно обращаясь как к товарищу по борьбе, — фермер свирепствует на селе, то есть по-большевистски, по-нашему, — мироед!

— Но мы его сломим! — вступил Председатель. — Мы с корнем вырвем этот сорняк из здоровой почвы социалистической экономики, мы им покажем, как собирать по девяносто центнеров озимых с га!

Я поинтересовался:

— А как конкретно вы собираетесь прижать эту классовую вражину?

Секретарь в ответ:

— А вот сейчас милиция нам доложит.

— Только это не для печати, — начал Главный милиционер. — Как и все гениальное, план мой прост: поскольку фермер тоже человек, даром что он вражеский элемент, мы под посевную выбрасываем на прилавки пару вагонов водки. Полагаю, не устоит фермер перед таким подарком советской власти, наравне с колхозником он думать забудет про посевную, и в результате — у нас двенадцать центнеров с га, и у врага двенадцать центнеров с га! Таким образом мы разоблачим в глазах трудового народа частнособственническое хозяйство.

— Это все очень хорошо, — сказал я. Да только откуда взять столько водки, когда страна не похмеляется пятый год?

Главный милиционер:

— Мои ребята присмотрели в Раменском, на путях, как раз два вагона винно-водочных изделий, иначе я бы не говорил. Подгоняем к вагонам транспорт, погружаем под покровом ночи — и все дела.

Секретарь предположил:

— А если вас раменские прищучат?

— А «калашниковы» на что?!

— Ну да! — вскинулся Председатель. — Только нам не хватало гражданской войны межрайонного масштаба, чтобы нас осрамили на весь Союз!

— По крайней мере, — уговорил Главный милиционер, — можно организовать свое самогонное производство. На всякий пожарный случай мои ребята присмотрели в Петушках четыре вагона сахарного песка. На этот же случай у меня в КПЗ сидят злостные самогонщики, которых я заставляю вкалывать день и ночь.

Я робко предположил:

— А может быть, пустить это дело на самотек? То есть дать возможность фермеру с колхозником честно стыкнуться за рынки сбыта, и пусть победит сильнейший...

— Партия коммунистов, — торжественно сказал Секретарь, — ничего не пускает на самотек. В том-то весь и большевизм, что реальная жизнь, хоть ты тресни, должна соответствовать всепобеждающему учению.

— А если, — уже распаляясь, продолжил я, — всепобеждающее учение потребует, чтобы солнце восходило на юго-западе, тогда как?

— Тогда партия коммунистов сделает все возможное и невозможное, чтобы солнце восходило в соответствии с установкой. И оно будет восходить именно так, как мы пожелаем, потому что где партия, там победа!

— Знаете что, ребята, — с откровенной антипатией сказал я, — по-моему, вы просто-напросто ненормальные. И правильно, что вам мужики подсыпали в бензобаки сахарного песка! А я еще вдобавок и шины вам проколю, чтобы неповадно было мучить простой народ!

Потом уже, несколько дней спустя, размышляя о моих приключениях, я сначала заподозрил, что они имели место в обыкновенности, так сказать, но после мне вот что пришло на мысль: чтобы забитый русский газетчик да вставил такой фитиль районному руководству, этого в действительности никак не могло случиться, и я снова вторгся в четвертое измерение, где самым естественным образом творятся маховые чудеса.

Ар. БУХОВ

ИДИЛЛИЯ

Из журнала
«Новый Сатирикон»,
1918 г.

Наконец, все ко всему привыкли, перестали пугаться и удивляться, а спокойные россияне произнесли мудрое: очевидно, так надо. Жизнь пошла по пути идиллического быта.

Семья Чиноевых жила в особняке, наскоро переделанном из ванной и пустого сундука. Столовую занимал домовый комитет, кабинет самого Чиноева был отдан беднейшей части населения в лице приезжей тетки одного из дворников, а спальня скромно дожидалась того извозчика, который на прошлой неделе привез госпожу Чиноеву и сказал, получая деньги:

— Лошадь продам — жить сюда приеду. Митей звать будете и на фортепьянах играть.

Программа этого человека была не ясна, но так как это был последний извозчик без университетского значка, то решено было выразить согласие и уступить спальню. Тем более, что он мог указать брату Чиноева, инженеру-технологу, где можно выменять на бинокль сбрую, как держать кнут и, словом, приспособиться к извозному промыслу.

Сам Чиноев был один из популярных мешочников в своем районе; иногда его обороты принимали грандиозные размеры, и ему даже удавалось вымени-

вать мандолину или пресс-палье на фунт гороха, что всегда заставляло трепетать от зависти окружающих жителей.

— Эти ученые — дошлый народ, — шептали завистники. — Глядишь, трое суток покрутятся на улице и дети сыты... А уж жена свою линию гнет — где кому корзину снести, где газеты продать.

И действительно, большую часть своей жизни Чиноев проводил теперь на улице. К этому времени порядок уже восстановился, и стреляли только в самое бойкое утреннее время, когда народ шел густо, а в обедний час можно было безопасно простаивать под воротами и даже на бегу кое-что продать или выменять.

Чиноевские дети слегка помогали родителям, так как в гимназию им ходить надо было не часто. Во-первых, учителя бастовали в виде протеста против своей забастовки, учебники показывали только в музеях, да и то приезжим экскурсиям, во-вторых, и сами дети были как-то случайно объявлены частной собственностью, и уже шел разговор о прикреплении их к недвижимости, национализации и обложении особым налогом взамен собачьего ввиду того, что собаки были съедены в лучшие времена.

По утрам дети играли в больших, т.е. сидели и ничего не ели, а по вечерам бегали резвиться и тешили пылливость детских умов ближайшими самосудами.

Знакомых у Чиноевых было очень мало. Большинство его коллег по профессуре занималось работой на токарной станции — перетаскиванием пустых мешков в пустые вагоны, что называлось применением интеллигентного труда, и их трудно было застать дома.

Впрочем, иногда все-таки приходили в гости.

Для этого соединялись несколько семей и шли вместе, выставляя впереди особый арьергард из холостяков — пока их грабили, остальные продолжали свой путь, обмениваясь шутками и свежими новостями. Тот, кто доходил до гостей, пил там чай со своим сахаром и рассказывал о судьбе своих спутников, что делало его героем вечера и располагало к нему сердца слушателей.

Чтением в то время занимались мало, так как книги перевелись; перечитывали списки телефонных абонентов за старые года, почтовые квитанции; за книжку Вербицкой платили фунт керосина или кожаное кресло.

Спектакли, помимо отсутствия освещения, прекратились также и от обилия самосудов над артистами, изображавшими в пьесах отрицательных типов. В дни последних спектаклей был отнесен в Фонтанку лучший любовник, игравший Яго. Да и сами артисты были настолько запуганы, что игравшие определенных злодеев в самых патетических местах, опасливо косясь на публику, начинали танцевать, петь и перепрыгивать через стулья. А в «Борисе Годунове» пришлось сделать так, что весь народ окопался в палатах, а на сцене бегал и волновался один Борис, ежеминутно показывая публике плацкарту и билет в Тобольск.

По магазинам Чиноевы ходили редко, так как магазинов вообще не было. Весь товар был на руках, и даже автомобильные гаражи пришли к заключению, что лучше продавать из-под полы отдельные части автомобиля, чем высылать целый по первому звонку заказчика. Случилось так, что человеку уже удавалось собрать все части, кроме одной шины, и автомобиль беспомощно стоял на улице, пока его новому владельцу не удавалось выменять кусок ситцу на искомую шину.

Бывало так, что во время делового разговора один собеседник вынимал револьвер, приставлял его к животу другого собеседника и твердо говорил:

— Или ботинки, или пулю в живот. Это называлось меновой торговлей.

И, ложась спать, Чиноев наставлял детей: — Ко всему надо привыкать, ребята... Привычка, она, брат, вторая натура.

И дети, которым хотелось есть, соглашались...

Публикация Р.Соколовского

Аркадий
ИППОЛИТОВ

БРИСЕИДА И ФЕТИДА

(Гомеровский эпос)

В пространстве гомеровской «Илиады», наполненном грохотом оружия и стонами умирающих, женщине нет места. Хотя война началась из-за Елены, слабому полу теперь остается только стоять на стенах или сидеть в шатрах и с ужасом ждать смерти мужей и возлюбленных. В случае поражения жен и дев поволокут в плен и будут делить по жребию.

Любови потребовал ее к себе Агамемнон, а как компенсацию за обиду. Он был настолько к ней равнодушен, что даже оставил нетронутой вплоть до возвращения Ахиллу. После возвращения, когда все амбиции Ахилла оказались удовлетворены, Брисеида стала безразлична и Гомеру, о ее дальнейшей судьбе мы ничего не знаем. Позднее толкование было сострадательней к Брисеиде и приписало Ахиллу любовь к прекрасной пленнице, хотя в тексте «Илиады» это ясно прочесть невозможно. На вилле Вальмарана в XVIII веке Джованни Баттиста Тьеполо создает фреску «Увод Брисеиды из шатра Ахилла», проникнутую этим состраданием. За руку вывел из сени прекраснolanитую деву,

го стиха: в память врезается обреченно склоненное лицо «печальной девы», медленно удаляющейся к неведомым новым страданиям. Брисеида и ее печаль — главные персонажи фрески Тьеполо. Это результат нового прочтения «Илиады» — античный греческий художник изобразил бы Брисеиду в виде безликой, закутанной в покрывало фигуры, теряющейся среди мощных героев.

А что Ахилл?

...Тогда, прослезясь,
Бросил друзей Ахиллес, и
далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и,
взирая на понт
темноводный,
Руки в слезах простирает,
умоляя любезную мать...

Но плач Ахилла связан не с Брисеидой — возлюбленной, а с Брисеидой — наградой:

Д.Флакман. Агамемнон уводит Брисеиду

Жребий определяет их судьбу, женщина греков обречена с рождения.

Сильнее всего обреченность женщины видна в судьбе Брисеиды. Она послужила предметом спора между Ахиллом и Агамемноном, ее бросали из шатра в шатер с жестоким безразличием. Не в результате усилий любви досталась она Ахиллу, а как часть добычи греков. Не из-за

Отдал послам, и они удаляются к сням ахейским, С ними отходит печальная дева.

Ни стоны, ни крика, просто «отходит печальная дева». Будешь тут печальной, когда только что пришлось расстаться с отчим домом, а теперь уводят к другому повелителю. Тьеполо великолепно передает настроение гомеровско-

Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил. Подвигам бранных награду похитил и властвует ею!

Мать услышала Ахилла, и из волн океана появилась богиня Фетида, родившая смертного героя от смертного царя Пелея. Фетида относилась к богам более древним, чем Зевс и олимпийцы.

Д.Флаксман. Фетида и Брисеида

Ее красота соблазнила Зевса, но ему было предсказано, что сын Фетиды от бессмертного станет самым сильным богом. Испугавшись, Зевс выдал Фетиду замуж за смертного, чтобы ее дети тоже стали смертными. Испытав унижение этого брака, Фетида, совершенно безразличная к мужу, находит утешение в страстной любви к сыну, обреченному богами на смерть. Она ни в чем не может отказать отпрыску, соглашаясь на этот раз, когда разобиженный, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку, Ахилл просит почти невозможного: не дать победы коварным грекам, то есть изменить предреченный богами исход войны.

Фетида поднимается на небо и припадает к коленям Зевса. Гениальная картина Энгра рисует перед нами именно этот момент сюжета. Используя свою красоту, не оставившую равнодушным громовержца, и свои услуги (Фетида спасла ему трон, когда во время заговора Афины,

Геры и Посейдона привела на Олимп сторукого Бриарея, устранившего заговорщиков), она пытается умолить Зевса изменить волю богов.

В жесте Фетиды, лас-

кающей Зевса, сладострастная мольба. Слева с мрачным недоброжелательством подслушивает разговор Афина Паллада, переживающая за судьбу греков. Энгр необычайно

А.Аппиани. Фетида и Зевс

тонко передал и божественность гомеровских персонажей, несоизмеримых с человеческим пространством, и их вполне человеческую одержимость страстями. Как ни привлекательна женственность Фетиды, французскому живописцу удается сохранить дистанцию мифа, не превращая разговор богов в гаремную сцену, как это происходит у Андреа Аппиани, итальянского современника Энгра.

Но миф Энгра — миф красоты, а не веры. Энгр все же создает иллюстрацию к «Илиаде», как Флаксман или Аппиани, не более. После моды, введенной на Гомера этими художниками, сюжеты из поэмы переходят в декоративно-прикладное искусство, на крышки часов и табакерок. Картина Энгра — последнее великое произведение на этот сюжет. И одновременно первое — в котором миф уже не переживается как откровение, становясь, по существу, декоративным и прикладным. В этом смысле табакерка от самой монументальной фрески отныне будет отличаться только размерами.

Ж.О.Д. Энгр. ЮПИТЕР И ФЕТИДА

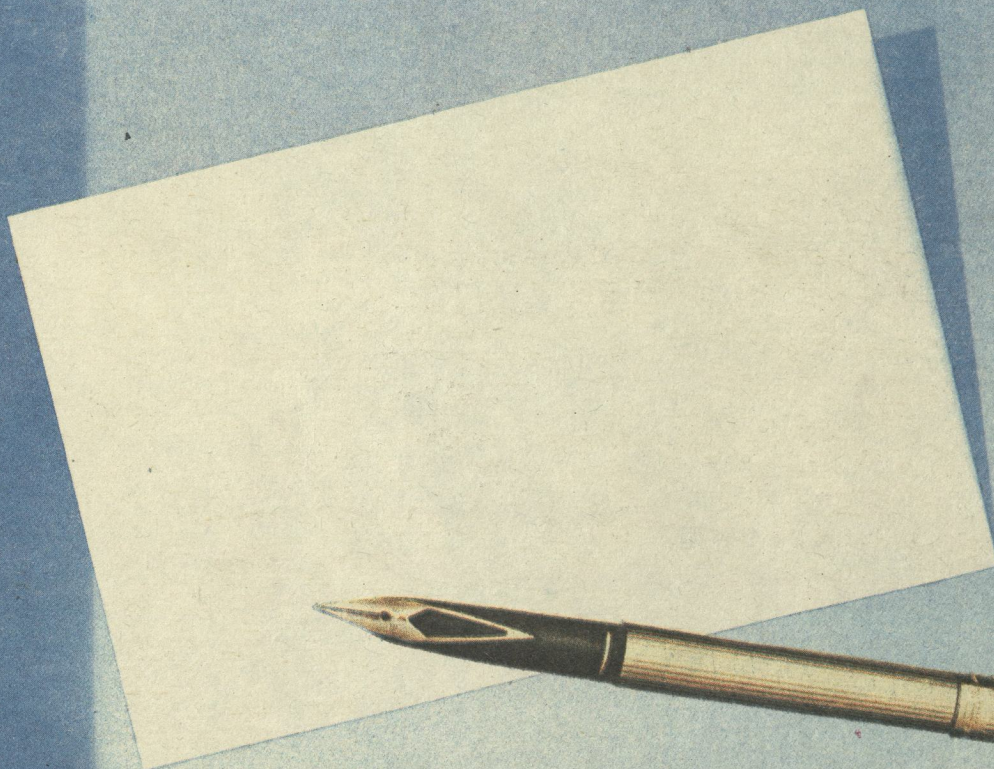

Дж. Б. Тьеполо. УВОД БРИСЕИДЫ

кв-ра

**МЫ СТРОИМ СЕГОДНЯ ТО,
ЧТО НЕ СТРОИТ НИКТО...**

БРОКС ИНТЕРНЭШНИ, ЛТД

105568, Москва, а/я 11